КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXVI.

СЕНТЯБРЬ.

1899 г.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.
1899.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

ОТДѢЛЪ II-й.

Дозволено цензурою. Г. Кіевъ, 3 сентября 1899 годà.

ФИЛОЛОГІЯ И ПОГОДИНСКАЯ ГИПОТЕЗА.

Даетъ-ли филологія малѣйшія основанія поддерживать гипотезу г. Погодина и г. Соболевскаго о галицко-волынскомъ происхожденіи всѣхъ малоруссовъ?

(Продолженіе [1]).

Кіевскіе и мнимокіевскіе памятники XI—XV вѣка.

б) Послѣмонгольскіе.

Г. Соболевскій останавливается на пяти памятникахъ [2]):

1) Кіевская псалтирь 1397-го года. Исторія отношеній г. Соболевскаго къ этой псалтири довольно поучительна, потому что особенно наглядно показываетъ, до какихъ печальныхъ послѣдствій доводитъ тенденціозность. Псалтирь эта полна довольно явственныхъ великорусскихъ чертъ [3]) и повидимому она-то, собственно, и послужила г. Соболевскому первой основою для

---

[1]) См. Кіев. Стар. 1899, іюнь, стр. 307—316.

[2]) См. Чтенія въ Обществѣ Нестора Лѣтописца II, 215, 219, 224; Лекціи, 1-ое изд., 199—200; 2-ое изд., 254—256.

[3]) Срв. Срезневскаго: Древніе памятники русскаго языка и письма 2-ое изд., стр. 283, и выписки—во второй части 1-го изданія; также въ Извѣстіяхъ Акад. Наукъ X, 690—691.

его утвержденія о великорусскости старыхъ кіевлянъ, въ 1883-мъ году [1]). Когда кіевскіе оппоненты возражали, г. Соболевскому, что Псалтирь 1397 г. написалъ какой-нибудь великоруссъ, пріѣзжавшій въ Кіевъ вмѣстѣ съ Московскимъ митрополитомъ, г. Соболевскій заявилъ, что „палеографическія особенности рукописи 1397-го года *совершенно* отличны отъ особенностей рукописей московскихъ и новгородскихъ,—Спиридонъ (переписчикъ Псалтири) былъ не сѣверный, а кіевскій великороссіянинъ“ [2]). И что же! Спустя немного времени выяснилось, что Псалтирь 1397-го года писана тѣмъ же московскимъ великороссомъ, діа-
кономъ Спиридономъ, который „**блг҃веньıемь Кипрıана, митропо-
лита всеа Роуси, повеленьıемь блг҃овѣрнаго кнѧзѧ Володïмера
Андрѣıевичѧ**(а)“, написалъ московское евангеліе „въ лѣто ҂ѕ. ѿа
индик(та) а҃ (6901,—т. е. 1393 г. [3]).“ Другими словами, оказалось,
что Псалтирь 1397-го года, которая, по увѣренію г. Соболев-
скаго (въ 1883 г.), *совершенно* отличается отъ рукописей мо-
сковскихъ, есть какъ-разъ рукопись московская!... Г. Соболевскій не сразу исключилъ ее изъ числа памятниковъ кіевской рѣчи. Въ 1889-мъ году, въ первомъ изданіи своихъ „Лекцій,“ онъ
еще выразился уклончиво: „Кіевская Псалтырь 1397-го года на-
писана *едва-ли* (курсивъ нашъ) не пришлымъ великоруссомъ [4]).“ Только въ 1892 г. онъ ее рѣшительно вычеркнулъ изъ числа источниковъ для изученія старокіевской рѣчи [5]).

---

2) Евангеліе 1411 года. Сдѣлавши общее замѣчаніе, что всѣ пять кіевскихъ послѣмонгольскихъ памятниковъ не даютъ ясныхъ діалектологическихъ указаній, г. Соболевскій говоритъ въ частности о евангеліи 1411-го года, что „оно представляетъ списокъ съ средне-болгарскаго оригинала, съ *малымъ* количествомъ

---

[1]) См. указанное мѣсто II тома „Чтеній въ Обществѣ Нестора Лѣтописца.“

[2]) Чтенія въ Обществѣ Нестора Лѣтописца 1883 г., т. II, стр. 224.

[3]) Срезневскій: Древн. пам. 274; Лекціи Соболевскаго, 2-ое изд. 16; Воскресенскій: Евангеліе отъ Марка, 57; Серг. Пос. 1894.

[4]) Стр. 199-ая 1-го изданія.

[5]) 2-ое изд., стр. 254.

руссизмовъ,"—слѣдовательно, по этой причинѣ для русской діалектологіи мало пригодно. Но надо кромѣ того добавить, что и тѣ немногія русскія черты, какія проскальзываютъ въ Евангеліи 1411-го года, говорятъ о некіевскомъ происхожденіи переписчика. Писано это евангеліе по заказу какого-то, должно-быть, великоросса (инока Іоны Балакирева), писцомъ-великороссомъ или бѣлоруссомъ, который говорилъ нарѣчіемъ акающимъ и фамилію своего патрона написалъ съ О („Болакиревъ[1]);" онъ не писалъ *ѣ* въ „гд*ѣ*" 144 об. и „нигдѣ" 260[2]), а эту черту самъ г. Соболевскій призналъ за антикіевскую[3]).

---

3) *Вкладная запись князя Домолдата Домолдатовича 1427-го года.* Никакихъ великоруссизмовъ г. Соболевскій указать въ ней не можетъ, но, не желая признать ее за малорусскую, называетъ языкъ „оффиціальнымъ западно-русскимъ". Чтобы читатель яснѣе могъ судить о языкѣ этой записи, приведемъ ее цѣликомъ[4]): „Се яз кн[я]зь Долголд[атъ Долгол]датовичъ м[и]л[ос]тью б[о]жьєю, што єсми выслужил оу Б[о]га и оу великог[о] кн[я]зя Витовта, г[осу]д[а]ря своєго,—даю ѿ своєе выслуги вѣрноє по своєи д[у]ши и сь своею гн[я]гинею с[вя]т[о]му Николепустыньскому Иѡнину монастырю тую землю на имя Толстолѣсьског[о] Конона. А идет[ь] с нег[о] колода меду. И съ всеми пошлинами з бобры и с куницами и с полюд[ь]ємь. А хто ся имет[ь] оуступат[и] оу моє приданє, што я дал с[вя]т[о]му Николе, любо моих детин, любо хто имѣет[ь] держат[и] по моєм животѣ, судится со мною перед Б[о]гомъ. Псан[о]и дан[о] при

---

[1]) См. Срезневскаго: „Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ," СПБ. 1876, т. II, стр. 392. Запись издана и въ особомъ литографическомъ снимкѣ. (Я нашелъ одинъ экземпляръ въ бумагахъ покойнаго Бѣлозерскаго).

[2]) Отмѣчено у Соболевскаго въ Лекціяхъ, стр. 254.

[3]) Лекціи, 1-ое изд. 37; 2-ое изд. 64; Изслѣдованія 2.

[4]) По изданію Срезневскаго: Свѣд. и зам., II, 392, б. Ради типографскаго удобства надстрочныя буквы перенесены въ строку. Въ скобкахъ поставлены буквы и слоги, подразумѣваемые подъ титлою.

державе г[о]с[у]д[а]ря великого кн[я]зя Витовта въ лѣт[о] ѕ҃ ц л҃є, м[ѣ]с[я]ца марта к҃є д[е]нь, индикта є҃." Читатель видитъ, что языкъ этой вкладной чрезвычайно близокъ къ современному малорусскому. Конечно, малорусскій колоритъ былъ бы особенно явственъ, если бы у писца гдѣ нибудь вмѣсто є или о проскользнуло ю или ү (предвѣстники современнаго ї); но во-первыхъ такія описки, считаясь вульгаризмами, ни въ какомъ старинномъ малорусскомъ памятникѣ не часты, а во-вторыхъ—краткая вкладная Долголдата Долголдатовича представляла бы для нихъ только два случая (своєи и моєм) и то въ такихъ словахъ, въ которыхъ удареніе бываетъ и на первомъ слогѣ (въ силу чего качество неударной гласной второго слова скрадывается); притомъ же сосѣдство словъ „ѿ своєе, "„съ своєю," въ которыхъ звукъ є остается неизмѣннымъ, могло содѣйствовать сохраненію буквы є въ начертаніяхъ „своєи" и „моєм". Кто знакомъ съ языкомъ галицкихъ и волынскихъ грамотъ, малорусскости которыхъ г. Соболевскій не оспариваетъ, тотъ замѣтитъ, что вкладная кн. Долголдата Долголдатовича отъ нихъ почти не отличается [1]).

---

4) *Духовная князя Андрея Владиміровича 1446 г.* (Ольгердова внука, пріѣзжавшаго въ Кіевъ на поклоненіе въ 1446 г.) Великоруссизмовъ г. Соболевскій въ ней не находитъ, но говоритъ, что „она не заключаетъ въ себѣ никакихъ достовѣрныхъ ни малоруссизмовъ, ни бѣлоруссизмовъ." Г. Соболевскій забылъ

---

[1]) По поводу буквы є во «всєми» и вообще по поводу частаго написанія малороссами буквы є вмѣсто ѣ позволю себѣ мимоходомъ высказать достовѣрное предположеніе (отчасти уже прежде мотивированное г. Шахматовымъ), что въ старину книжная буква ѣ читалась иначе, чѣмъ выговаривался живой звукъ ѣ. По моимъ наблюденіямъ, у малороссовъ только въ періодъ отъ второй четверти 17-го вѣка приблизительно до второй четверти нын. столѣтія буква ѣ читалась какъ ї; раньше же, подъ книжнымъ вліяніемъ бѣлорусскимъ, и позже, подъ вліяніемъ великорусскимъ, буква эта читалась какъ є, и потому малорусскіе писцы въ тѣхъ самыхъ случаяхъ, гдѣ они въ живой рѣчи произносили и произносятъ звукъ ї, писали и пишутъ подъ книжнымъ вліяніемъ букву є.

прибавить, что писецъ (старецъ Кіево-Печерской лавры) былъ большой руки книжникъ, который старался писать по церковно-славянски и потому не могъ не заботиться объ устраненіи свѣтскихъ и простонародныхъ элементовъ изъ своего писанія. Въ значительной степени ему таки удалось свою рѣчь ославянить [1]), такъ-что сквозь этотъ чужой, напущенный на себя для большей важности, языкъ пробились лишь нѣкоторыя, малохарактерныя черты родной рѣчи писца. Написавши род. падежъ „Богородицы" съ ы, онъ по недосмотру написалъ рядомъ же: „одъ Владычици", гдѣ и вмѣсто ѣ, подобно тому какъ онъ еще разъ написалъ и вмѣсто ѣ въ выраженіи: „у господи". Проскользнули у писца и кое-какія другія особенности его родного языка: „одъ," „зъ своею", „были есмо", «пръшоє,» „Каменне" (=Каменное) и др., и самое свое имя онъ написалъ съ х: „Пахнутій" вм. „Пафнутій." Если мы не можемъ рѣшить, малоруссъ или бѣлоруссъ писалъ эту духовную, то во всякомъ случаѣ можемъ съ увѣренностью сказать, что писалъ ее не великоруссъ.

Г. Соболевскій сперва хотѣлъ было ограничить изученіе кіевскаго говора XV вѣка только названными четырьмя документами [2]), но П. И. Житецкій указалъ ему еще на одинъ, въ ко-

---

[1]) Попадаются въ этой духовной даже аористы: поклонихомся, размыслихъ (при чемъ и предлогъ „раз" написанъ по церковно-славянски вм. русскаго „роз"; такъ и дальше: „*разсудится*". Род. пад. прил. ж. рода имѣетъ окончаніе *я*: пречистыя Богородицы нашея, святыя, ея. Вмѣсто „я" или „язъ" пишется „азъ". Множ. число прил. ср. рода на *я* (вся тая) и род. падежъ безъ „овъ" (дѣдъ своихъ, отецъ своихъ, всѣхъ мученикъ, пророкъ, апостолъ) также являются скорѣе церковнославянизмами, чѣмъ фактами русской рѣчи XV вѣка.—Духовная эта издана въ „грамотахъ великихъ князей литовскихъ" Антоновича и Козловскаго, стр. 10—11 (Кіевъ, 1868, оттискъ, изъ „Универс. Извѣстій"). Вѣроятно, это—наиболѣе точное изданіе ея, хоть тоже оставляетъ многаго желать. Въ изданіи Я. Головацкаго есть много отличій отъ изданія Антоновича и Козловскаго, и возникаетъ вопросъ, гдѣ же печатный текстъ ближе къ оригиналу. Я. Головацкій, который въ „областныхъ разнорѣчіяхъ" видѣлъ нарушеніе „чистоты общого русского языка," позволялъ себѣ въ своихъ изданіяхъ дѣлать исправленія на „настоящо-русскій" ладъ (что отмѣчено уже г. Соболевскимъ. „Очерки", стр. 60), такъ-что его изданіе, вѣроятно, гораздо менѣе заслуживаетъ довѣрія, чѣмъ изданіе Антоновича и Козловскаго, хотя послѣднее сдѣлано вовсе не въ филологическихъ цѣляхъ. А желательно было имѣть хорошее филологическое изданіе.

[2]) Чтенія въ Ист. Общ. Нест. Лѣт. 1883, II, 215.

торомъ малорусскіе элементы не робко прокрадываются (какъ въ двухъ предыдущихъ), а бьютъ живымъ ключемъ изъ каждой строчки [1]). Эго—

---

5) *Грамота кіевскаго князя Семена Олельковича*, выданная въ Прилукѣ за Днѣпромъ въ *1459-мъ г.* Получилъ ее мѣстный землевладѣлецъ Іеремія Шашко для „зоставленья" его „при всюи отчизнѣ его и дидизнѣ его", „которыхъ (такъ говоритъ князь) продкове его отъ продковъ моихъ спокойне держал*и* и заживал*и*" [2]). Приведемъ отзывъ г. Соболевскаго объ этомъ памятникѣ: „Грамота кіевскаго князя Семена Александровича, выданная въ Прилукѣ за Днѣпромъ и писанная на оффиціальномъ западно-русскомъ языкѣ, имѣетъ нѣкоторое количество малоруссизмовъ: вс*ю*и отчизнѣ, д*и*дизинѣ, при томъ вс*юм*ъ, *у*нъ (=онъ), прит*и*съненьемъ, зав*и*шенъемъ [3]), но ихъ присутствіе вполнѣ можетъ быть объяснено предположеніемъ, что княжескій писарь былъ пришлый въ Кіевъ человѣкъ, волынскій уроженецъ" [4]). Странно дѣлать такое голословное предположеніе, основанное исключительно на нежеланіи признать старыхъ кіевлянъ за малоруссовъ [5]).

---

[1]) П. И. Житецкій прислалъ мнѣ для ознакомленія текста тѣхъ двухъ рефератовъ, которыми онъ въ засѣданіяхъ Общ. Нест. Лѣт. возражалъ г. Соболевскому на его рефераты о Кіевскихъ памятникахъ XV в. Нѣкоторыя сообщенныя мною подробности о диспутѣ П. И. Житецкаго съ г. Соболевскимъ я заимствовалъ именно оттуда; впрочемъ существенныя черты этого диспута всѣ, вкратцѣ, сообщены въ „Чтен. Общ. Нест. Лѣт.".

[2]) П. И. Житецкій пользовался прозрачнымъ снимкомъ, хранящимся въ архивѣ Кіевской Археографической Коммисіи. Мнѣ же было доступно только печатное изданіе этой грамоты, сдѣланное В. Б. Антоновичемъ и г. Козловскимъ въ „Грамотахъ великихъ князей литовскихъ" (оттискъ изъ „Унив. Изв."), К. 1868, стр. 19—20.

[3]) Малоруссизмовъ есть въ этой грамотѣ и больше,—въ ней смѣшивается *ы* съ *и*: он*и*ми, мал*и*ми, дидизн*и*. Менѣе характерны: боудетъ хотѣ*въ*, *у*падаеть (вмѣсто *в*падаетъ), *изъ* лѣсомъ, *изъ* головою, *изъ* стѣнъкамы, ознаймуем*о*, дали есм*о*, съ обудвухъ.

[4]) Лекціи, 2-ое изд., стр. 255.

[5]) Ниже мы увидимъ еще нѣсколько случаевъ, когда г. Соболевскій прибѣгаетъ къ тому же пріему. Такъ, о Рязанской Кормчей 1284-го года, списанной съ

Что же показываетъ обзоръ этихъ пяти памятниковъ? Первые два, писанные не кіевлянами, для сужденія о кіевской рѣчи не годятся, а въ остальныхъ трехъ г. Соболевскій не можетъ указать ни единой черты великорусской; наоборотъ, въ нихъ проскальзываетъ то слабѣе, то сильнѣе малорусская рѣчь, присутствія которой, наконецъ, не рѣшается отрицать и самъ г. Соболевскій.

Сверхъ перечисленныхъ памятниковъ XV-го вѣка, къ Кіевщинѣ имѣютъ отношеніе и другіе. Одинъ изъ нихъ— *Грамота Стародубскаго князя 1400 года* Александра Патрикѣевича, данная польскому королю Владиславу и написанная „увъ Озера у Круды, межи Городна и Мречь, по Розствѣ Христовѣ у пятокъ, у канунъ святого Обрѣзанія Христова, по нароженьи Сына Божьего тисяча лѣтъ и чотыриста лѣтъ“ [1]). Написана она, слѣдовательно, гдѣ-то въ Виленщинѣ [2]), а такъ-какъ тамъ малоруссы не жили, то естественно приходится заключить, что княжескій писарь пріѣхалъ съ княземъ изъ Стародуба [3]). Достаточно взглянуть только на приведенную мной запись, чтобы увидѣть въ ней, сверхъ многихъ менѣе характерныхъ малорусскихъ чертъ, одну очень характерную—смѣшеніе ы и и: „тисяча“ и, вѣроятно, „у Круды“ (=въ Крудѣ, въ

кіевскаго оригинала и полной „галицко-волынскихъ“ ятей, г. Соболевскій заявляетъ, что писецъ кіевской рукописи былъ галицко-волынскій уроженецъ. Про надпись на крестѣ св. Евфросиніи Полоцкой, также служащую опроверженіемъ „галицко-волынскаго“ *ѣ*, г. Соболевскій тоже заявляетъ, что она писан*а* галицко-волынскимъ уроженцемъ.

¹) Издана у Головацкаго въ „Памятникахъ дипломатическаго и судебно-дѣлового языка русскаго“ (Львовъ 1867, стр. 20). Можно подозрѣвать, что по своему обычаю г. Головацкій исправилъ многіе малоруссизмы и что въ подлинникѣ ихъ есть гораздо больше.

²) У меня нѣтъ подъ рукою подробной карты, гдѣ была бы обозначена Круда. Меречь лежитъ на рѣкѣ Мерeчанкѣ при впаденіи ея въ Нѣманъ, въ Трокскомъ уѣздѣ Виленской г. П. И. Житецкій, изъ реферата котораго я почерпнулъ указаніе на Стародубскую грамоту, повидимому предполагалъ, что дата грамоты говоритъ о Городнѣ Черниговской, находящейся недалеко отъ Стародуба. Но мнѣ неизвѣстно, есть ли въ Черниговщинѣ Меречь.

³) Да едва ли князь отправиться въ дѣловое путешествіе, не захвативши съ собою своего писаря изъ Стародуба.

Круди); такое же смѣшеніе ы и и проявилось еще въ „слюбилъ есмы“ рядомъ съ „цѣловалъ есми“ (1-ое л. ед. ч.). Ѣ вмѣсто и написано въ „нѣкоторымъ (nullo)“. Характерно въ грамотѣ еще окончаніе мо (есмо). Важна Стародубская грамота 1400 года въ томъ отношеніи, что указываетъ на присутствіе малоруссовъ къ сѣверо-востоку отъ Кіева, на *лѣвой* сторонѣ Днѣпра. Другой памятникъ—„*Повчѣнье Зарубьскаго Черноризця*“ (Зарубская обитель—въ Кіевщинѣ, у Днѣпра); объ этомъ памятникѣ, изобилующемъ многими „галицко-волынскими“ ятями, будетъ сказано въ слѣдующей главѣ при № 15.—Кіевскихъ памятниковъ XVI вѣка дошло до насъ достаточно, но такъ-какъ ихъ малорусскости, болѣе чѣмъ очевидной, г. Соболевскій не отвергаетъ, то мы о нихъ говорить здѣсь не будемъ.

Я показалъ читателю, до чего шатки и неосновательны всѣ соображенія г. Соболевскаго о великорусскости старыхъ кіевлянъ. Нужно замѣтить, что шаткость всѣхъ этихъ аргументовъ сдѣлалась за послѣднее время очевидною и для самого г. Соболевскаго. Совершенно въ иномъ духѣ, чѣмъ „Очерки“ и „Лекціи“, написаны имъ послѣдующія статьи [1]): въ нихъ постепенно онъ отказался отъ своей гипотезы о великорусскости кіевлянъ. Значительное вліяніе въ дѣлѣ перемѣны его взглядовъ имѣли предпринятыя имъ занятія въ области малорусской діалектологіи.

Въ той классификаціи малорусскихъ нарѣчій на три группы, которой мы придерживаемся въ практическомъ обиходѣ, много значитъ безсознательный принципъ большей или меньшей удобопонятности какого-нибудь малорусскаго нарѣчія для людей, говорящихъ другимъ нарѣчіемъ: чѣмъ легче малороссъ понимаетъ какое-нибудь малорусское нарѣчіе или говоръ, тѣмъ болѣе роднымъ оно ему представляется. Въ малой степени принимаются при этомъ въ соображеніе черты фонетическія: такъ,

---

[1]) Начиная печатать свое изслѣдованіе, я еще не успѣлъ прочитать тѣхъ статей; поэтому въ 1-ой главѣ я и не упомянулъ о нихъ.

рѣчь „литваковъ" дышетъ для украинца чѣмъ-то чуждымъ не только за нѣкоторыя ея слова, близкія къ рѣчи великорусской, но еще больше за ея странное, неудобопонятное произношеніе. Однако главное вниманіе при обиходной классификаціи малорусскихъ нарѣчій обращаютъ (безсознательно, конечно) не на произношеніе (фонетику), а на словарный матеріалъ (лексику), на формы склоненій и спряженій (морфологію). Если объ одномъ и томъ же скажутъ а) галичанинъ: „пишлы-смо зъ тетовъ дъ ватри", б) галицкій горецъ: „пушлы-смо зъ тетовъ дъ ватри", в) полтавецъ: „мы пишлы зъ титкою до вогня" и г) черниговецъ: „мы пуышлы зъ тюиткою до вогня",—то нефилологу никогда не придетъ въ голову мысль о близости рѣчи б) и г); наоборотъ, онъ рѣчь галичанъ и галицкихъ горцевъ объединитъ въ одно цѣлое, а рѣчь полтавцевъ и черниговцевъ—въ другое цѣлое. Такимъ образомъ, практически, преимущественно на основаніи большей или меньшей удобопонятности для себя то въ одномъ, то въ другомъ отношеніи, малоруссъ[1]) отличаетъ въ малорусскомъ языкѣ три нарѣчія: 1) западное (рѣчь и галичанъ и галицкихъ *горцевъ, угрорусскую, подлясскую*, подольскую, волынскую), 2) восточное (рѣчь *всей* Кіевщины, всю безъ разбора рѣчь южно-*черниговскую*, полтавскую, харьковскую и т. д.) и 3) сѣверное (рѣчь „литвацкую", безъ рѣчи тѣхъ черниговцевъ, которыхъ легко понимаетъ полтавецъ). Въ сущности, такая утилитарная группировка малорусскихъ нарѣчій небезосновательна. Даже апріорно нельзя осудить принципъ: „та рѣчь мнѣ наиболѣе близка, которую я наилегче понимаю", потому

[1]) Я имѣю въ виду только тѣхъ малороссовъ, которые, не будучи филологами, все же пытаются относиться къ діалектологическимъ вопросамъ осмысленно. А то вѣдь приходится встрѣчаться съ совершенно непонятной классификаціей: «малорусская рѣчь дѣлится на рѣчь Украины Австрійской и рѣчь Украины Россійской, причемъ въ послѣдней надо отличать рѣчь чисто-украинскую отъ рѣчи литвацкой». Къ сожалѣнію, подобное классификаторство завоевало себѣ извѣстныя права гражданства въ печати, и иногда ему подчиняются даже ученые. Такъ проф. Колесса (Archiv für slav. Phil. XVIII, 220) видитъ въ рѣчи *подолянина* Руданскаго нарѣчіе «украинское», противоположное «нарѣчію галицкому и буковинскому». Между тѣмъ языкъ Руданскаго чрезвычайно близокъ къ галицкому, а отъ кіевскаго и полтавскаго имѣетъ важныя отличія.

что понятность обусловливаться можетъ только близостью строя языка. И филологъ, сознавая, что дѣленіе малорусскихъ нарѣчій на три группы дѣйствительно не лишено филологическихъ основаній (то со стороны морфологіи и лексики, то со стороны фонетики), легко можетъ примириться съ такимъ дѣленіемъ; только, принявши въ разсчетъ тонкія черты фонетическія, значенія которыхъ не спеціалистъ не можетъ понять [1]), онъ произведетъ подлежащія модификаціи и перетасовки, перенесетъ извѣстные говоры изъ одной группы въ другую, а о нѣкоторыхъ сдѣлаетъ соотвѣтствующія оговорки; прекрасная, всѣмъ извѣстная статья К. П. Михальчука (Чуб., VII) представляетъ собою образецъ филологическаго отношенія къ малорусскимъ говорамъ при группировкѣ ихъ на три вѣтви. Но гораздо удобнѣе для филолога, разъ онъ желаетъ изучать *исторію* малорусскаго языка, положить въ основу классификаціи не лексическіе и не морфологическіе признаки [2]), а фонетическіе, и прежде всего—произношеніе звуковъ ô и ê. Въ старыя времена эти звуки во всѣхъ малорусскихъ нарѣчіяхъ произносились какъ двугласныя или какъ ү, ю; затѣмъ изъ нихъ образовался звукъ ї, въ однихъ говорахъ раньше, въ другихъ—позже; а въ иныхъ и теперь еще нѣтъ ї. Современныя нарѣчія малорусскаго языка, если не принимать въ соображеніе ихъ словарнаго запаса и морфологическаго и основываться только на произношеніи, распадаются на двѣ группы: 1) такія, въ которыхъ ô и é звучатъ еще по-архаичному, т. е. или какъ двугласныя ** үо, юо, їэ** съ ихъ варіаціями, или какъ **ү, ю**, и 2) такія, въ которыхъ ô и ê произносятся **ї**; параллельно съ этимъ обѣ группы обладаютъ нѣкоторыми другими фонетическими особенностями, отличающими одну группу отъ другой. (Между той и другой группой

---

[1]) Напримѣръ, большую или меньшую мягкость звука *ї*, происходящаго изъ *ô*.

[2]) Особенно неустойчивый критерій—запасъ лексическій, потому-что подъ вліяніемъ политическихъ и культурныхъ обстоятельствъ онъ сравнительно легко поддается перемѣнамъ: старыя слова забываются, а усвоиваются многія слова той чужой культуры, которая въ данный моментъ имѣетъ перевѣсъ. Поэтому филологъ, не игнорируя, конечно, лексическихъ показаній, все таки не имъ отводитъ первое мѣсто въ своихъ изслѣдованіяхъ по исторіи языка.

есть и промежуточныя стадіи). Языкъ первой группы можно назвать нарѣчіемъ сѣверно-малорусскимъ, языкъ второй группы — нарѣчіемъ южно-малорусскимъ. Въ Россіи первымъ нарѣчіемъ, архаичнымъ, говорятъ малоруссы сѣверные (и въ томъ числѣ жители Черниговщины), жители кіевскаго и волынскаго Полѣсья, жители сѣверной части Кіевщины. Кіевъ теперь граница этого нарѣчія; средняя Кіевщина говоритъ ужъ рѣчью болѣе новоразвившеюся (съ ї), но ясно еще сохраняющею многіе слѣды своей близости къ рѣчи сѣверной. Вторымъ нарѣчіемъ, гораздо болѣе освободившимся въ фонетическомъ отношеніи, говоритъ Австрійская Малорусь (безъ нѣкоторыхъ горныхъ частей), Волынь въ собственномъ смыслѣ, Подолія [1]); но наиболѣе типичный представитель этой группы есть рѣчь т. н. украинская, т. е. рѣчь южной окраины Кіевщины, большей части Полтавщины, Слобожанщины,—словомъ, тѣхъ мѣстностей, въ которыя, по свидѣтельству исторіи, была направлена колонизація съ запада (изъ Подоліи, Волыни, кажется—отчасти и Галичины). Такимъ образомъ, діалектологическія данныя служатъ подтвержденіемъ данныхъ историческихъ. При этомъ отдаленность украинской морфологіи и лексики отъ галицко-подольско-волынской и ея близость къ фактамъ рѣчи собственной Кіевщины, Черниговщины и Полѣсья ясно напоминаютъ, что сѣверно-малорусскіе элементы играли въ образованіи украинскаго населенія также немаловажную роль, будучи его основой.

Въ 1893 году, ужъ послѣ своихъ занятій въ области малорусской діалектологіи [2]), г. Соболевскій написалъ рецензію [3])

---

1) Я здѣсь указываю только приблизительныя границы нарѣчій, только главнѣйшія группы.

2) Въ 1892-мъ году, въ „Живой Старинѣ“ (вып. IV, стр. 1—61) г. Соболевскій помѣстилъ статью о малорусской діалектологіи. Несмотря на порядочное количество неточностей, проистекающихъ отъ незнакомства съ какимъ-нибудь малорусскимъ нарѣчіемъ практически, статья эта въ высшей степени важна какъ сводъ свѣдѣній, разбросанныхъ во множествѣ мелкихъ статеекъ, изъ которыхъ большинство—библіографическая рѣдкость. Статья эта свидѣтельствуетъ, что г. Соболевскій позанялся малорусской діалектологіей очень основательно, хотя самой то рѣчью малоруссовъ не вполнѣ овладѣлъ.

3) Живая Старина 1893, вып. III, ст. 396—399.

на сочиненія Яблоновскаго: „Kolonizacya Ukrainy za ostatnich Jagellonów“ [1]) и „Etnicka postać Ukrainy w epoce zjednoczenia jej z Koroną“ [2]). Воспользовавшись показаніями малорусской діалектологіи и письменными данными памятниковъ XVI в., г. Соболевскій высказалъ въ упомянутой рецензіи слѣдующее заключеніе, съ которымъ мы можемъ не соглашаться только въ мелочахъ: „Несомнѣнно, что въ 16-мъ столѣтіи сѣверно-малорусскіе говоры слышались въ Волынскомъ Полѣсьи съ частями нынѣшней Минской, Гродненской и Сѣдлецкой губерній и на сѣверѣ старой Кіевщины,—тамъ, гдѣ слышатся теперь; но, вѣроятно, ихъ территорія тогда простиралась *дальше на югъ*, чѣмъ въ наши дни, такъ-что на мѣстѣ переходныхъ говоровъ, занимающихъ теперь среднюю часть Кіевской губерніи и юго-восточную окраину Волынскаго Полѣсья (въ Житомирскомъ уѣздѣ), въ то время звучали говоры вполнѣ сѣверно-малорусскіе. Южно-малорусскимъ говорамъ принадлежали Подолье и Галиція съ прилегающей къ нимъ частью Волынской губерніи (собственно Волынью). А въ какую группу входилъ говоръ обитателей Украйны [3]) 16-го вѣка? Особенности украинскаго говора—вмѣстѣ особенности подольско-галицко-волынскаго говора того времени, когда онъ составлялъ еще одно цѣлое [4]). *Главная* масса украинцевъ въ XVI вѣкѣ вышла въ Украину изъ Подолья и Галиціи и изъ сосѣдней съ ними части Волынской губерніи,—масса, въ

---

[1]) Kwartalnik Historyzcny 1893, вып. I.

[2]) Тамъ же, вып. IV.

[3]) Въ настоящее время, благодаря развитію малорусскаго націонализма, слово „Украина“ примѣняется ко всякой малорусской области: сплошь да рядомъ мы слышимъ, что и Черниговщина—Украина, и Кіевщина—Украина, и Волынь—Украина, и Галичина-Украина или Русь-Украина. Поэтому считаю нелишнимъ напомнить читателю, что г. Соболевскій, подобно историкамъ, подъ Украиною разумѣетъ далеко не всю область малорусскаго племени, а только степное пространство, къ которому старая Кіевщина не относится и къ которому изъ территоріи современной кіевской губерніи принадлежитъ только южная окраина, къ югу отъ р. Роси.

[4]) Г. Соболевскій имѣетъ въ виду, конечно, только особенности фонетическія, но, какъ мы увидимъ дальше, при изложеніи новѣйшей статьи г. Шахматова, даже въ фонетическомъ отношеніи рѣчь названныхъ западныхъ областей отличается кое въ чемъ существенномъ отъ рѣчи Украины. Есть основанія не отождествлять старой подольской рѣчи съ современною.

которой исчезло безслѣдно то *сравнительно* ничтожное количество колонистовъ, которое дали Украинѣ Полѣсье, Кіевщина и Бѣлоруссія [1]). Полѣшуки направлялись не столько въ Украйну, сколько на востокъ въ Заднѣпровье, въ древнюю Сѣверщину, гдѣ было населеніе, конечно, великорусское". Послѣднее утвержденіе г. Соболевскаго (о великорусскости *Черниговщины*), вполнѣ бездоказательное, не можетъ быть принято безъ значительныхъ оговорокъ [2]), но оно не существенно для того вопроса, кото-

[1]) Едва ли оно было ничтожнымъ даже сравнительно. Документальныя данныя, которыя собраны, между прочимъ, и у г. Яблоновскаго, говорятъ, что приливъ колонистовъ съ сѣверо-запада былъ порядочный; морфологія и лексика украинскаго нарѣчія, какъ это было нами отмѣчено выше, устраняютъ мысль о чрезвычайномъ преобладаніи колонистовъ волынскихъ и подольскихъ, а тѣмъ болѣе—галицкихъ. Да и фонетической близости рѣчи украинской съ рѣчью галицко-волынско-подольскою нельзя придавать *чрезмѣрнаго* значенія, потому-что произношеніе ô и ê за і могло бы развиться на Украинѣ даже вполнѣ органически (такъ же, какъ оно развилось и въ Галичинѣ, гдѣ сперва также слышались двугласныя, или у, ю), при минимальномъ вліяніи рѣчи выходцевъ западныхъ.

[2]) Одну часть Черниговщины, вѣроятно, исключаетъ и г. Соболевскій: онъ употребляетъ терминъ „Сѣверщина", а не „Черниговщина",—слѣдовательно ничего не говоритъ о жителяхъ той приднѣпровской полосы современной черниговской губерніи, которая входила въ составъ древней Кіевщины и имѣла, очевидно, однородное съ кіевскимъ населеніе, т. е. полянское, или сѣверно-малорусское. Но великорусскимъ ли, зато, было населеніе прочей части Черниговщины и—что интереснѣе всего—населеніе города Чернигова? Пока не будутъ представлены серьезныя доказательства, мы принуждены думать, что старинные черниговцы были предки тѣхъ малоруссовъ, рѣчь которыхъ проявилась, напримѣръ, въ стародубской грамотѣ 1400-го года, и тѣхъ, которые живутъ тамъ теперь. Г. Соболевскій въ пользу своего мнѣнія ссылается на тотъ фактъ, что „названіе сѣверной столицы звучитъ у малороссовъ по-великорусски: ЧерНИговъ, а чисто малорусская форма должна была бы звучать ЧерНЫговъ" (съ огорченіемъ отмѣтимъ въ скобкахъ, что и занятія малорусской діалектологіей не научили г. Соболевскаго малорусскому нарѣчію: вѣдь по-малорусски окончаніе **ОВЪ** переходитъ въ **И**въ, и фонема Черныговъ никакъ не была бы „чисто малорусской"). Очевидно, г. Соболевскій не знаетъ, что у малоруссовъ существуютъ параллельно двѣ равноправныя фонемы: ЧерНИгивъ и ЧерНЫгивъ; чередованіе **Ы** и **И** (т. е. старинныхъ **И** и **Ѣ**) объясняется тѣмъ, что малоруссъ вообще любитъ двоякую огласовку суффикса (и окончанія) **ИГА**,— напримѣръ: чепыга и чепига (рукоять у плуга), суцыга и суцига (пройдоха), цапига и цапыга (козлище), кацапыга и кацапига, сопыга и сопига (въ этомъ словѣ **Ѣ** очень употребительно, срв. фамилію князей Сопѣгъ), кустерыга и кустерига (Festuca ovina), драпыга-

рымъ мы заняты сейчасъ, т. е. для вопроса объ этнографическомъ составѣ *кіевлянъ* княжескаго періода. Намъ интересно только отмѣтить, что въ 1893-мъ году г. Соболевскій усматривалъ галицко-волынско-подольскихъ пришельцевъ уже только въ Украйнѣ; Кіевщину, наоборотъ, онъ дѣлаетъ не колоніей, а одною изъ метрополій колонизаціи.

Въ январѣ 1897 года г. Соболевскій рецензировалъ[1]) статью А. М. Лазаревскаго объ украинской южно-лѣвобережной колонизаціи: „Лубенщина и князья Вишневецкіе“ [2]). А. М. Лазаревскій въ началѣ своей статьи указываетъ, что Посулье (южная или точнѣе средняя Полтавщина) въ XVI вѣкѣ было почти пустынею, и кіевская Украина (т. е. южная окраина Кіевской губерніи, не входившая въ составъ древняго Кіевскаго княжества) была въ XVII вѣкѣ тоже почти пустынею. Ни одинъ изъ историковъ Малороссіи не забывалъ сообщить объ этомъ[3]),

---

облупига и дряпига-облупыга (обирало), острыга и острига, кочадига (папоротникъ) при кочадыжныкъ,—слѣдовательно, **ЧЬРНИГА** и **ЧЬРНѢГА** (д. б., увеличительное отъ **ЧЬРНЬ**). Произношеніе Черн**И**гивъ (съ **И**, не **Ы**) преобладаетъ именно въ самой Черниговщинѣ, где неизвѣстно твердое **Ы**, такъ-что **И** и **Ѣ** смѣшиваются тамъ и во многихъ другихъ словахъ.

[1]) Журналъ Мин. Нар. Просв. 1897, Январь, 175—176.

[2]) Перепечатка изъ „Кіевской Старины 1896 г. январь, февраль, мартъ.

[3]) Ограничимся выписками изъ монографіи „Кіевъ“ В. Б. Антоновича (Кіев. Стар. 1882, январь). „Звенигородскій и переяславскій повѣты были въ XV столѣтіи совершенно опустошены татарами замки разорены, и князья перестали даже посылать намѣстниковъ въ эти опустѣвшія области“ (стр. 31). „Между ногайскими кочевьями (расположенными Менгли-Гиреемъ) и между заселенною частью кіевскаго княжества образовалось обширное, почти пустынное пространство, пролегавшее отъ береговъ Роси до пороговъ и средняго теченія Ингула; на этомъ пространствѣ велась постоянная партизанская война между удальцами татарскими и русскими, и подъ прикрытіемъ послѣднихъ медленно и постепенно выдвигалась въ степь южно-русская колонизація изъ Кіевской области. Къ сѣверу отъ Роси страна, не смотря на татарскіе набѣги, была заселена и правильно устроена“ (стр. 27). „Въ XVI вѣкѣ новые выходцы изъ кіевскаго Полѣсья занимаютъ новыя мѣста: съ одной стороны вновь заселяется поднѣпровская часть бывшаго Переяславскаго княжества, съ другой стороны заселяются „грунты уманскій и звенигородскій“, въ которыхъ только въ концѣ XVI столѣтія правительство оффиціально признаетъ существованіе поселеній и лишь въ началѣ XVII в. назначаетъ коммиссію для осмотра края и опредѣленія его пространства“ (стр. 34).

хотя г. Соболевскій въ своей рецензіи и говоритъ, будто кіевская школа историковъ это отрицаетъ [1]); но г. Лазаревскій отличается отъ нихъ постановкой вопроса о метрополіи украинской колонизаціи, послѣ уніи 1569 года. Предыдущіе изслѣдователи приходили къ заключенію, что въ XVI и XVII вѣкѣ Украина колонизовалась, съ одной стороны, по прежнему сѣверными элементами, съ другой стороны—изъ Волыни и Подоліи, особенно въ эпоху Руины. Г. Лазаревскій, пользуясь „помощью однѣхъ догадокъ, хотя, повидимому, и вѣроятныхъ“ [2]), рѣшаетъ, что въ степной Украинѣ не могли бы селиться выходцы изъ Черниговщины, Полѣсья и Волыни, привыкшіе къ лѣсной природѣ, а такъ-какъ Украина Кіевская сама тогда еще заселялась, то „двигалось населеніе на лѣвый берегъ Днѣпра повидимому изъ Подоліи“ [3]); но такъ-какъ и въ Подоліи разгаръ колонизаціонной дѣятельности приходится именно на вторую половину XVI и самое начало XVII вѣка (другими словами: такъ какъ сама Подолія была въ то время далеко не вся заселена), то г. Лазаревскій считаетъ возможнымъ—метрополію украинской колонизаціи предположить въ Руси Галицкой [4]). Не трудно

---

[1]) Названная рецензія, стр. 175.

[2]) „Лубенщина“, Кіев. Стар. 1896, янв., стр. 123.

[3]) Тамъ же, стр. 125.

[4]) Стр. 126. Позволю себѣ мимоходомъ высказать многоуважаемому А. М. Лазаревскому свое мнѣніе о его гипотезѣ. Что среди прочихъ выходцевъ съ запада могло прійти на Украину въ XVI—XVIII в. извѣстное количество колонистовъ изъ Галичины, противъ этой догадки спорить незачѣмъ; но счесть Галичину за *метрополію* украинской колонизаціи и вовсе не признать въ Украинѣ притока (и притомъ большого) колонистовъ изъ сѣверно-малорусскихъ областей не позволяетъ филологическое изслѣдованіе украинскаго нарѣчія: оно сходно съ галицкимъ нарѣчіемъ только въ главнѣйшихъ фонетическихъ чертахъ (и то въ такихъ, которыя, какъ извѣстно изъ исторіи развитія малорусскаго языка, могли бы развиться въ украинскомъ нарѣчіи органически, самостоятельно, безъ малѣйшаго воздѣйствія не только галицкаго, но, пожалуй вообще всякаго западно-малорусскаго), а другими фонетическими чертами, морфологіей и лексикой украинское нарѣчіе стоитъ чрезвычайно близко, напримѣръ, къ рѣчи черниговской и сѣверно-кіевской. Галицкое нарѣчіе, вмѣстѣ съ другими нарѣчіями западно-малорусскими, могло только *участвовать* въ образованіи нарѣчія украинскаго, но *украинское нарѣчіе не можетъ быть произведено изъ галицкаго.* Для филолога это должна быть аксіома: такъ и Максимовичъ сорокъ лѣтъ тому назадъ указалъ на это обстоятельство Погодину;

замѣтить, насколько гипотеза А. М. Лазаревскаго о галицкой колонизаціи Украины (а не Кіевщины) въ XVI—XVII в. (а не послѣ Батыя) отличается отъ прежней гипотезы г. Соболевскаго. Тѣмъ не менѣе г. Соболевссій написалъ въ рецензіи вотъ что: „Таково мнѣніе г. Лазаревскаго. Оно, вообще говоря, не ново, и между прочимъ мы сами говорили то же, что и авторъ, пользуясь отчасти историческими, отчасти лингвистическими данными (послѣднія г. Лазаревскому, повидимому, не доступны). Слишкомъ десять лѣтъ назадъ мы говорили о слабости населенія

такъ и акад. Ягичъ въ 1884 году повторилъ то же г. Соболевскому; такъ и ак. Шахматовъ въ тѣ времена, когда еще держался мнѣнія о безслѣдномъ исчезновеніи старыхъ кіевлянъ, не рѣшился населить Украину галичанами и хотѣлъ выводить ея нарѣчіе изъ Волыни (Русск. Фил. Вѣстн. 1894, кн. IV, стр. 1—12; теперь ак. Шахмаровъ счелъ и это немыслимымъ); да и самъ г. Соболевскій называетъ сѣверную примѣсь въ Украинѣ не просто ничтожной, а „*сравнительно* ничтожной". Соображеніе г. Лазаревскаго, будто въ степной Украинѣ не могъ бы поселиться выходецъ изъ лѣсной мѣстности, совершенно неубѣдительно. На нашихъ глазахъ переселенцы сплошь да рядомъ идутъ въ мѣста съ иной природой, чѣмъ на ихъ родинѣ; плодородная степь, не лишенная притомъ лѣса въ балкахъ, могла быть сѣверцамъ даже привлекательнѣе, чѣмъ ихъ родная страна. А если бы было правильно мнѣніе г. Лазаревскаго, что степь могла заселиться не иначе, какъ выходцами изъ *одномарактерныхъ* мѣстъ, то все равно пришлось бы и Галичину исключить изъ числа украинскихъ метрополій, потому что ея природа тоже не одномарактерна съ украинской. Что общаго было у горной, лѣсистой Коломыи съ южной Полтавщиной? а между тѣмъ г. Лазаревскій какъ-разъ изъ Коломыи хотѣлъ бы видѣть колонистовъ въ южной Полтавщинѣ. Онъ находитъ, что о колонизаціи, направлявшейся изъ Коломыйщины, свидѣтельствуетъ прозвище „Коломыецъ", которое часто встрѣчается въ южной лѣвобережной Украинѣ. Но вѣдь слово „коломыецъ" значитъ по-малорусски просто „солеваръ", „соляпопромышленникъ" и можетъ указывать (если дѣйствительно имѣетъ связь съ именемъ города Коломыи) на старинную общеизвѣстность Коломыйскихъ пріисковъ (уже у чернеца Климентія, т. е. при Мазепѣ, слово „Коломыецъ" является нарицательнымъ), а вовсе не на колонизацію Украины Галичиною. По-малорусски, впрочемъ, и слово „коломыя" оказывается не только именемъ собственнымъ (города въ Галичинѣ и рѣки, впадающей въ Прутъ), но прежде всего именемъ нарицательнымъ, съ разнообразными значеніями: такъ называется и особое растеніе, и родъ сумки, и колдобина, откуда, вѣроятно, также соляная яма; значитъ, слово „коломыецъ" могло возникнуть на Украинѣ даже безъ всякаго отношенія къ г. Коломыѣ. Вообще же въ вопросѣ объ украинской колонизаціи строить какія-либо догадки на прозвищѣ „коломыецъ"—совсѣмъ не позволительно. Далѣе, г. Лазаревскій говоритъ: „По недостатку историческаго матеріала изслѣдованіе вопроса о происхожденіи колонистовъ южной лѣвобережной Малорос-

кіевской области въ XVI и въ началѣ XVII вѣка и о движеніи населенія въ приднѣпровскія степи съ запада, изъ галицко-волынской земли. Три года назадъ, по поводу статей г. Яблоновскаго, мы повторили свое мнѣніе, указавъ на рѣшающія вопросъ лингвистическія данныя". Итакъ, въ 1897-мъ году у г. Соболевскаго настолько ослабѣла его прежняя погодинская гипотеза, что ему самому она начала представляться не въ видѣ гипотезы объ истребленіи кіевскаго великорусскаго населенія Батыемъ, а просто въ видѣ утвержденія „о *слабости* населенія кіевской области въ XVI—XVII в. и о движеніи галицко-волынскаго населенія въ приднѣпровскія *степи*".

Вполнѣ ясно высказалъ г. Соболевскій свои новыя воззрѣнія на этотъ предметъ въ маѣ 1897-го года въ статьѣ: „Изъ исторіи русскаго языка" (Ж. М. Н. Пр.). Въ ней ужъ не

сіи можетъ быть произведено съ помощью этнографическаго матеріала. Тутъ слѣдуетъ произвести сравнительное изученіе пѣсенъ и разныхъ житейскихъ обрядовъ съ пѣснями и такими же обрядами жителей преимущественно Полтавской губ." (Кіев. Стар. 1896, янв., 126). Такого сличенія г. Лазаревскій еще не произвелъ, но оно и не подтвердитъ его догадки о Галичинѣ, какъ единой метрополіи. Что въ пѣсенномъ репертуарѣ украинскомъ есть близость къ галицкому, это вѣрно; но такая же близость существуетъ у него къ репертуару Подоліи, Волыни, сѣверной Малоруссіи и даже Бѣлоруссіи; при этомъ между пѣснями украинскими и сѣверно-малорусскими нѣтъ той разницы въ формахъ, словахъ и оборотахъ языка, которая такъ ощутительна при сравненіи пѣсенъ украинскихъ съ галицкими. (Сопоставленіе пѣсеннаго малорусскаго матеріала отчасти уже произведено: г. Довнаръ-Запольскій въ „Пѣсняхъ Пинчуковъ" (К. 1895) и г. Гринченко въ III томѣ своихъ „Этнографическихъ матеріаловъ, записанныхъ въ Черниговщинѣ и сосѣднихъ губерніяхъ" (Ч. 1899) указываютъ параллели изъ всѣхъ прочихъ мѣстъ Малороссіи. Слышалъ я, что г. Лазаревскій обращается также къ географической номенклатурѣ Украины. Онъ указываетъ, что многія села Полтавщины носятъ такія же названія, какія имѣются въ Галичинѣ. Но вѣдь въ Полтавщинѣ есть также много другихъ селъ, съ названіями восходящими не къ Галичинѣ, а къ другимъ мѣстностямъ; поэтому только тѣ одноименныя съ галицкими украинскія села могутъ считаться колоніями Галичины, имена которыхъ повторяются исключительно въ Галичинѣ и не существуютъ ни въ Подоліи, ни на Волыни, ни въ сѣверной Малоруси, ни въ Бѣлоруссіи,— словомъ, нигдѣ въ другихъ мѣстахъ. Если такія села окажутся (а нельзя ранѣе предугадывать, что не окажутся), то хоть невозможенъ будетъ выводъ, будто одна Галичина была метрополіей украинской колонизаціи, но за то возможна будетъ увѣренность, что *кромѣ* подолянъ, волынянъ, бѣлорусовъ и сѣверныхъ малоруссовъ шли на Украину *и* галичане.

только ничего не говорится объ изчезновеніи старокіевскаго населенія отъ Батыева погрома и приходѣ галичанъ или волынянъ въ Кіевъ, но, напротивъ, кіевскій говоръ XI—XVI вѣка разсматривается какъ одно преемственно развивающееся цѣлое, и только для XV—XVI вѣка предполагается (на основаніи, понятно, документальномъ) нѣкоторая чужая примѣсь, но ужъ не галицкая и не волынская, а сѣверная: бѣлорусская или великорусская. Вотъ заключительныя слова г. Соболевскаго: „Старый кіевскій говоръ былъ изъ нынѣшнихъ (великорусскихъ) говоровъ особенно близокъ къ говорамъ Орловской и Курской губерній [1]), которыя, по всей вѣроятности [2]), до движенія въ Сѣверщину малоруссовъ, занимали всю ея территорію, но онъ едва ли былъ чистымъ великорусскимъ говоромъ. Трудно сказать, былъ ли онъ переходнымъ говоромъ отъ великорусскаго нарѣчія къ малорусскому (въ родѣ тѣхъ бѣлорусскихъ говоровъ, которые теперь занимаютъ южную и западную окраины бѣлорусской территоріи), или (для XV—XVI вѣковъ) говоромъ смѣшаннымъ“ [3]). Зная уже предыдущую рецензію г. Соболевскаго (по поводу Яблоновскаго) и его діалектологическія характеристики „тѣхъ бѣлорусскихъ говоровъ, которые теперь занимаютъ южную и западную окраины бѣлорусской территоріи“ [4]), мы видимъ, что г. Соболевскій относитъ старый кіевскій говоръ къ числу сѣверно-малорусскихъ. Противъ такого мнѣнія не рѣшится по существу спорить, вѣроятно, ни одинъ историкъ малорусскаго нарѣчія [5]); спорить можно только о томъ, былъ

---

[1]) Въ этихъ говорахъ смѣшиваются е и ѵ, спорадически ы и и, ѣ и и; слышится h, а не г; произносится хв вм. ф; удваивается согласная передъ ь (замиреня); смягчаются гортанные (на дарозѣ, на руцѣ); образуется 3-ье л. ед. ч. безъ „тъ“ (онъ знае), и т. п. По замѣчанію акад. Шахматова (Ж. М. Н. Пр. 1899, апр., 369) рѣчь орловцевъ настолько своеобразна, что у изслѣдователей являлось желаніе считать орловцевъ не великоруссами, а чистѣйшими бѣлоруссами.

[2]) Это нужно доказать чѣмъ-нибудь.

[3]) Ж. М. Н. Пр. 1897, май, стр. 50.

[4]) См. „Очерки русской діалектологіи“. Живая Старина 1892, вып. III, стр. 3—4; вып. IV, стр. 12.

[5]) У Потебни, Житецкаго, Огоновскаго, Ягича и др. можно встрѣтить болѣе или менѣе прямое заключеніе, что старокіевское нарѣчіе принадлежало къ типу

ли старый кіевскій говоръ изъ числа такихъ, каковъ, напримѣръ, современный говоръ пинскій[1]), или это былъ тотъ же говоръ, который и теперь господствуетъ въ сѣверной Кіевщинѣ. Первое предположеніе маловѣроятно.

Эти строки были уже написаны, когда въ апрѣльской книгѣ „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія" появилась замѣчательная статья акад. Шахматова: „Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій и русскихъ народностей" [2]). Научной неподкупности г. Шахматова мы не смѣли заподозривать даже тогда, когда онъ держался прежней, ярко невѣроятной гипотезы г. Соболевскаго[3]). Теперь, на основаніи внимательнаго изученія древнерусской исторіи и современной діалектологіи [4]), г. Шахматовъ съ истинно академическимъ безпристрастіемъ рѣшительно отказался отъ той гипотезы и заявилъ объ исконной малорусскости жителей Кіевской области. Приведемъ извлеченія изъ его статьи.

архаическому, сѣверно-малорусскому. Вполнѣ ясно высказано это у того лица, которое наиболѣе компетентно въ вопросахъ малорусской діалектологіи,—у К. П. Михальчука. Онъ, говоря объ исконномъ дѣленія южно-руссовъ на группу сѣверовосточную и юго-западную, къ первой группѣ относитъ древлянъ и полянъ кіевскихъ и переяславскихъ (Кіев. Стар. 1893, сент., стр. 460). „Современное полѣшское, или сѣверно-малорусское поднарѣчіе является лишь незначительнымъ осколкомъ прежней обширной отрасли южно-русской рѣчи сѣверо-восточнаго (полянско-древлянскаго) типа... Украинское же поднарѣчіе образовалось на почвѣ древней полянско-древлянской рѣчи подъ продолжительнымъ вліяніемъ на нее рѣчи волынянъ и подолянъ, а можетъ быть, отчасти и галичанъ" (Тамъ же, стр. 460). Ѳ. Я. Коршъ, необыкновенная филологическая проницательность котораго общеизвѣстна, сообщилъ мнѣ, что, по его изслѣдованію, старая кіевская рѣчь была полѣшская. То же на дняхъ высказалъ акад. Шахматовъ въ своей статьѣ (Ж. М. Н. Пр., апр.). Такимъ образомъ, говоря, что никакой филологъ не будетъ причислять старый кіевскій говоръ къ южно-малорусскимъ, я руководжусь вовсе не субъективнымъ предположеніемъ.

[1]) Г. Соболевскій склоняется именно къ этому, но вѣроятно, не долго будетъ настаивать на своемъ предположеніи.

[2]) Ж. М. Н. Пр. 1899, апрѣль, 324—384.

[3]) Срв. Кіев. Стар. 1898, іюль, 355.

[4]) А съ показаніями памятниковъ онъ ужъ раньше былъ прекрасно знакомъ.

Для современныхъ малорусскихъ нарѣчій г. Шахматовъ принимаетъ сперва дѣленіе на три группы[1]). Эти три группы: сѣверно-малорусская, восточно-украинская, западно-украинская[2]). Изъ нихъ наиболѣе противоположны другъ другу въ фонетическомъ отношеніи — нарѣчіе восточно-украинское и нарѣчіе сѣверно-малорусское. Западно-украинское занимаетъ средину между ними: хоть оно, подобно восточно-украинскому (полтавско-харьковскому), не имѣетъ двугласныхъ, все таки оно произноситъ звукъ і (изъ ô) болѣе твердымъ, болѣе архаичнымъ способомъ, чѣмъ восточно-украинское; что касается другихъ фонетическихъ чертъ западно-украинскаго нарѣчія, то во многихъ оно приближается, пожалуй, къ восточно-украинскому, но одновременно заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя важныя черты сѣверно-малорусскаго нарѣчія, несвойственныя восточно-украинскому[3]). Характеръ западно-украинскаго нарѣчія говоритъ филологу о томъ, что оно возникло отъ воздѣйствія сѣверно-малорусскаго нарѣчія на восточно-украинское. При *нынѣшней* географической группировкѣ малорусскихъ племенъ такое происхожденіе западно-украинскаго нарѣчія казалось бы физически невозможнымъ. Но вѣдь мы знаемъ изъ исторіи народа, что восточные украинцы (напримѣръ, харьковцы и полтавцы) не всегда жили въ Харьковщинѣ и Полтавщинѣ, а пришли туда

---

[1]) Онъ, какъ и г. Соболевскій, руководится въ своей классификація исключительно фонетическими чертами, однако для него служитъ критеріемъ (и совершенно основательно) не только произношеніе ô за і, но также степень твердости или мягкости этого і. Кромѣ того онъ считается съ большей или меньшей твердостью ы (кулишевскаго и), мягкостью или твердостью р (прямо и прамо), отвердѣніемъ или неотвердѣніемъ ТЬ (винъ ходыТЪ, винъ ходыТЬ), съуженіемъ я въ е (взъеты, взяты) и т. д.

[1]) Отдѣльной діалектической особи червонорусской г. Шахматовъ не признаетъ, а относитъ одни галицкіе говоры къ сѣверно-малорусскому нарѣчію, другіе—къ западно-украинскому. Такимъ образомъ, терминъ „Украина" у него имѣетъ гораздо болѣе широкое значеніе, чѣмъ принято у историковъ. См. назв. статью стр. 328, 344.

[2]) Отвердѣніе, хотя и спорадическое, мягкаго р; отвердѣніе, хотя и не постоянное, окончанія Т въ 3-мъ лицѣ обоихъ чиселъ; произношеніе ы вмѣсто восточно-украинскаго средняго и; съуженіе я въ е, и т. д.—Стр. 328 и 344.

съ запада, изъ-за Днѣпра, гдѣ географическое положеніе трехъ малорусскихъ группъ могло быть иное. Изъ какого же Правобережнаго мѣста пришли они на востокъ Днѣпра? Особенности современнаго восточно-украинскаго нарѣчія, сложившагося (это ясно филологу) непремѣнно такъ же давно, какъ и другія малорусскія нарѣчія[1]), показываютъ, что лѣвобережные колонисты (полтавцы, харьковцы) въ тѣ времена, когда они жили еще на Правобережьи, жили тамъ не иначе, какъ въ *самой южной* его части. Скажемъ то же иными словами: бóльшая противоположность восточно-украинскаго нарѣчія сѣверно-малорусскому и смѣшанный, посредствующій характеръ западно-украинскаго нарѣчія показываютъ, что на первоначальной родинѣ малорусскаго языка, въ Правобережьи, передъ началомъ движенія малоруссовъ за Днѣпръ, область сѣверно-малорусскаго и область восточно-украинскаго нарѣчія не примыкали другъ къ другу непосредственно, но были разъединены областью нарѣчія западно-украинскаго; слѣдовательно, къ югу отъ области сѣверно-малорусскаго нарѣчія лежала сперва область нарѣчія западно-украинскаго, а ужъ къ югу отъ послѣдняго—область восточно-украинскаго нарѣчія (предка нынѣшней харьково-полтавской рѣчи). Но такъ-какъ въ этой группировкѣ срединное (по нынѣшнему „западно-украинское") нарѣчіе можно считать не самостоятельно возникшимъ нарѣчіемъ, а просто переходной стадіей между двумя остальными малорусскими нарѣчіями (между самымъ сѣвернымъ и самымъ южнымъ), то формулировать результаты всего предыдущаго филологическаго анализа можно такъ: „На пространствѣ, лежащемъ по правую сторону Днѣпра, малорусское нарѣчіе, въ самую древную свою эпоху, гораздо раньше начала колонизаціоннаго движенія на лѣвый берегъ Днѣпра, дѣлилось только на двѣ вѣтви—сѣверную и южную; но отъ продолжительнаго сближенія сѣверной вѣтви съ южною получился еще рядъ смѣшанныхъ говоровъ, какъ въ современной Украйнѣ, такъ и въ Галиціи[2]). Позже произошло выселеніе

[1]) Стр. 328.

[2]) Въ этомъ мѣстѣ г. Шахматовъ Галичину уже противопоставляетъ Украинѣ.

той части южной вѣтви, которая сохранилась въ чистотѣ и не смѣшалась съ сѣверной, на востокъ—въ Полтавщину и Слободскую Украйну“ [1]).

Эта картина лишена еще отчетливости: она какъ бы не ретуширована и набросана только въ общихъ контурахъ. Сопоставивши показанія языка съ показаніями исторіи народа, г. Шахматовъ устанавливаетъ ужъ болѣе подробныя, болѣе опредѣленныя свѣдѣнія по вопросу объ образованіи малорусскихъ народностей. Восточною границею южнорусской (иначе—малорусской) вѣтви русскаго народа былъ Днѣпръ, который южноруссы перешли, повидимому, не ранѣе XIV вѣка [2]); сѣверною границею была приблизительно Припеть, которую южноруссы, впрочемъ, перешли еще въ доисторическую эпоху; южная и западная границы часто колебались и измѣнялись. Эта территорія, ограниченная съ востока Днѣпромъ, была занята малоруссами въ эпоху доисторическую: мы не имѣемъ основанія предполагать, чтобы современные малоруссы пришли въ Приднѣпровье лишь въ историческое время [3]). Лѣтописецъ называетъ на этой территоріи не одно, а нѣсколько южнорусскихъ племенъ: полянъ, древлянъ, волынянъ, бужанъ, тиверцевъ, дулѣбовъ, хорватовъ, уличей. Но такъ-какъ потомки южно-руссовъ современные малоруссы отъ береговъ Припети вплоть до Чернаго моря, отъ Днѣпра и до Карпатъ говорятъ такими говорами, которые ясно свидѣтельствуютъ объ исконномъ племенномъ ихъ единствѣ, то мы должны признать единоплеменность тѣхъ южныхъ племенъ,

---

[1]) Стр. 329.—Рискуя надоѣсть читателю многократнымъ повтореніемъ того, что уже было сказано выше, я все таки сдѣлаю нѣсколько замѣчаній къ выводамъ г. Шахматова. Невозможность производить, напримѣръ, полтавцевъ отъ галичанъ у него основана только на фонетическихъ чертахъ восточно-украинскаго нарѣчія. Напоминаю, что о той же невозможности вопіютъ черты морфологическія и лексическія. Эти же черты указываютъ, что засельниками лѣвобережной Украины были колонисты не только изъ самаго южнаго Правобережья, но также изъ области сѣвернаго малорусскаго нарѣчія.

[2]) Стр. 338. Исключеніе г. Шахматовъ дѣлаетъ для той узкой береговой полосы Приднѣпровскаго лѣвобережья, которая еще прежде XIV вѣка принадлежала южноруссамъ кіевскимъ. (Стр. 344).

[3]) Стр. 339.

о которыхъ повѣствуетъ лѣтописецъ. Южноруссы издавна дѣлились на лѣсныхъ и степныхъ; такое дѣленіе обусловливалось природою занятой ими страны. Лѣсныя пространства лежали къ сѣверу, степныя къ югу. Вотъ почему г. Шахматовъ принимаетъ *исконное* дѣленіе южно-руссовъ (иначе—малоруссовъ) на вѣтви—сѣверную и южную [1]). Къ сѣверной вѣтви южно-руссовъ принадлежали хорваты, бужане (жившіе по Западному Бугу), дулѣбы (жившіе нѣкогда по южному Бугу), древляне и, наконецъ, поляне; къ южной вѣтви южно-русской группы относились тиверцы, уличи и волыняне [2]). Но въ историческую эпоху удары степняковъ (печенѣговъ и половцевъ,—съ конца X в.) повліяли на южныя малорусскія племена: они должны были двинуться къ сѣверу и потѣснить племена сѣверныя [3]): сначала, на востокѣ малорусской территоріи, волыняне потѣснили древлянъ и дулѣбовъ [4]); не покидая излюбленнаго юга, уличи, сидѣвшіе внизъ по Днѣпру (очевидно, до самаго моря), удаляются къ западу и поселяются между южнымъ Бугомъ и Днѣстромъ [5]); а на самомъ западѣ малорусской территоріи, южно-малорусское племя тиверцевъ, оттѣсненное отъ Дуная и отъ моря, двинулось въ область сѣверно-малорусскаго племени хорватовъ, въ бассейнъ Днѣстра, и частью оба племени сливаются, а частью хорваты оставляютъ свои прежнія жительства и углубляются въ Карпаты [6]). По поводу культурнаго полянскаго центра—Кіева—г. Шахматовъ замѣчаетъ, что его общерусское значеніе создано не одними мирными земледѣльцами—полянами, но и военно-торговымъ движеніемъ по Днѣпру. Кіевъ былъ центромъ, объединявшимъ нѣкоторыя изъ

---

[1]) Стр. 344.

[2]) Стр. 339.

[3]) Стр. 341.

[4]) Стр. 348. На уличей читателю слѣдуетъ обратить особенное вниманіе, такъ какъ (это мы увидимъ ниже) именно отъ нихъ г. Шахматовъ выводитъ современное восточно-украинское нарѣчіе.

[5]) Стр. 344 и 350. И теперь мы находимъ въ Карпатахъ такіе говоры, которые несомнѣнно должно относить къ сѣверно-малорусской группѣ (срв. переходъ ô въ у), а галицкое, или червоно-русское нарѣчіе представляетъ на южно-малорусской основѣ рядъ сѣверно-малорусскихъ особенностей.

[6]) Стр. 351.

русскихъ племенъ и всего вѣроятнѣе—полянъ съ сѣверянами [1]. „Вотъ почему нѣкоторые древніе памятники, писанные въ Кіевѣ, не содержатъ тѣхъ рѣзкихъ діалектическихъ особенностей, которыми отличаются памятники новгородскіе или даже сосѣднихъ съ Кіевомъ городовъ деревской, волынской, можетъ быть, даже самой полянской земли: очевидно, въ общерусскомъ городѣ создалось такое нарѣчіе, которое утратило или сгладило наиболѣе рѣзкія діалектическія черты... А. И. Соболевскій сначала допустилъ въ Кіевѣ присутствіе великоруссовъ, а впослѣдствіи—одного изъ тѣхъ племенъ, которыя со временемъ образовали великорусское племя [2]. Конечно, предположеніе о смѣшанномъ характерѣ Кіевскаго (городскаго) населенія дѣлаетъ совершенно излишней гипотезу Соболевскаго, въ значительной степени вызванную теоріей Погодина, признававшаго возможнымъ переселеніе русскаго племени изъ Приднѣпровья въ при-окскую область послѣ татарскаго нашествія. Но во всякомъ случаѣ мы не имѣемъ основанія не признать кіевскаго населенія южно-русскимъ, хотя оно было въ самомъ городѣ значительно разрѣжено другими русскими племенами и всего вѣроятнѣе сѣверянами“ [3].

---

[1]) Стр. 351.

[2]) Я въ этой же главѣ, выше показалъ читателю, что тѣ „нѣкоторые“ кіевскіе памятники, на какихъ г. Соболевскій строилъ свою гипотезу о великорусскости Кіева, писаны или вовсе не въ Кіевѣ, или не кіевлянами. Наоборотъ, памятники, писанные кіевлянами, проявили въ себѣ тѣ малорусскія особенности, какія существовали въ малорусскомъ языкѣ стараго времени.

[3]) Стр. 345—346.—Въ выноскѣ (на стр. 345) г. Шахматовъ замѣчаетъ, что «говоръ князей и дружины имѣлъ, несомнѣнно, общерусскій характеръ, благодаря ихъ постояннымъ передвиженіямъ». Навѣрное, и среди купечества, думается намъ, бывали часто некіевляне, пріѣзжавшіе нажиться въ такой торговый городъ, какъ Кіевъ. Кіевъ привлекалъ къ себѣ немалоруссовъ еще и потому, что сдѣлался общерусской религіозной святыней, разсадникомъ христіанства въ областяхъ къ сѣверу отъ него. Кіево-печерское монашество, этотъ питомникъ просвѣщенія, несомнѣнно заключало въ своей средѣ и некіевскіе элементы, такъ-какъ нельзя же предположить, чтобы никто—ну, хоть, изъ вятичей—не послѣдовалъ примѣру своего апостола Кукши Кіево-печерскаго и не поступалъ въ монахи Лавры. Впрочемъ, это и безъ предположеній извѣстно,—по Патерику; то же видно изъ записей на кіево-печерскихъ рукописяхъ (вспомнимъ хоть вышеупомянутую Псалтырь Спиридона (Москвича) 1397 го года; заказанное Іоной Балакиревымъ Евангеліе 1411-го г.; хранящійся въ Московской Духовной Академіи, но писанный въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ Златоструй

Переходя къ нашествію татаръ, г. Шахматовъ говоритъ: южно-руссы въ Заднѣпровьи подверглись жестокимъ и страшнымъ ударамъ со стороны татаръ: ихъ орды заходили такъ далеко, куда половцы могли проникнуть только въ качествѣ союзниковъ русскихъ царей. Всѣ историки согласны въ томъ, что Кіевская земля была совершенно опустошена татарами: конечно, невѣроятно, чтобы они превратили ее въ безлюдную пустыню, но во всякомъ случаѣ значительная часть населенія должна была искать болѣе безопасныхъ поселеній и, конечно, двигалась при этомъ къ сѣверу и западу. Вмѣстѣ съ тѣмъ остатки кіевскаго (сѣверно-малорусскаго) населенія должны были принять совершенно иной харак-

---

Ондрея Тферитина 1474 года). Дѣлая эти указанія, я тѣмъ самымъ потверждаю мысль о чужой примѣси въ рядахъ (sit venia verbo) „интеллигенція“ стараго города Кіева. Однако, ничто намъ не указываетъ, чтобы рѣчь пришлецовъ не подвергалась вліянію рѣчи кіевскаго простонародья. Если и теперь, при строгой системѣ обрусенія, простой народъ Кіева не теряетъ своего малорусскаго языка и даже оказываетъ извѣстное вліяніе на рѣчь кіевской общерусской интеллигенціи, (Соболевскій: Діалектологія—Жив. Стар. 1892, I, 9), то во сколько же разъ сильнѣе было это вліяніе встарину, когда о принудительной системѣ денаціонализаціи никто и понятія не имѣлъ! Примѣры у насъ на лицо: дьякъ Іоаннъ, великокняжескій переписчикъ Изборниковъ 1073-го и 1076-го года, принадлежалъ къ кіевской интеллигенціи, вращался въ великокняжеской сферѣ; однако его невольныя описки показываютъ намъ, что говорилъ онъ не по-общерусски, а по кіевски.—Г. Шахматовъ говоритъ еще: «Отмѣчу, что словарный составъ нашихъ кіевскихъ лѣтописей также доказываетъ смѣшанный характеръ кіевскаго говора: лѣтописецъ употребляетъ слово истьба, неизвѣстное южно-русскому племени; онъ влагаетъ въ уста Мономаха слово лошадь, описывая Долобскій съѣздъ: въ этой формѣ оно не извѣстно въ малорусскихъ говорахъ (стр. 345)». Слово «истьба» (теперь произносятъ и „їздьба“, и Ізба“) не извѣстно только въ нѣкоторыхъ говорахъ Малороссіи (тамъ говорятъ „хата“), а въ архаическихъ вполнѣ извѣстно (см. Желеховскаго I, 327; Kolberg I, 102). То же скажемъ и о словѣ „лошадь“. Для обозначенія понятія „добрый конь“ оно въ нашей козацкой странѣ не употребляется (какъ не употреблялось и въ древней Руси; Владиміръ Мономахъ говорилъ о лошади смерда—пахаря); но обыкновенныя лошади до сихъ поръ помалорусски называются „лошыцями“, „лошычками“, „лошунами“ (послѣднее сообщено И. Франкомъ Желеховскому, s. v.), а жеребята—„лошатами“ „лошатками“, „лошуками“ и т. д. Вообще же словарный матеріалъ кіевской лѣтописи отличается поразительной близостью къ современному малорусскому, и когда будетъ изданъ историческій словарь малорусской рѣчи (надъ которымъ много лѣтъ потрудился П. И. Житецкій и надъ которымъ продолжаю теперь работать я), то преемственная близость малорусской рѣчи къ древней южно-русской не будетъ ни въ комъ вызывать малѣйшихъ сомнѣній.

теръ, сравнительно съ прежнимъ временемъ: рубежъ русской земли съ лѣвой стороны Днѣпра переносится на правый, и Кіевская земля, постоянно угрожаемая съ востока и юга, становится новою украйною земли русской; порубежники быстро мѣняютъ прежній образъ жизни и привычки, такъ какъ имъ уже не приходится предаваться мирнымъ занятіямъ земледѣльцевъ и торговцевъ. Весьма вѣроятно при этомъ, что населеніе Кіевской земли (т. е. сѣверно-малорусское) ассимилируется[1]) тому южно-малорусскому населенію, которое издавна сосѣдило на югъ со степью,—жителямъ Поросья и Побужья; въ Побужьѣ жили потомки уличей, которымъ событія на югѣ открыли новую историческую роль. Въ XIII вѣкѣ уличи, пользуясь слабостью южныхъ князей, стремятся къ самостоятельности; у нихъ появляются самостоятельные князья, а территорія ихъ выдѣляется изъ сосѣднихъ княженій подъ именемъ Болоховской земли. Нашествіе татаръ, съ которыми они вошли въ особое соглашеніе, еще болѣе отдѣлило ихъ отъ остальной Руси, при чемъ упорное сопротивленіе Даніилу Галицкому показываетъ многолюдство и могущество Болоховской земли. Такимъ образомъ, на юго-западѣ Руси нашествіе татаръ вызываетъ явленіе сходное съ тѣмъ, которое послѣдовало (два съ половиною вѣка тому назадъ) за вторженіемъ печенѣговъ въ наши южныя степи: южное населеніе вступаетъ въ борьбу съ сѣвернымъ. Подобно тому какъ древляне и дулѣбы отступили тогда въ результатѣ этой борьбы къ сѣверу, такъ точно, послѣ вторженія татаръ, населеніе Кіевской земли и, вѣроятно, также Волынской отлило въ Полѣсье[2]),

---

[1]) Выраженіе „ассимилируется“ употреблено здѣсь г. Шахматовымъ крайне сбивчиво. Если онъ хочетъ сказать, что рѣчь Кіевщины приняла *многіе* южно-малорусскіе признаки, то съ этимъ согласиться можно; но о *безусловной* ассимиляціи не можетъ быть и рѣчи: рукописные (отчасти и печатные) памятники обнаруживаютъ присутствіе сѣверно-малорусскихъ чертъ къ югу отъ Кіева вплоть до 18-го вѣка; да и теперь говоръ средней Кіевщины не вполнѣ южно-малорусскій.

[2]) Сѣверная Кіевщина сама есть ужъ Полѣсье, да и изъ средней Кіевщины (по причинамъ, указаннымъ выше) нельзя предположить уходъ сѣверно-малорусскаго населенія. Уличи могли занять только Поросье и мѣста къ югу отъ Роси. Требуется, чтобы г. Шахматовъ выразился здѣсь точнѣе.

оставляя просторъ для сидѣвшихъ южнѣе жителей Понизовья (мѣстность между Богомъ и Днѣстромъ)[1]).

Съ XIV вѣка,—продолжаетъ г. Шахматовъ сопоставлять показанія языка съ показаніями исторіи народа,—южно-руссамъ, страна которыхъ, кажется, не ранѣе XIII вѣка получаетъ названіе Малой Руси, открывается новая задача—колонизовать югъ и юго-востокъ Россіи. Подъ охраной литовскихъ князей и кіевскихъ Олельковичей, малоруссы двигаются въ Полтавщину[2]), что можетъ служить весьма сильнымъ аргументомъ противъ предположенія о слишкомъ сильной разрѣженности южно-русскаго населенія послѣ татарскаго нашествія. Кіевское княжество уже въ XV вѣкѣ нашло возможность расширить свои предѣлы до Чернаго моря и Донца; ясно, что собственно Кіевщина не могла въ то время нуждаться въ колонистахъ изъ Галиціи или Бѣлоруссіи. Впослѣдствіи новыя событія на востокѣ и въ особенности образованіе крымскаго ханства привели Кіевъ ко вторичному упадку: „широкія границы, начертанныя для Кіевщины Витовтомъ, говоритъ Антоновичъ, исчезли черезъ полвѣка послѣ его смерти подъ напоромъ крымской орды". Прочное колонизаціонное движеніе малоруссовъ въ Полтавщину и Черниговщину возобновляется не раньше XVI вѣка; впослѣдствіи, уже подъ охраною московскаго государства, заселяются южныя степи бѣжавшимъ отъ польскихъ порядковъ малорусскимъ крестьянствомъ. Во второй половинѣ XVII вѣка малоруссы занимаютъ современную Харьковскую, западную часть Воронежской и южную часть Курской губерній. Колонизаціонное движеніе съ праваго берега Днѣпра шло, кажется, преимущественно изъ южной Украйны, изъ Побережья, т. е. мѣстности между Бугомъ и Днѣстромъ: населеніе этой части южной Руси, захвативъ сначала, какъ мы видѣли выше, Кіевщину[3]), двигалось затѣмъ большими волнами въ заднѣпровскія степи[4]).

[1]) Стр. 357—358.

[2]) Сперва въ сѣверную.

[3]) Конечно, только Кіевщину южную.

[4]) Стр. 367—368.

Резюмируя свою обширную статью, г. Шахматовъ по поводу группы малорусскихъ современныхъ нарѣчій говоритъ: Малорусская группа цѣльнѣе, чѣмъ всѣ остальныя (т. е. чѣмъ бѣлорусская и великорусская), сохранила свою связь съ древней группой соотвѣтствующихъ ей говоровъ: южно-русская группа X—XI вѣка вполнѣ представлена современной группой—малорусской [1]), и подобно тому какъ древняя южно-русская племенная группа дѣлилась на племена сѣверныя и южныя, малорусское нарѣчіе можно раздѣлить на сѣверное и южное поднарѣчіе [2]); смѣшеніе древнихъ племенъ сѣверныхъ и южныхъ на ихъ пограничныхъ полосахъ отразилось въ нынѣшнемъ малорусскомъ нарѣчіи говорами переходными. Какъ ни цѣнны всѣ дальнѣйшія частныя замѣчанія г. Шахматова по поводу каждой группы: сѣверно-малорусской, южно-малорусской и переходной, я ограничусь сообщеніемъ лишь самаго необходимаго [3]).

Въ старину (и даже лѣтъ двѣсти-триста тому назадъ) на Правобережьи, т. е. въ западномъ бассейнѣ Днѣпра, въ бассейнѣ Бужскомъ и въ бассейнѣ Днѣстровскомъ, слышались всѣ три малорусскихъ нарѣчія, или поднарѣчія:—на югѣ чистое южнорусское, въ центральной полосѣ—южномалорусское смѣшанное, на сѣверѣ—сѣверномалорусское. Теперь ихъ группировка иная.

1) *Чистаго* южномалорусскаго нарѣчія теперь на правомъ берегу Днѣпра уже нѣтъ. Этимъ чистымъ южномалорусскимъ нарѣчіемъ говорили жители Понизовья (между Бугомъ и Днѣстромъ) и, подъ конецъ, жители южной Кіевщины. Отъ сѣверныхъ малоруссовъ эти чистые южномалоруссы были отдѣлены широкой полосой смѣшанныхъ говоровъ и, какъ видно изъ событій XIII вѣка, не вполнѣ втянулись въ общую политическую малорусскую жизнь. Эти чистые южномалоруссы уже выселились изъ Правобережья и занимаютъ теперь Полтавскую губернію (кромѣ сѣверной полосы), Харьковскую (безъ сѣверозападной полосы),

---

[1]) Стр, 368.

[2]) Стр. 369.

[3]) Изъ стр. 369—377.

южную часть Курской, юго-западную часть Воронежской,—вообще Слободскую Украину и южныя степи; поэтому, основываясь на ихъ нынѣшнемъ географическомъ положеніи, ихъ чистую южномалорусскую рѣчь приходится теперь называть восточно-украинскимъ нарѣчіемъ. Мѣста, оставленныя ими въ Правобережьи, были послѣ ихъ ухода заняты ихъ сосѣдями съ сѣвера, т. е. южномалоруссами смѣшанными [1]).

2) Южномалорусское нарѣчіе *смѣшанное*, усвоившее нѣкоторыя немаловажныя черты сѣверныя, уже не есть теперь по своему географическому положенію нарѣчіе срединное, а просто—западно-украинское, или западно-малорусское. Имъ говорятъ въ Галичинѣ, въ Подоліи (откуда чистые южномалоруссы уже выселились на Лѣвобережье), въ западной Волыни, въ южной и отчасти средней Кіевщинѣ (откуда чистые южномалоруссы тоже выселились); путемъ колонизаціи (начавшейся раньше, чѣмъ у чистыхъ южномалоруссовъ) это смѣшанное южно-малорусское нарѣчіе распространилось въ южной Черниговщинѣ и сопредѣльной сѣверной Полтавщинѣ, въ сѣверозападной полосѣ Харьковской губерніи и въ западномъ углѣ Курской губерніи [2]).

3) Сѣверно-малорусское нарѣчіе занимаетъ сѣверъ малорусской территоріи, отступая отъ юга то больше, то меньше; самый западный пунктъ—Русь Угорская, самый восточный—Черниговщина

[1]) Т. е. типа галицкаго, западно-волынскаго, среднекіевскаго. Если какое-ниб. количество чистыхъ южномалоруссовъ не выселилось, а осталось въ Правобережьи, то ихъ рѣчь должна была ассимилироваться съ рѣчью новопришедшихъ срединныхъ (смѣшанныхъ) южномалоруссовъ. Точное изслѣдованіе современнаго языка тѣхъ правобережныхъ мѣстностей, которыя покинуты чистыми южномалоруссами, быть можетъ, позволитъ уловить тамъ какіе-нибудь пережитки отъ прежней южномалорусской рѣчи. Къ изслѣдованію должны быть привлечены глагольныя образованія типа *носю*, *возю*, *летю*, *ходю* (подчеркнутыя еще К. П. Михальчукомъ), мѣстоименіе *цей*, *ця*, (=сей, ся) и т. д.

[2]) Всестороннее изслѣдованіе языка перечисленныхъ частей Лѣвобережья показываетъ, что въ образованіи ихъ населенія участвовали также чистые сѣверно-малоруссы и, быть можетъ, даже бѣлоруссы. Съ другой стороны, то же изслѣдованіе не указываетъ, чтобы изъ числа смѣшанныхъ южномалоруссовъ приходили въ названныя мѣста Лѣвобережья колонисты изъ Галичины и смежной Западной Волыни; если-жъ они и приходили, то слѣда въ языкѣ не оставили,—значитъ, ихъ и не могло быть много.

щина. Говоры сѣверномалорусскаго нарѣчія отразили на себѣ судьбы сѣверномалорусскихъ племенъ: тѣснимые съ юга южномалоруссами (волынянамы и уличами), древляне, дулѣбы и бужане переходятъ на территорію дреговичей (бѣлоруссовъ) и смѣшиваются съ ними; но южныя племена продолжаютъ уступать къ сѣверу при всякомъ усиленіи степныхъ кочевниковъ, татарское нашествіе даетъ послѣдній ударъ въ этомъ направленіи,—ясно, почему южные малоруссы преслѣдуютъ сѣверныхъ и въ новыхъ мѣстахъ ихъ поселеній, и тамъ, гдѣ они успѣли смѣшаться съ дреговичами. Такимъ образомъ, самые сѣверные изъ сѣверномалорусскихъ говоровъ имѣютъ примѣсь бѣлорусскихъ особенностей: здѣсь сѣверные малоруссы сблизились съ бѣлоруссами, которыхъ они вытѣсняли. Наиболѣе устойчиво сѣверномалорусское племя сохранило свои поселенія на востокѣ, хотя и уступило южнымъ малоруссамъ въ болѣе раннюю эпоху южную часть древлянской земли, а въ болѣе позднюю—территорію полянъ; отступая къ сѣверу, древляне смѣшивались съ дреговичами; вотъ почему на сѣверѣ восточныхъ поселеній сѣверныхъ малоруссовъ мы найдемъ бѣлорусскія, а на югѣ—южномалорусскія особенности. Изъ числа сѣверно-малорусскихъ поселеній особенно для насъ интересенъ Радомысльскій уѣздъ Кіевской губ., Овручскій, Житомирскій, Новоградъ-Волынскій и Ровенскій уѣзды Волынской губ. Въ ихъ говорѣ сѣверномалорусскія черты смѣшиваются съ южномалорусскими, но бѣлорусскихъ особенностей нѣтъ,—слѣдовательно полѣхи сѣверной части Кіевской и указанныхъ уѣздовъ Волынской губерніи продвинулись сюда не съ сѣвера [1]). Иными словами: типъ старыхъ домонгольскихъ кіевлянъ наиболѣе чисто представленъ теперь жителями Радомысльскаго уѣзда и названныхъ сосѣднихъ уѣздовъ Волыни.

Надѣюсь, читатель не посѣтуетъ на меня за то, что я привелъ такія обширныя извлеченія изъ статьи г. Шахматова [2]):

[1]) Стр. 370.

[2]) Она мною приведена преимущественно въ видѣ буквальныхъ извлеченій изъ наиболѣе существенныхъ мѣстъ, а кое-гдѣ желая сдѣлать ее вразумительной для средняго читателя—неспеціалиста, я постарался изложить ее даже популярно, за что многоуважаемый академикъ не будетъ, надѣюсь, на меня въ

она вполнѣ этого заслуживаетъ. Конечно, нѣтъ сомнѣнія, что со временемъ г. Шахматовъ произведетъ въ ней еще немало улучшеній: и со стороны чисто исторической—спеціальная разработка отдѣльныхъ историческихъ вопросовъ не разъ внесетъ въ эту статью многія полезныя дополненія и болѣе точную формулировку нѣкоторыхъ положеній; и со стороны филологической—дальнѣйшія работы въ области изученія современныхъ русскихъ нарѣчій и говоровъ также придадутъ иную формулировку нѣкоторымъ выводамъ и обобщеніямъ [1]); но главнѣйшія, существенныя идеи работы г. Шахматова останутся непоколебленными, потому-что онѣ не легкомысленно схвачены съ воздуха, а представляютъ собою продуманное, необходимое логическое заключеніе изъ тѣхъ данныхъ, которыя были приготовлены г. Шахматову многими серіозными трудами многихъ серіозныхъ ученыхъ, предшественниковъ нашего талантливаго академика.

Итакъ, гипотеза о великорусскости старыхъ кіевлянъ уже погребена: отъ нея отказались и г. Соболевскій, и г. Шахматовъ. Тѣмъ не менѣе я считаю вовсе небезполезнымъ для исторіи малорусскаго нарѣчія оканчивать печатаніе своего изслѣдованія: очень важно выяснить, дѣйствительно-ли въ Галичинѣ и на Волыни писаны тѣ памятники, которые г. Соболевскій называлъ галицко-волынскими. А не то исторія малорусскаго языка будетъ изучаться по немалорусскимъ памятникамъ, и произойдутъ ошибочные выводы.

А. Крымскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

претензіи. Съ цѣнными изслѣдованіями г. Шахматова очень полезно знакомиться широкой публикѣ, между тѣмъ стиль его иногда бываетъ тяжеловатъ. (Даже спеціалистъ филологъ проф. Р. Ѳ. Брандтъ говорилъ о сочиненіи г. Шахматова: „Изслѣдованія въ области русской фонетики", что оно изложено „*чрезвычайно тяжело*";—„чтеніе разбираемой книги настолько затруднительно, что рекомендовать ее можно лишь заязятымъ грамматистамъ". Этн. Обозрѣніе 1895, кн. XXIV, стр. 143).

[1]) Такъ, рѣчь малоруссовъ Черниговщины и выясненіе вопроса объ отношеніи полянъ къ сѣверянамъ еще требуетъ очень долгихъ изслѣдованій. Говоры Воронежчины крайне мало анализированы. Нѣкоторыя замѣчанія на статью г. Шахматова сдѣланы мною теперь же, попутно, при изложеніи статьи.

Прошу читателей сдѣлать слѣдующія дополненія къ предыдущимъ статьямъ, равно какъ и исправленія опечатокъ:

Въ іюньской книгѣ „Кіевской Старины“ 1898 г.

Стр. 355. Добавить къ примѣчанію 1-му (кромѣ того, что добавлено въ янв. книгѣ 1899 г., стр. 27): Такъ и Ягичъ въ своихъ «Einige Streitfragen», заявивши, что по отношенію къ остальнымъ славянскимъ языкамъ русскія нарѣчія составляютъ одно цѣлое, тѣмъ не менѣе употребляетъ выраженія: die russischen *Sprachen*.

Въ сентябрьской книгѣ 1898 г.

Стр. 245, строка 7-ая. Добавить: Въ Полтавской губерніи, въ Гадяцкомъ уѣздѣ—Грыша (Оныське Грыша, сильськый хлопець--см. «Матерьялы до украиньсько-руськои этнольогіи, за редакціею Хв. Вовка», Львовъ,1899, т. I, стр. 111.

Стр. 247, строка 17-ая. Добавить: Въ пѣснѣ 1789-го года фигурируетъ Марьянуша (Гринченко: Этнографич. Матеріалы, т. III, стр. 605).

Стр. 248, строка 3-я. Добавить: Отъ Иванъ—Иванюша (встрѣчается въ пѣсняхъ о козакѣ, записанныхъ въ Новоушицкомъ уѣздѣ, Подольской губерніи. Гринченко: Этнограф. Матеріалы, III, 271—272). Это же имя «Иванюша» встрѣчается на Волыни въ Острожскомъ уѣздѣ. (Гринченко: Этнограф. Мат. III, 369). Въ Проскуровскомъ уѣздѣ, Подольской губ. — Петруша (Биберштейнъ: Народныя преданія въ Подоліи. Каменецъ-Подольскъ, 1881, стр. 38, 39).

Стр. 253, строка 2-я снизу: Добавимъ еще, что очень интересные примѣры малорусскихъ словъ на *ша* подмѣтилъ И. Верхратскій въ архаическомъ говорѣ угорскихъ малоруссовъ,—напр., голубеша=голуба вивця, Namen eines blaugrauen Schafes, сыньоша=корова сыня, сира, Namen einer blaugrauen Kuh. См. «Знадобы до пизнання угорсько-руськыхъ говоривъ», стр. 49. «Записки Наукового Товарыства имени Шевченка», т. XXVII).

Стр. 254, добавить къ строкѣ 6-й: Угро-малорусскія клички коровъ и овецъ «голубеша» и «сыньоша» (подобно великорусскому „буренушка“) съ одной стороны выражаютъ ласку, а съ другой стороны подчеркиваютъ изобиліе сивой масти въ данныхъ животныхъ.

Стр. 256, добавить къ строкѣ 10-й (кромѣ того, что сказано въ янв. книгѣ 1899 г., стр. 28): „Мамуся“—въ великорусскомъ разсказѣ П. М. Невѣжина («Новости Дня“, 1898 г., № 5595, стр. 2, столбецъ 4). Въ Петербургскомъ разсказѣ П. Боборыкина: „Отслужила“ („Русск. Вѣдомости“, 1898, № 295) героиня называется „Катуся“ (великорусская уменьшительная форма отъ „Катерина“, соотвѣтствующая малорусской формѣ „Катруся“).

Стр. 262, примѣчаніе 1-е, строка 9-я. Добавить: Существительное „буцъ“ иногда просто означаетъ быстрый и ловкій ударъ (Ястребовъ: Матеріалы по этнографіи Новороссійскаго края. Одесса, 1894, стр. 95).

Стр. 262, строка 15-я (срв. добавленіе въ янв. книгѣ 1899 г., стр. 29, по поводу Руликовскаго). Въ рѣдкой малорусской брошюрѣ „Сплiотни“ Михалка Семенюка (Житомиръ, 1872), сознающагося, что и онъ отчасти буцъ, я нашелъ обстоятельныя разъясненія по поводу прозвища „буцъ“, которыя показываютъ, что правильно было только мое первое объясненіе, извѣстное мнѣ изъ Кіевской губерніи (Кіев. Стар. 1898, сент., 262), а второе объясненіе, предположенное на основаніи недомолвки Руликовскаго, не вѣрно (Кіев. Стар. 1899, янв., 29). Приводя выписки изъ брошюры Семенюка, я по необходимости буду измѣнять его правописаніе на общепредписанное. „Я по своему научывся помыжъ крестянамы и Буцамы (хочъ-то кажуть: буцы не люде). Для того найдете у мене ударенія и выраженія, противны малороссійскому заднипровскому языку, потому-що въ мистностяхъ отъ Буга до Тетерева и ещо немного дальше къ Кіеву змишано и поплутано, якъ въ испорченномъ ткацькимъ варстати (стр. 6). Прыходыться теперь объяснить, що то значыть „Буцъ“? Есть то чоловикъ [1]), але чоловикъ, похожъ на литовскихъ изъ багенъ [2]) людей, котрого колы спросышъ: «звитки, чоловикъ?» отвитыть: «я не чоловикъ, *я пинчукъ*».—Буцъ получывъ свое названіе отъ того, що якъ то диты забавляються и одынъ другого бье лобомъ и промовляють: «баранъ, буцъ!»—такъ понеже сіи люде безпрестанно

---

[1]) Читателю—немалоруссу я долженъ напомнить, что термины «чоловикъ» и «люды» употребляются малоруссами для обозначенія понятія «малоруссъ». Въ то же время терминъ «люды» можетъ быть равносиленъ съ терминомъ «крестьяне» (въ противоположность другимъ сословіямъ),—вотъ почему у г. Семенюка «крестьянскій» значитъ и «малорусскій (чистый)».

[2]) Болотъ.

напываються и деруться, отъ того названо ихъ Буцамы.—Але Буцовъ есть два сорта: одынъ—«Буцъ-васпанъ», а другій — «Буцъ-мужыкъ». Буцъ-васпанъ хуже мужыка, потому що твердшы(й) невыжа [1]) и безпрымирно ленывъ. И Буцъ-воспанъ дорожыть своимъ васпаньствомъ, бо пры соотвитственномъ случаи обзываетьця: «я до васпана», «васпанъ! васпанъ, а, васпанъ! до мене ты?» Буцъ же мужыкъ не мае въ соби тои амбиціи и бувае совистнійшій, але воны вси плуты, пьяныци и злодіи на лисъ. Така въ ныхъ въ симъ отношеніи закостнила безсовистность, що не счытають соби въ выну красты лисъ и при случаи обясняються: «Той, що лизе до коморы, то той—злодій. А зъ лиса якъ що соби зробышъ та продасы, то нема гриха. Изъ чого жъ будешъ жыты? вшакъ, лисъ Богъ сотворывъ для всихъ». Сіи Буцы—есть то люде захожи изъ разныхъ сторонъ: изъ-за Буга, изъ-за Дзвины и изъ-за Днистра (стр. 11—13). Тамъ (=помыжъ слободамы, населенными самымы Буцамы), по лисамъ есть села, населенны крестянамы въ смиси зъ Буцамы, и есть села населенны самымы лышъ крестьянамы безъ ніякои прымиси. Але, же крестьянѣ сообщаютьця съ Буцамы, оттого що и входятъ въ бракосочитанія съ собою, то и у крестьянъ есть искажены(й) языкъ Буцовскі(й) (стр. 13). Слишкомъ очевидно, что «лицьвинки изъ-за Дзвины» ничего общаго не имѣютъ съ галицкими бойками.

Стр. 263, строка 12. Добавить: Въ статьѣ М. Левченка: «Мѣстныя названія русиновъ» (Основа, 1861, янв., 264) читаемъ: «Гуцулъ значитъ разбойникъ. Это названіе дано русинскимъ горцамъ за ихъ отчаянную защиту православной вѣры въ то время, когда Венгры вводили у нихъ унію. Впослѣдствіи, когда со словомъ «Гуцулъ» стало нераздѣлимо понятіе о храбромъ человѣкѣ, эти горцы съ гордостью начали сами называть себя этимъ именемъ» (подобно греческимъ клефтамъ). Что названіе гуцулъ возникло гораздо позже эпохи татарскаго разоренья, это вполнѣ было ясно; сообщеніе же Левченка указываетъ и время и причину появленія этого имени.

Въ январьской книгѣ 1899 года.

Стр. 11, снизу строка 7-ая: Чередованіе *е* и *я* прежде всего замѣчается наблюдателемъ въ окончаніяхъ, восходящихъ къ старинному **ніє**: жыття, насиння, провалля и т. д.

---

[1]) Невѣжда.

Стр. 14, строка 6. Лятычивъ—имя города Летичева по подольскому произношенію («Нывa», 1885, Одесса, стр. 164).

Въ іюньской книгѣ 1899 года.

Стр. 308-ая, стр. 16-ая. Вм. «могли» надо «могли бы».

Стр. 312, снизу 11-ая строка въ выноскѣ. Пропущено: Новгородецъ, побывавшій въ Кіевѣ и возвратившійся опять въ Новгородъ, могъ быть названъ кіяниномъ, подобно тому, какъ и теперь въ русской деревнѣ зовутъ «питерщикомъ» крестьянина, прожившаго зиму въ Петербургѣ на заработкахъ.

Стр. 314, строка 15-ая. Вм. «о(ть)цьн*ими*» надо «о(ть)цьн*ями*».

Стр. 315, строка 21-ая. Вм. «Кіевъ» надо «кіевскую рѣчь».

САВА ЧАЛЫЙ.

Трагедія въ 5 діяхъ и 7-ми картынахъ.

(*Окончаніе* *).

ДІЯ IV.

Пуща. Печера въ скели.

Ява I.

Медвидь и Грыва. Перше Грыва; вылазыть зъ печеры.

Грыва. Якове! А ты на дереви?

Голосъ. Сыдю въ гнизди й чатую.

Грыва. Чатуй, чатуй! Ты хочъ и крывый, а ухомъ своимъ та окомъ насъ оберигаешь бильшъ, нижъ шаблею.

Голосъ. Я чую десь далеко идуть верхови, але не выдко ще.

Грыва. И дасть же Богъ такее око й ухо!

Голосъ. Эге. Отъ же й не вглядивъ! Якъ зъ пидъ земли вынырнувъ якыйсь чоловикъ и сюды прямуе.

Грыва. Одынъ?

Голосъ. Одынъ.

*) См. Кіевск. Стар., августъ.

Грыва. Одынъ, то байдуже! Це певне не ворогъ (*зъ-за кущивъ вытыкается голова*). Хто тамъ?

Медвидь. (*выходе*). Я!

Грыва. Медвидь! Здоровъ брате! (*Обiймаются*). А мы вже думалы, що ты десь згынувъ.

Медвидь. Мало не згынувъ.

Грыва. Пивъ году мы тебе не бачылы. Де-жъ ты пробувавъ?

Медвидь. Писля того, якъ Сава кишъ нашъ зруйнувавъ, я зъ купою малою скризь хазяйнувавъ, покы той иродъ Сава не наскочывъ.

Грыва. Харцызъ!.. Зрадныкъ!.. падло! Унадывся до ляшенькивъ въ Польщу паномъ жыты...

Медвидь. Та й ловыть гайдамакивъ по степахъ... та ще Иродивъ сынъ що выгадавъ: скризь универсалы розиславъ и клыче гайдамакъ до себе, даруючи имъ земли и вильготы.

Грыва. Знаемо мы ти вильготы! Ляхамъ выходыть на корысть, щобъ працювалы!

Медвидь. А такъ. Половына мого загону пишла до него, та й показалы схованку нашу, а винъ наскочывъ и всихъ половывъ. Здается, я одынъ тилько и втикъ.

Грыва. Немае гирше якъ свiй: зна вси фыгли; никуды не сховаешся видъ него.

Медвидь. Винъ носомъ чуе гайдамакивъ.

Грыва. Ну, знаешъ, ловыть вовкъ, ловыть, але жъ и вовка пiймають.

Медвидь. Охъ винъ, братъ, характерныкъ. Нихто Савы не пiймае, хиба самъ Гнатъ.

Грыва. Мабудь що такъ. Отъ же вызвався Кульбаба, пишовъ, щобъ стратыть Саву, и чутка пропала. Потимъ знову Горыцвитъ, пишовъ—и того нема. А мисяць тому, пославъ Гнатъ Дороша Кравчыну; цей, кажуть, зъ чортамы наклада: одначе щось и Кравчыны нема довго.

Голосъ. Наши пидъиздять. А далеко ще одынъ чоловикъ маначыть. Темнiе, не бачу.

Медвидь. Покы дизнаемось, де Сава, гляды, щобъ не дизнавсь винъ, де мы.

Грыва. Ни, у пущу цю винъ не питкнется, хытрый лысъ; бильшъ на засидкахъ, та зненацька, а тутъ прыйдется въ ручкы. Межъ цимы скелямы, та въ норахъ цихъ, якъ свитъ стоить, то певно ще нихто не жывъ, а тилько звирь водывсь и тутъ ховався. Мы тутъ убылы ажъ двохъ медведивъ и однялы у ныхъ цю хату для Медведя.

Медвидь. Для мене-бъ то?

Грыва. Эге! (*Сміются*).

Медвидь. Сава у насъ однявъ, а вы у медведивъ?.. Безпечне мисто; а жаль, братъ, старого коша у Чорнимъ лиси!

Грыва. И теперь ще така кыпыть у грудяхъ злисть, колы згадаю Саву, що самъ себе здается бъ удавывъ.

Медвидь. И якъ то сталось такъ, що Сава зруйнувавъ у ничь одну такый значный и сыльный кишъ?

Грыва. Зрада, якъ гадюка пидкрадается и вкусыть! Вы ото пишлы зъ Гнатомъ на Немыривъ, а я зоставсся наказнымъ.. Не ждалы мы не видалы и не гадалы ничого того, що сталось! Мы жъ вси тоди думалы, що Сава, зъ тіеи образы, що Гната Кошовымъ настановылы, подався зъ пысаремъ своимъ у сичъ— и байдуже! Якъ по всякъ часъ, такъ и тоди—скризь варта... А сами безпечно спалы. Тилько діяволъ Сава тоди не спавъ. Поризавъ всихъ вартовыхъ, обмотавъ прядывомъ, намоченымъ у смолу, навколо дерева, поклавъ пидъ курини смоляніи клубкы, и запалывъ!.. Прокынулысь... Кругомъ огонь—якъ пекло лисъ палае, а зъ чого воно сталось—не знаемо, и кынулысь ратуваты скарбы, та утикать... Багато тоди нашихъ Сава половывъ... (*Голосъ*). Наши недалеко.

Медвидь. Бусурманъ! Поки винъ поравсь зъ вамы тутъ, а тамъ пріятель его Иванъ, що Найдою прозвалы, засившы въ лиси, ждавъ насъ зъ велыкою арматою. Блызько пидпустывъ та те-жъ зненацька й шарахнувъ зъ гарматъ! Видъ несподиванкы мы вскочылы въ болото. Покы высипалысь, воны насъ обигнулы и сталы збоку—мусилы мы тикать, та у дорози знову

наскочылы на ирода Саву, що повертавсь уже назадъ! Багато й тамъ людей пропало, и розвіялыся хто куды. Отъ и доси не зберутся знов до купы.

Я в а II.

Тижъ, Гнатъ, зъ нымъ гайдамакы и козакы. Килько чоловикъ несуть прямо у печеру мишкы.

Г н а т ъ. А, медвидь!

В с и. Здоровъ брате!

Г н а т ъ. Якъ ся маешь?

М е д в и д ь. Ледви утикъ оце зъ рукъ Савы.

В с и. У—у зрадныкъ!

Г н а т ъ. Стривайте, попадется винъ и намъ у рукы... Паюйте все товарыши по-межъ собою, а мени ничого не треба; тютюнъ е, свынець и порохъ е, то зъ мене й доволи!

1 З а п о р о ж е ц ь. Та ще жъ немае всихъ.

Г н а т ъ. А й справди, бильшь половыны тутъ товарышивъ нема; я соби замыслывся и не прымитывъ, де видсталы.

1 З а п о р о ж е ц ь. По дорози е корчма, то певно що тамъ застрялы.

Г н а т ъ. Ото вже не гараздъ, що купы не держатся, ще попадутся, колы погоня буде.

1 З а п о р о ж е ц ь. Пидъ самисенькымъ носомъ у Немыривського пана въ костёли похозяиновалы, то треба ждать погони видъ самого Савы. Тилько жъ тамъ межъ нымы Молочай, Вернычора и Воввъ, то не дадуть у кашу наплювать.

Г р ы в а. Та такъ. А що тамъ здобулы?..

1 З а п о р о ж е ц ь. Грошей до биса и утварь всяка.

Г о л о с ъ. Якыйсь чоловикъ спустывся въ балку... А десь далеко гупотыть. Пыльнуйте, братци, бо такъ потемнило, що я не бачу.

Г н а т ъ. Скоро мисяць зійде. *(До Медведя)* Якивъ такъ бачыть, якъ нихто.

Г р ы в а. Такого вартового, немае въ свити.

Гнатъ. (*До Грывы*). А выйды, брате, подывысь, що тамъ за чоловикъ (*Грыва выйшовъ*).

1 Запорожець. А що, пане атамане, нема вистей про Кульбабу?

Гнатъ. Нема, якъ въ воду канулы й Кульбаба, й Горыцвитъ! Колы не вернется й Кравчына, то самъ тоди пиду я Саву добувать, щобъ выконать прысудъ громадській и смерти ирода предать! А я складу, якъ инчи, голову свою—идить други его шукаты, бо покы Савы смертью не скараемъ, не буде намъ жыття: винъ переловыть насъ усихъ! Не меньше Савы лыха робыть Иванъ Найда, що винъ прыйнявъ бувъ до коша и разомъ зъ нымъ прыставъ до ляха, та и цёго пійматы и смертью покараты треба!

Ява Ш.

Тижъ, Грыва и Кравчына.

Кравчына. Здорови паны-братья! Якъ ся маешъ Гнате!

Вси. Кравчына!

Гнатъ. Насылу мы тебе дождалысь! Ну що? Яки прынисъ ты висты?

Кравчына. Саву не бачывъ—трудно прыступыть. Винъ женывся на тій дивци, що колысь-то въ Очеретній хтось зъ нашыхъ захопывъ. Жыве биля Немырова въ с. Степашкахъ, котри подарувавъ ему Потоцькій, и заселяе свои земли тымы гайдамакамы, котри піймавшись каются и прысягаютъ жыты тыхо. Кульбаба й Горыцвитъ попалысь на замири вбыты Саву. Кульбаба покаявся и жыве теперъ въ Степашкахъ, у тимъ сели, де Сава; а Горыцвита Сава повисывъ, бо той покаятыся не схотивъ.

Голосъ. Гей батьку, Гнате! Ляскъ чуть такый, нибы бьются на шабляхъ. Але не бачу я ничого, бо мисяць ще не выйшовъ зъ лису.

Гнатъ. Певно за нашымы погоня! Тикаючы сюды, воны покажуть шляхъ до нашого коша... А ну, товарыши, станемо у

щилыни, черезъ яку бильшъ трехъ не пройде... Мушкеты заряжени?

1. Запорожецъ. На готови.

Ява IV.

Тижъ и Мыкыта.

Мыкыта. Паны братья!.. Погоня велыка... Чалый Сава!..

Гнатъ. Де?

Мыкыта. Отутъ вже блызько, наши бьются, щобъ не пустыть сюды... Охъ, дай воды!...

1. Запорожець. Вода въ печери (*Мыкыта пишовъ у печеру*).

Гнатъ. Даремно куль зъ мушкетивъ не пускать, палыть тоди, колы пальнуты можна прямо въ пыку, щобъ ни одна куля не пропала, а потимъ рубай! Першый, хто побачыть Саву, гукай на мене, я хочу самъ заглянуть зрадныкови въ вичи! Мыкыто! де жъ Мыкыта?

1 Запорожець. Въ печери. (*Полизъ у печеру*). Мыкыто!

Гнатъ. Спытай, де саме винъ своихъ покынувъ.

1 Запорожець (*зъ печери*). Та винъ увесь въ крови. Доходыть! (*вылазыть зъ печери*). Кровью зійшовъ, умира.

Голосъ зъ дерева. У бальци бьются. А на гори выдко кинни.

Гнатъ. О, колы ще на гори и въ бальци бьются, то мы ихъ не допустымо сюды. Зостаньсь, Медведю, ты одынъ тутъ пры скарбахъ, колы поляжемъ мы, ты заснуешъ нову ватагу. Прощай, може бильше не побачымось. Ходимъ, панове, яромъ, а потимъ выскочымъ на гору. Воны не сподиваются, бо думають, що тамъ уся ватага, и мы имъ раптомъ, зненацька, вдарымъ въ спыну! Ну, панове: або дома не буты, або славы добуты!

Вси. Смерть усимъ! (*Выйшлы*).

Ява V.

Медвидь на кону, голосъ на дереви.

Медвидь. Якове! А що тамъ тоби выдко?

Голосъ. Мисяць выплывъ зза деревъ и гарно гору освитывъ... Ой, ой, ой! Багато кинныхъ выскочыло зъ балкы... Всю гору вкрылы—такого ихъ.

Медвидь. Выходыть, наши засилы въ бальци, а тамъ скели й болото—туды на коняхъ йихать годи.

Голосъ. Позлазылы зъ коней (*Пауза*). Пиши виддилылысь видъ кинныхъ.

Медвидь. Ой, поможы-жъ Боже нашимъ мерщій добратысь до горы. Не выдко нашихъ ще?

Голосъ. Не выдко.

Медвидь. Ото якъ довго! А Боже мій!

Голосъ. Пиши кынулысь бигомъ у балку! И наши вылизлы уже на гору.

Медвидь. Ага!

Голосъ. Наши щезлы за деревамы.

Медвидь. Перебигаютъ прыкрываючысь... Ну, що?

Голосъ. Наши кынулысь бигомъ до коней. Блызько вже... Блыснулы шабли. Ай, що тамъ робытся!.. кони стаютъ на дыбы... розбигаются.

Медвидь. То колють коней шаблямы въ морды и пидъ бокы, щобъ розъярыть...

Голосъ. Кони вже розбиглысь въ ростычь, а де-яки на земли лежать и бьются...

Медвидь. Переризалы вожатыхъ и покаличылы, выходыть, коней, щобъ решта вороги въ зосталась пиша...

Голосъ. Наши кынулысь бигомъ у балку... Ничого не выдко, тилько гурготыть!

Медвидь. О, теперъ пиши на пишыхъ, воны цего не ждуть! Отъ де пекло буде! Певно, Якове, зостанемось мы вдвохъ зъ тобою, бо вси поляжуть.

Голосъ. У бальци ажъ клекотыть!

Ява VI.

Тижъ и Молочай раненный.

Медвидь. Молочай! А що тамъ якъ?

Молочай. Я тебе одъ разу й пизнавъ... дай воды напытысь... Умираю!..

Медвидь (*Подае воду*). Давай перевьяжу тоби я раны.

Молочай. Де тамъ ихъ перевьязать! Весь покарбованый и у диркахъ якъ решето! Подумай брате: тилько що выйихалы мы за корчму, наскочыла ихъ цила сотня пры гармати, а насъ лышь трыдцять. Одначе выстрилыть зъ гарматы мы имъ ни разу не далы... Тры разы, на скоку мы коней поверталы вкруть и кыдалысь имъ въ бикъ—прорызувалы наскрызь и зновъ тикалы. Верныгора, я и Вовкъ передъ велы и въ першый же наскокъ полигъ Верныгора пидъ шаблею Ивана Найды, того, що съ Савою утикъ. Винъ певно старшый тутъ, бо Саву я не бачывъ. Такъ одбываючысь, добралысь мы до лису, коней покыдалы и на болоти вси засилы. Воны вернулыся на гору, бо киньмы у болото не полизешъ. Отутъ своихъ покынувъ я и ледви жывъ болото перелизъ, и отъ такы добрався до коша, а наши тамъ зосталысь, щобъ не показаты сюды шляху, и певно вси поляжуть, бо ихъ зосталось меньшъ десятка!

Медвидь. На помичъ имъ уси пишлы и тамъ у бальци вже щепылысь въ ручкы.

Молочай. Не подоліють, бо ихъ багато.... Охъ, чую, що сыла мене кыда.

Ява VII.

Тижъ и дидъ знахарь.

Знахарь. Що тутъ робытся? Лыбонь весилля десь кривавее справляють? Лежу въ своій нори, и щось мени не спытся, а все здается, що въ лиси клыкотыть и брязкотыть. Такъ я й пишовъ сюды.

Медвидь. Батава страшна йде. Ось обдывиться лышъ Молочая.

Знахарь (*Полапавъ Молочая за рукы, за голову*). Ты, сыну, заразъ помрешъ, бо кривью стикъ.

Молочай. Одведы мене, мій брате, у печеру. Прощай! Прощайте диду!

Знахарь. Поклонысь тамъ нашымъ всимъ лыцарямъ, що полягли за виру православну.

Молочай (*До Медведя*). Може доведется тоби, якъ що жывъ будешъ, побувать у Медведивци. Спытай тамъ про Марыну Жытню, то маты моя... Поклонысь ій и виддай ци гроши (*дае*). Та розскажы старій въ утиху все те, що знаешъ самъ про мене; а колы матери не знайдешъ, то на громадське дило гроши поверны. Веды мене мерщій—я смерть вже чую. (*Медвидь повивъ его въ печеру*).

Голосъ. Наши повертаются, тилько щось мало ихъ.

Знахарь. Косыть кирпата завзятыхъ, а воны знову наростають... Колы цій ризни буде край?

Медвидь (*Выходе зъ печеры*). Померъ. Ще одного велетня не стало...

Ява VIII.

Тижъ, Гнатъ, Шмигельскій и решта.

Гнатъ. А скилько насъ зосталось?

1 Запорожецъ. Лышь пьятнадцять батьку, тай ти калики вси.

Гнатъ. Дорого жъ мы заплатылы! Сорокъ пьять лягло! (*Гайдамакы вси пьють воду. Дидъ роздывляется, перевьязуе, шепче, дае пыть зилля*). Дай и мени воды, мовъ у пропасныця увесь горю. (*Пье*). Сорокъ пьять такыхъ лыцаривъ... Охъ! Нема Вернығоры, Молочая... Вовка.

Медвидь. Молочай дійшовъ сюды и тамъ зъ Мыкытою рядомъ померъ.

3. Запорожецъ. Вернигору оцей (*показуе на Шмигельского*) проткнувъ!

Гнатъ. О, цей багатёхъ поклавъ; винъ Вовкови у мене на очахъ голову розвалывъ. Я думавъ Сава, а кынувшысь на него—звалывъ на землю, але и тутъ мы довго ще боролысь, покы ему я рота не заткнувъ своимъ кесетомъ зъ тютюномъ!

3 Запорожецъ. Це старшый! Чого ты куняешъ?

Медвидь. Винъ кровью пидплыва.

Гнатъ. Дайте ему воды. (*Дають*). А я й не бачу, що тутъ нашъ ликарь нагодывся.

Медвидь. (*Дае Шмигельскому воду*). Напывся?

Шмигельскій. (*Напывшысь*). Спасыби.

Гнатъ. Ну, диду, першъ усёго, до цёго прыступы, бо винъ вже виша голову, а мени бъ хотилося зъ нымъ побалакать, а потимъ повисыть его.

Знахарь. *(Огляда Шмигельского)*. Винъ увесь рана. Тилько въ однимъ ось мисти зъ правои рукы найбильшъ юшыть, а то скризь зашкорубло. (*Шепче*). Ковтны. (*Дае склянку*). Тры разы... (*Шмигельскій пье*).

Гнатъ. А теперъ дай и мени доброго чого напытысь, бо всёго пече.

Знахарь. Стривай, давай руку. О, тутъ ще багато крови. А не чуешъ, нигде тепленька не тече?

Гнатъ. Не чую. Певно, раны не велыки й зашкорублы. Обдывымось завтра.

Знахарь. На, пый. Це зилля тебе заразъ пидтримае и сонъ добрый дасть.

Гнатъ. (*Пье*). Ну, пане ляше, давай побалакаемъ, бо скоро тоби стане лекше—я тебе повисю.

Шмигельскій. Я не собака, щобъ мене вишать! Хиба немае инчихъ каръ? Посады на палю, або шкуру здеры зъ жывого.

Гнатъ. Знаемый голосъ и балачка чысто запорожська. Хто ты?

Шмигельскій. Иванъ Шмигельскій, прыятель твого найпершого друга и побратыма.

Гнатъ. Савы??! Пизнавъ! О, чомъ же ты не Сава? Я бъ тебе не вишавъ, а на цепу водывъ бы за собою, а потимъ вымотавъ бы жылы зъ тебе.

Шмигельскій. Мотай и зъ мене жылы. Робы зо мною все, що зъ Савою бъ робывъ, и заспокой свою ты наболилу душу. Ни ты, ни я, ни Сава въ тимъ не вынуваты, що йшлы мы риз-

нымы шляхамы... А якъ бы Савы слухавъ ты, не такъ бы склалося, якъ заразъ е.

Гнатъ. Найшовся бъ инчый Сава! Багато зрадныкивъ настало, що за панськи ласощи й прынады свій кыдають народъ и виру, до инчого чужого люду прыстають, тай ворогують тамъ противъ братывъ своихъ далеко гирше й бильше, нижъ самъ ворогъ!.. Скажы мени: що Сава, якъ жыве? Чы простымъ козакомъ, якимъ и бувъ, чы паномъ ставъ, якъ и уси паны?

Шмигельскій. Для всякого створиння назначено, де и якъ ему слидъ жыты!.. Рыба жыве у чыстій води, птыця въ повитри, звирь въ норахъ; а чоловикъ повыненъ жыты такъ, якъ ему здается краще! Сава жыве, якъ Сава; Гнатъ жыве, якъ Гнатъ; Потоцькій, якъ Потоцькій.

Гнатъ. Въ роскошахъ одынъ, а тысячи безъ хлиба? На палю бъ васъ усихъ!

Шмигельскій. И тебе на палю треба посадыть за те, що ты не знаешъ, чого хочешъ!

Гнатъ. Ривносты!

Шмигельскій. Однаковыхъ лыстивъ на дереви нема.

Гнатъ. Будь соби хочь семы чьядей у лоби, носы на плечахъ скели, але на мене и на мое рукы не пиднимай!

Шмигельскій. Одначе ты пиднимаешъ руку на мое жыття, а хто жъ тоби на це давъ право?

Гнатъ. Ты, зрадныкъ! А покы душа моя жыве у моимъ тили; нихто не спыныть мои рукы. Воны не перастануть тыхъ караты, що зрадылы народови своему и одсахнулыся видъ нёго за панськи ласощи й прынады.

Шмигельскій. И ты зрадныкъ! Зрадывъ ты законамъ Речи Посполытои! Ты пролываешъ кровъ и вынуватыхъ и невынныхъ: мы жъ вынни лышъ у тимъ, що думалы не такъ якъ ты, а все жъ такы служылы краю.

Гнатъ. Ляхамъ!

Шмигельскій. Тоби здается такъ, а намъ инакше. За крывды панськи ты хочешъ помстою платыть, шукаючы у тимъ

для ранъ народнихъ ликлвъ; а мы личить хотилы тымъ народне лыхо, щобъ гайдамацство знищыть и даты спокій Украини!

Гнатъ. Ляхамъ!!

Шмигельскій. Насъ Богъ розсудыть тамъ, а покы що, суды мене якъ хочешъ самъ!

Гнатъ (*мовчить*). Жаль твого розуму. Я бъ тебе не покаравъ, якъ бы бувъ певенъ въ тимъ, що до моихъ думокъ прыстанешъ—и Саву покарать мени поможешъ!

Шмигельскій. Ни, Гнате! Якъ сонце й мисяць николы не зійдутся на своимъ пути, такъ мы не зійдемось думкамы.

Гнатъ. Правда! Насъ поривня лышь домовына. Паны братья, выведить пана Ивана за кинъ и тамъ прострельте ему лоба. Та выкопайте яму для Мыкыты, Молочая и для пана Ивана; винъ вартъ того, щобъ поховать его зъ сичовыкамы въ купи.

Шмигельскій. Спасыби пане атамане за честь! Ще ласкы я прошу, звелы, щобъ по мени стрилялы разомъ тры, або чотыри—певнища смерть, бо колы одынъ добре не влучыть, прыйдется знову добываты якъ собаку.

1 Запорожець. Я въ ухо тоби стрельну и зъ разу смерть.

Шмигельскій. Ну, гараздъ. Прощай Гнате! Ходимъ, паны братья, не гайте часу, бо вамъ ще й выспатысь треба. (*Пишлы*).

Ява IV.

Ти-жъ безъ Шмигельского.

Гнатъ. Ты знаешъ диду, що громада прысудыла предаты смерти Саву. Послалы двохъ на цее дило: одынъ—Кульбаба, зрадывъ; другый—Горыцвитъ, самъ смерть прынявъ! Порай мени: кого теперъ послаты, щобъ Саву смерти винъ предавъ?

Знахарь. Савы нихто не визьме, нихто не страте. Тилько ты визьмешъ, тилько ты стратышъ, Гнате! Ему прызначено,

щобъ згынувъ винъ видъ братнёи рукы за грихъ велыкій свій! Та ще визьмы Кравчыну—пры нему смерть до васъ не доторкнется!

Гнатъ. Колы прызначено—то й станется! Визьму Медведя и Кравчыну, тай заразъ же пиду.

Знахарь. Ище моя вамъ рада: покладить у чоботы своеи вы земли, щобъ нихто не знавъ вашои пидмовы. (*Выстрилъ*).

Гнатъ. Пропавъ зраднықъ! Такъ пропаде и Сава безъ путя, безъ славы, такъ пропадуть вси зрадныкы свого народу!.. Готуйтеся, товарыши, пидемъ въ дорогу... Лисамы, ярамы я прыведу васъ въ палацъ Савы и самъ своею власною рукою его скараю!

Зависа.

ДІЯ V.

Свитлыця Савы гарно убрана кылымамы. На стинахъ зброя. Пидъ стинамы турецьки канапы; напереди стилъ. Въ глыбыни колыска.

Ява I.

Зося колыше дытыну, биля неи стоить баба.

Зося. Заснуло. Идить бабусю видпочыньте. Колы дытя прокынется, я васъ поклычу.

Баба. А колы жъ, серце, будемо хрестыты, бо вже жъ пора: чотыри недили мынуло, якъ дытя родылось, а щей доси въ хрестъ не ввелы.

Зося. Завтра, бабусю... Ждемо пана Шмигельского. Винъ буде кумомъ!

Баба. А якый пипъ, пани, буде хрестыть; чы нашъ, чы уніятській, чы ксендзъ.

Зося. Отецъ Иванъ.

Баба. Оце добре. Диты повынни йты по батькови... А де жъ панъ Шмигельскій? его вже третій день не бачу, а винъ же въ насъ що-дня?

Зося. Панъ Иванъ позавчора погнався за гайдамакамы, що кажуть десь мистечко и костелъ гетъ обибралы... А Господы, колы-бъ уже тихъ гайдамакивъ не стало! Ловыть ихъ Сава, ловыть, а воны есть и есть. Та ще похваляются на Саву... Мени такы боязко за него, а особлыво, якъ пана Ивана немае дома.

Баба. О, моя кохана пани, хто осмилытся до такого лыцаря, якъ Сава, доступыты? Кругомъ насъ мылиція, и вся у пана Савы пидъ рукою.

Зося. Ото бо мене й страшыть, бабусю, що Сава дуже смилый, а черезъ те въ двори у насъ бува частенько зовсимъ немае козакивъ. Та отъ хочь бы й сегодня—всихъ розиславъ.

Баба. А двирня въ насъ хиба мала?

Ява II.

Ти-жъ и Сава. Баба уклоньівшьісь выходе. Зося обнима Саву, а потимъ бере его за руку и веде до колыскы, одводыть частыну пологa. Сава довгенько дывытся на дытыну, а Зося, обнявшы Саву за станъ, стоить, схылывшы ему голову на плече. Сава по хвыли спуска пологъ, цилуе Зосю и одходыть видъ колыскы.

Сава. Мицно спыть козарлюга!.. Такъ що жъ Зосю: чы згодна ты, щобъ сынови дать имя Гнатъ?

Зося. Ни, ни! Мени той Гнатъ страшный, и я не хочу, щобъ сына нашого такъ звалы. Назвемъ его Сава. Це имя для мене мыле, а колы тебе не буде дома, я, розмовляючы до сына, буду всякый часъ говорыть: Сава! мій мылый, мій коханый,—и такъ мени здаватысь буде, що я зъ тобою розмовляю.

Сава. Ну, то нехай буде Сава! Може малый Сава, якъ выросте, кращый буде, нижъ его батько!

Зося. Кращымъ видъ тебе не буде! (*Сава зитхае*). Чого ты, Саво, такъ зитхаешъ тяжко?

Сава (*то нервово, то запальчыво*). Охъ Зосю, такъ мене ксендзы й паны неправдою своею до виры нашои грецькои и

до люду ображають, що каюсь иноди за те, що до Потоцького прыставъ и навить... мучусь! Я кожный день все бильше й бильшъ помылку свою бачу... Кругомъ вовкы, що йисты лышъ овець хотять, а пасты ихъ и стерегты—не мають навить въ думци, и крывда черезъ те, якъ панувала скризь, такъ и пануе, и не мени, я бачу, іи на Украини побороты!

Зося. Що жъ тамъ сталось знову, Саво, що ты стрывожывъ такъ себе?

Сава. Бувъ я у попа! И такъ наскаржывся мени отець Иванъ на пробоща, що я хотивъ пойихать заразъ у Немыривъ и власнымы рукамы розбыты голову лукавому ксендзу.

Зося. Та що жъ таке зробывъ ксендзъ пробощъ?

Чалый. Що!? Винъ навпакы моимъ наказамъ дозволывъ уніятському попови Антонію выгнать отця Ивана зъ церквы! Такъ я оце однявъ въ Антонія ключи видъ церквы, оддавъ отцю Ивану; Антонія жъ такъ настращавъ, що винъ утикъ въ Немыривъ!

Зося. Той заспокойся, колы поставывъ по своему.

Чалый. Не можна, серденько!... Я вже не разъ ксендзамъ и шляхти говорывъ, що покы я жывый, тутъ уніи не буде! А воны на тее не вважають и, змовывшысь, навмысне йдуть вси протывъ мене, знаючы, що я лышъ въ тимъ утиху маю, що можу заступатыся за людъ свій и за виру.

Зося. А ты все такы заступайся и бороны.

Чалый. Иноди я, навитъ, забуваю про те, що сотныкомъ у гетмана служу, и хочется росправытыся зъ нымы по гайдамацьки, бо то едыне страхъ на ныхъ наводыть!

Зося. Ты зробышъ все по своему, бо панъ ясновельможный тебе любе й слуха!

Чалый. Та воно нибы й такъ, а тилько ставъ я помичать, що тамъ на дни, у его панськії души, жыве ненависть и до хлопа, й до его виры и часто винъ почавъ крыватыся на мене!... А що жъ бы то було, колы-бъ такого друга, якъ отъ Шмигельскій я не мавъ? Винъ одынъ боротысь протывъ крывды помогае. О, якъ бы тутъ хороше жылося, колы бъ народъ лю-

была шляхта, якъ братывъ!... (*глянувъ у викно*). Що це за люде? (*у двери*). Джуро!

Зося (*пидбига до викна*). Цила юрба! (*входе джура*).

Джура. Люде хотять бачыть пана.

Чалый. Звидкиль воны?

Джура. Не знаю. Мижъ нымы одынъ Кульбаба зъ слободы панськои, а то чужи.

Чалый (*бере шапку, хоче йты*).

Зося (*бере у него шапку*). Любый мій, будь обережный, не довиряй себе такъ смилыво юрби!

Чалый. Богъ зъ тобою! Чого жъ я буду боятыся? Межъ нымы е Кульбаба зъ нашои слободы. Певно скаргы мають, а може оселытысь хочуть тутъ у слободахъ моихъ.

Зося. Ты ихъ не знаешъ, мій коханый, а я боюся посполытыхъ зъ того часу, якъ памьятаешъ два гайдамакы, одягнени мовъ кмети, вмишалысь у юрбу посполытихъ, и вбыть тебе хотилы... Межъ нымы жъ бувъ, здается, и Кульбаба...

Чалый. Такъ же-жъ не вбылы! Горыцвита—повисывъ я, а Кульбаба—ставъ першымъ межъ хазяинамы у Степашкахъ!

Зося. Твое жыття, коханый мій, дорожче видъ мого— храны его для сына нашого.

Чалый. Заспокойся моя любко! Що зъ тобою?

Зося. У тебе такъ багато ворогивъ: и гайдамакы, и паны, и ксендзы, а хиба не можна пидкупыть кого... Не йды до ныхъ, прошу тебе, уважъ мою ты прозьбу. Поклычь сюда Кульбабу одного и самъ до бока шаблю прычепы.

Чалый (*въ двери*). Джуро, скажы, щобъ Кульбаба прыйшовъ сюда въ свитлыцю!.. Ну, що жъ, теперъ ты спокійнища?

Зося. Надинь же шаблю.

Чалый. Зосю! И не соромъ? Гайдамацька жинка боится посполытихъ.

Зося. Бо я свого гайдамаку безъ миры кохаю; а писля того, якъ давъ намъ Господь сына, я стала занадто полохлыва, и все мене страшни думкы гнитять... Може черезъ те, що я ще хвора... Прошу тебе: покы я выдужаю и вернется до мене

прежній спокій, поставъ ты варту у двори, бо въ насъ частенько, отъ якъ и сегодня, нема ни одного озброеного чоловика.

Чалый. Зъ завтришнёго дня цилый десятокъ добрыхъ козакивъ будуть сыдить у насъ въ двори и оберегатымуть дорогый для мене спокій моеи любои жоны. Тилько не тривожъ себе даремно, будь спокійна, моя голубко, бо тривогою своею и въ мою душу смутокъ налываешъ и—невидомый перше страхъ—мене тривожыть почынае.

Зося. Я вже не буду.

Ява III.

Ти жъ и джура.

Чалый. Ну?.. Чомъ же Кульбаба не йде?

Джура. Гости прыйихалы до насъ, паны зъ Немырова. Такъ Кульбаба пытае: чи пидождать, чи прыйти завтра?

Зося. Чи не Шмигельскій? (*Глянувши у викно*) Ни, Жезницкій панъ, а зъ нымъ Яворскій.

Чалый. Чортъ имъ радъ! (*До джуры*). Скажы, щобъ завтра Кульбаба прыйшовъ въ людямы. А заразъ велы накрыть столы, та прынесы горилкы зъ лёху: нехай вси люде выпьютъ за здоровье пани и мого сына. (*Джура выйшовъ*).

Ява IV.

Ти-жъ безъ джуры.

Зося. (*Биля викна*). Зъ ными мало не цила хоругвъ надворныхъ козакивъ... Чого-бъ то?

Чалый. То такъ боятся: Жезницкому ввыжаются скризь гайдамакы. Винъ хоробрый тилько въ замку, а за стинамы замка тремтыть якъ заець. Я его терпить не можу. И чого це воны прытыслысь?

Зося. Це першый разъ... Ты жъ, Саво, не показуй выду, що гости не въ пору.

Ява V.

Ти-жъ, Яворскій и Жезницкій.

Яворскій и Жезницкій. Пану полковныку чоломъ бьемо.

Чалый. Прошу васъ такъ не жартувать панове! Я сотныкъ лышь, на вищо жъ величаете полковныкомъ мене?

Яворскій. Слухаю пана.

Жезницкій. (*Подае лыстъ, Сава чыта*). Це не жартъ, мы бъ жартувать такъ не посмилы! Панъ Сава справди е полковныкъ! Полковныка жъ доставъ за те, що у походъ послидній розвалывъ гардъ запорожській на ричци Бугови и розигнавъ видтиль ватагу запорожцивъ —гайдамакъ, спалывшы церкву ихъ!.. Витаемо ще разъ полковныка!..

Зося. Саво! Ты церкву спалывъ?

Чалый. Въ запали, моя голубко, въ кривавимъ бою, не розибралы: чи то церква, чи просто будынокъ—и спалылы!... Це грихъ велыкый на моій души... Я каюсь и жалкую... але не вернешъ!... Багато де чого не вернешь! Ну, що про це... За те, якъ бачышъ, теперъ полковныкъ я и справди! Выбачайте, панове, що зразу не повирывъ.

Жезницкій. И не тилько полковныкъ, а видъ-нини, Сава Чалый благородный шляхтычъ Речи Посполитои! А отъ и грамота видъ короля! (*Кланяется, за нымъ Яворскій*).

Чалый. (*Развернувшы грамоту, поцилувавъ*). Спасыби вамъ панове за добри висти! Прошу сидаты. (*Сидають*). Теперя Зосю не будуть родычи тебе цуратысь.

Зося. Байдуже. Шляхтычивъ—багато, а Сава—одынъ!

Жезницкій. Ясновельможный Гетманъ тежъ вита полковныка свого зъ короливською милостью и просыть прыбуть до него завтра на обидъ и разомъ зъ тымъ прынять ще подарунокъ (*Подае ще лыстъ и кланяется. Яворскій те-жъ кланяется*).

Зося. Що тамъ ще?

Чалый. (*Чыта*). Ясновельможный гетманъ дарує сынови нашому сто тысячъ злотыхъ и просыть... щобъ я сына свого... хрестывъ у католыцьку виру!..

Зося. Для чого жъ то?

Сава. Объ цимъ мы побалакаемъ зъ тобою описля... Стилько панове разомъ наградъ, що я не знаю що й сказать! Завтра прыйиду самъ въ Немыривъ и тамъ подякую ясновельможного гетмана за его ласку до мене! Джуро, меду!

Жезницкій. Теперъ пану полковныку и шляхтычу не выпада стоять, якъ перше, за хлопськи интересы, повыненъ винъ оберегать лышь интересы панськи. (*Джура вносыть медъ*).

Чалый. (*Налыва кубкы*). Холопскій и панскій интересъ одынъ: спокій и добробытъ! Але краще мы не будемо про це балакать, бо панъ Жезницкій занадто росходытся зо мною у поглядахъ и выйде суперечка, а у таки щаслывыи хвылыны— я бъ не хотивъ сварытыся зъ гостямы дорогымы. Прошу панове.

Яворскій. (*Бере кубокъ*). Слухаю пана!

Жезницкій. За здоровья прекраснои пани полковныковои и ін сына. (*Пьють*).

Чалый. (*Зновъ налываве*). А панъ Шмигельскій ще невертався?

Жезницкій. Нема ще й доси и ясновельможный гетманъ тривожытся.

Чалый. Я й самъ въ тривози не малій, бо маю видомосты, що тутъ десь недалеко Гнатъ Голый и завтра я самъ хочу йты шукать его ватагу... Прошу панове!

Яворскій. (*Бере кубокъ*). Слухаю пана!

Жезницкій. (*Бере кубокъ*). Панъ Шмигельскій заздрыть пану полковныку и, не пораявшись, пишовъ самъ у погоню, щобъ самостайно лавры взять.

Чалый. (*Налываве*). Панъ Шмигельскій лыцарь. Велыку мае честь и славу пры всихъ дворахъ панськихъ и никому не завыдуе! Панове, прошу. (*Бере кубокъ*)!

Яворскій. (*Бере кубокъ*). Слухаю пана

Жезницкій. Ну, тай слухняный же панъ Яворскій, колы прыходытся пыть медъ!

Чалый. Зосю! Почастуй насъ, рыбко!

Зося. (*Налываe*). Прошу выпыть за здоровья мого гайдамакы!

Жезницкій. Шляхтыча!

Яврскій. (*Бере кубокъ*). Слухаю паню!

Жезницкій. Прекрасну пани Зофію панъ Яворскій слуха, а свою пани не слуха!

Яворскій. Ба слухаю! Прысягаю. Мы такъ кохаемось, що жыть одно безъ другого не можемъ. Отъ я вже занудывся за моею панею, бо хвылына безъ неи мени викомъ здается!

Жезницкій. (*Чалому*). Бреше! Що дня бье канчукомъ! Ну, пане Яворскій, йидемо до Немырова.

Яворскій. Слухаю пана.

Жезницкій. А якъ же бъ панъ не послухавъ, колы вже сонце надъ заходъ, и треба засвитла добратыся до замку, щобъ часомъ де не злапавъ насъ бестія Голый!

Чалый. Пры васъ мало не цила хоругвъ козакивъ—и панъ боится?

Яворскій. Я? Ни крапелыны, прысягаю! Що я имъ зробывъ?..

Чалый. И правда. А панъ Жезницкій?

Жезнцкій. У—у! Протывни морды! Але и я ихъ не боюся, колы воны сыдять у мене въ тюрми. (*Сміется*). Прощайте! (*Иде до дверей*)

Яворскій. Завтра побачымось!

Чалый. Якъ будемъ жыви!

Жезницкій. А чого жъ намъ помирать?.. Певно панъ полковныкъ дума, що мы піймаемось и справди Гнатови у лапы? Не піймае! у насъ кони добри... (*Выйшлы. Чалый за ными*).

Ява V.

Зося (*одна, иде до дверей*). Бабуню! А йдить сюды! (*Иде до колыскы тыхо замыслывшысь. Здригнула*). Сава сказавъ, що Гнатъ тутъ блызько десь, и въ мене ногы затремтилы... И разъ-у разъ такъ страшно робытся мени, колы я чую имя Гната!.. Сава его такъ любытъ, а винъ на Саву ножа гострыть.

Цуръ ему, нехай винъ згыне... (*Входе баба*). Перенесемъ, бабуню, дытя въ опочивальню (*Здіймають колыску*).

Ява VI.

Ти жъ и Чалый.

Чалый. Вже выносыте мого козака видъ мене? Ну, прощай сыну, росты здоровъ!

Баба. Я сама, пани, однесу. (*Выносыть*).

Чалый. Га? Зосю, чула?

Зося. Що Саво? Що?

Чалый. Мало имъ, бачъ, того, що я роблю для ныхъ, воны жъ обманюють мене, не выповняють слова, та щей хотять купыть мою дытыну, хотять, щобъ сына я свого хрестывъ не въ грецькую, а въ католыцьку виру?.. Яка образа, яка знevага!

Зося. Хиба жъ воны тебе прымусыть можуть? Теперъ ты шляхтычъ, ривный гетману самому, то й король заступытся за тебе!

Чалый. Я й самъ за себе заступлюсь! Але не въ тому ричь! Ты тилько подумай! Чого хотять? И хотять, знаючы, що я за виру грецьку заступаюсь. Выходыть, псомъ мене вси личать, що я за гроши й почести и виру проминяю и стану людъ свій до уніи прымушувать!.. Помыляются! Гайдамакы—одно, а вира — друге!.. Не видъ гетмана ця думка йде, а видъ ксендзивъ!

Зося. А колы такъ, то не тилько сынъ твій не буде кателыкомъ, але и я, жона твоя, прыстаю до грецькои виры, и не посміе насъ нихто за те судыть: бо жона и мужъ—тило одно, а въ однимъ тили—и духъ повыненъ буть одынъ!

Чалый. О, горлыце моя! Я родыну покынувъ, по ній тужывъ бы я безмирно, колы-бъ краса души твоеи мени боротысь зъ нымы не помогала всякій разъ,—якъ отъ хочъ бы й теперъ! Ты родына моя, ты—все для мене!... Охъ якъ жалкую я, що тоди, колы ты бранкою була, въ корчми сыдила, не одружывсь зъ тобою и не покынувъ все, щобъ тыхе, мырнее почать жыття

тамъ далеко, далеко—десь надъ Днипромъ!.. Навищо слава, почотъ, маентки? А тамъ, зъ тобою бувъ бы рай!

Зося. Такъ що жъ, тикаймо звидциля... Я тутъ боюся усего, а особлыво Гната Голого! Бо ти гайдамакы казалы, що ихъ пославъ убыть тебе Гнатъ Голый! Тикаймо! Мени такъ хочется десь жыть далеко видъ людей, зъ тобою що хвылыны въ купи, а тутъ: ты ходышъ у походы и кыдаешъ мене, и разъ-у разъ я повна страху, що вже не вернешся зъ походу!

Чалый. Прыйдется утикать... (*Пиднимается и слуха*).

Зося. Чого ты? наче що побачывъ, слухаешъ?

Чалый. Ты ничого не чула?

Зося. Ни.

Чалый. Мени здалося, наче хто пидъ викномъ, сказавъ: „добрывечиръ!"

Зося. Ой!..

Чалый. (*Ласкаво*) Богъ зъ тобою. А може жъ и справди хто сказавъ добрывечиръ (*Входе джура и ставыть свичку на стилъ*). А подывыся, чи нема кого тамъ на подвирьи? (*Джура выйшовъ. Чалый бере Зосю за станъ и садовыть биля себе*). Сядь коло мене, та прыгорнысь до мене, моя бранко!

Зося. (*Сида и прыгортается*) Бранка! Охъ, якъ гарно тоди було, колы я тебе що вечера у корчми ждала, ажъ радисно згадать! Сыдю, въ викно дывлюся и вся тремтю.. Та тилько то не страхъ бувъ, якъ теперъ, то була тривога, що серце наповняла и прудко гнала кровъ, малюючы у мріяхъ чаривну постать страшного всимъ и славного на Украини Саву, которого я такъ покохала, такъ (*дывытся на Саву*), що батька, матирь, все для него забувала и рада бъ зъ нымъ була въ корчми весь викъ сыдить—отакъ! (*Обгортае его шыю и цилуе*).

Чалый. Чого жъ ты вся тремтышъ?

Зося. Видъ щастя мылый, биля твоихъ грудей—страху нема! Я заразъ смилыва така, я справжній гайдамака и ничогисенько вже не боюсь: зъ твоихъ грудей въ мои перелылася смилость и одвага (*Входе джура*).

Д ж у р а. Невыдко нигде никого: ни биля свитлыци, ни на подвирьи (*Выйшовъ*).

Ч а л ы й. Отакъ, колы стривожышся чого, тоди и вбачается, и вчувается.

З о с я. А, пусте (*Входе баба*).

Б а б а. Идить пани, погодуйте сына.

З о с я. Плаче?

Б а б а. Ни, тилько мурчыть.

Ч а л ы й. А нихто не прыходывъ у двиръ?

Б а б а. Ни, никого не було!

Ч а л ы й. Почулось!.. Иды-жъ, голубко, тай спатоньки лягай, а я лысты ще напышу и самъ прыйду до тебе.

З о с я Може бъ я ще прыйшла сюда?

Ч а л ы й. Краще спы! Нехай тебе хранить Господь!

З о с я. (*Иде, и одъ дверей*). А може бъ ты завтра лысты напысавъ, бо вже не рано...

Ч а л ы й. Не будь же дытыною, моя люба, у мене дило е.

З о с я. Ну, то я вже пиду... (*Постоявшы*) Слухай, Саво, и я зъ тобою пойиду завтра въ Немыривъ и сына визьмемо. Добре?

Ч а л ы й. Гараздъ.

З о с я. Мерщій же пышы лысты, бо я однаково не буду спаты (*Пишла*).

Я в а IX.

С а в а (*Одынъ сида до столу*). Въ Немыривъ завтра не пойиду, а напышу ясновельможному лыста, що повертать свій ридъ у католыцьку виру я не згоденъ, бо це бъ зневажыло мене передъ очыма всихъ панивъ, яко одступныка видъ предкивськои виры, за котру вчора ще боровся зъ нымы! (*Пыше, потимъ перестае, пиднимается и слуха*) Проклятый пугачъ, якъ засміявся погано!. (*Сида и пыше*). И де винъ взявся? Учора двохъ убывъ и бильшъ здается тутъ ихъ не було (*Пыше, по хвыли здригнувъ, пиднявъ очи на викно и слуха*). Що це? Здалося, наче знову хто сказавъ „добрывечиръ"! А, дуристь! Ну, добрывечиръ, то й добри-

вечиръ... Колы-бъ мерщій вертавсь Шмигельскій. Я цилый день сегодня жду его и тымъ себе такъ розтрывожывъ, що ніякъ не виджену тяжкыхъ думокъ: все бильше и бильшъ нагничують воны мій мозокъ... Дывна ричъ... Колы я жывъ въ степу, въ нори, у лиси—не знавъ тоди такои я тривогы... А теперъ, отъ якъ не сылкуюсь—ничого не зроблю зъ собою!.. Особлыво сегодня. Оци награды мовъ ранылы чымъ гострымъ и отруилы мою душу... Отъ чую—наче хто шепче мени й заразъ: що праця та, яку я у своихъ думкахъ личывъ корыстною народови, була и есть на корысть лышъ панамъ! И чую я, що есть тутъ правда—страшна, страшна правда!... За те, що гайдамакъ, своихъ братывъ, ловывъ и смерты прыдававъ, найкращыхъ оборонцивъ правъ народныхъ, за те, що церкву Божую спалывъ—полковныкъ я и шляхтычъ!.. Шляхтычъ? Ридня выходыть всимъ панамъ!.. Охъ, якъ мени нудно и на серци трудно! Здается, заразъ бы вернувся до своихъ, у лисъ, у норы... Зося пиде скризь за мною... А тамъ я выгодую сына своего Саву козакамъ на славу!—И винъ закрые батькови грихы!.. Охъ, ни!... Зарослы мои шляхы тернамы—немае повороту... Нема! Нема! (*Бье кулакомъ объ стилъ*) И не треба! Дытячый страхъ напавъ на мене, и я себе мордую. Щобъ край утыхомырыть, то треба прыпыныты дыку волю гайдамацьку, покы не захопывъ цей рухъ увесь народъ!... Такъ... Такъ!.. Якъ море зрадлыве сегодня на лони своимъ гойдае тыхо байдакъ и мовъ прысыпляе пловця, а завтра, въ ментъ одынъ скаженіе и бье на трискы той самый байдакъ и топыть у хвыляхъ своихъ нависныхъ необачного плавця—отакъ и народъ: колы розирве ланцюгъ покоры—подибенъ морю нависному! Покирный ще сегодня й тыхый—винъ въ ментъ одынъ, страшну пидниме бурю и Посполиту Речь потопе въ крови, и все оберне у руину! Причъ же сумни думкы—причъ! Не противъ народа я воюю, а противъ гайдамакъ; народови жъ бажаю мыру и спокою, щобъ винъ пидъ панською рукою добувъ шырокои освиты и правъ на вильне и корысне жыття для всего краю. (*Здригнувъ и прыслухается*). Знову хтось сказавъ „добрывечиръ“! (*Иде до викна и заглянувшы, одскакуе*). Що це? Ввыжается мени!

чый справди то Шмигельскій?!! (*Пидходе до викна*) Панъ Шмигельскій, блидный и зъ уха кровъ дзюрчыть! Пане Иване! Чого жъ ты... Щезъ!... Це мана... Це такъ мени здалося...

Ява XI.

Чалый и Джура.

Чалый. Це ты въ викно заглядавъ?

Джура. Ни.

Чалый. И нема никого?

Джуга. Ба прыйихавъ заразъ козакъ зъ хоругвы пана Шмигельского.

Чалый. Де винъ? (*Хутко, не дождавшысь одповиди, выйшовъ. Зъ другихъ дверей выходыть Зося*).

Зося. Джуро, що тамъ сталось, що панъ такъ прутко выйшовъ? Мени здалось, що панъ Шмигельскій прыйихавъ?

Джура. Ни пани, козакъ зъ его хоругвы.

Зося. То певно винъ вернувся?

Джура. Не знаю.

Зося. Здается йдуть! Ты не кажы, що я выходыла, щобъ панъ не гнивавсь.

Джура. Слухаю пани. (*Зося зныкае за двери*)

Ява XII.

Чалый и надворный козакъ. У козака голова перевьязана.

Чалый. Отъ черезъ що я такъ тривожусь цилый день—душа нещастя чула! Тяжке нещастя... Ну, ну—дали розсказуй...

Козакъ. Я певенъ, що вси тамъ поляглы, до одного уси. И ихъ тамъ полягло багато, колы у ранци писля бою до мене зновъ вернулося жыття, то я побачывъ, що балка вся завалена була козачымъ трупомъ—не мовъ бы хто позвозывъ ихъ багато такъ навмысне. Шукавъ межъ трупомъ я сотныка пана Шмигельского, але его тамъ не було. Колы на гору выйшовъ, то на гори зъ десятокъ нашихъ коней уже здыхало, бо въ ныхъ

роспорони булы ихъ жывоты, а дали паслось скилько коней, такъ я піймавъ одного и отъ до тебе прыскакавъ зъ ціею звисткою лыхою!

Чалый. О, Боже мій, яка потеря! Це Гнатъ —его робота, бачу... Ты знаешъ мисто добре?

Козакъ. Знаю.

Чалый. Такъ ты насъ проведешъ туды. Иды тымъ часомъ спочывай, обмый и перевьяжы свои раны. Джуро, дай ему добрый кухоль меду, скажы, щобъ заразъ коней трехъ сидлалы и самъ вертайсь сюды. (*Джура и козакъ вышлы. Сава сидае и пыше лыстъ, а напысавшы*). Сто душъ лягло на поли и зъ нымы кращый другъ! Другъ, котрый пидтрымувавъ всякъ часъ мій духъ, другъ, що вмивъ розгоныты найтяжчи хмары жытеви, яки гнитылы часто мозокъ мій и душу й серце!.. О, теперъ я попалю уси лисы, я выверну все гайдамацьке гниздо, я заплатю за смерть Шмигельского вамъ всимъ сторыцею, страшно, страшно заплатю!!... (*Входе Джура*)

Ява XIII.

Чалый и Джура.

Чалый. Отъ тры лысты: одынъ—що згорнутый у двое—въ Немыривъ; другый—що край одынъ заломаный—у Тульчынъ; а третій—одкрытый—въ Рубань! Птыцямы нехай летять вси тры!

Джура. Тоди у насъ никого не останется въ двори, бо Харько й Трохымъ пишлы на слободу и доси не вернулысь.

Чалый. Такъ ты на слободу йды заразъ и въ двиръ до мене поклычъ Кульбабу; скажы ему, щобъ винъ узявъ зъ собою всихъ своихъ товарышивъ, що колысь булы у гайдамакахъ. Воны мени потрибни и за послугу будуть маты добру плату. Иды жъ мерщій! А не забувъ, куды якый послаты лыстъ?

Джура. Цей—въ Немыривъ, цей—у Тульчынъ, а цей—въ Рубань.

Чалый. Такъ. (*Джура пишовъ*) Годи вагатысь, годи! (*Входе Зося*) И ты не спышъ ще на лыхо?

Зося Яке тамъ лыхо? Я чую тривогу—скажы, що сталось: я ни жыва ни мертва!

Чалый. Молю тебе, не заважай мени! Сотня Шмигельского пропала, и я пиду шукать іи. Скоро сберется сюда вся блызька мылиція, и я выступлю заразъ, по дорози захоплю решту—и въ походъ!

Зося. То нехай коней заразъ запрягають, и я поиду у Немыривъ зъ сыномъ, бо тутъ безъ тебе я не зостанусь.

Чалый. Я вже посдавъ на слободу и заразъ сюда прыйде Кульбаба, а зъ нымъ пьятнадцать такыхъ молодцивъ, що и на сотню пидуть. Для всихъ роздамъ я спысы, порохъ, кули и мушкеты. Це буде твоя варта. Колы-жъ захочешь йихать, то завтра вже пойидешъ у Немыривъ; а варта всежъ такы нехай стоить въ двори... Иды-жъ, моя голубко, и спы спокійно—тебе одну я не покыну! Знай, що у двори у тебе буде пьятнадцять добрыхъ молодцивъ! Иды и спы спокійно. Мени немае часу, треба ще напысать ясновельможному, бо все якъ бачышъ раптомъ переминылось.

Зося. Я слухаю тебе, и спокій мовъ росте въ моій души. Прощай, мій сокилъ ясный! Боже, якъ не хочется зъ тобою розлучатысь... Згадуй свою Зосю, а я що хвылыны буду зъ тобою розмовлять, бо биля мене малый Сава! Прощай!

Сава. Будь здорова, моя зоре (*цилуе іи*).

Зося. Зайдешъ же сына перехрестышъ (*выйшла*).

Ява. XVI.

Сава одынъ. (*Пыше*) Увесь тремтю видъ злосты... Колы-бъ мерщій мылиція... (*Пыше*) Кыпыть моя душа!.. Я не такъ до васъ прыймуся... Колы-бъ піймавсь мени теперъ самъ Гнатъ—я и его безъ жалю на палю посадю! (*Пыше. По хвыли входять тыхо Гнатъ, Медвидь и Кравчына*).

Ява XV.

Чалый, Гнатъ, Медвидь и Кравчына.

Гнатъ. Добрывечиръ!

Чалый. (*Повертается и схоплюется зъ крисла*).

Гнатъ. Здоровъ, здоровъ пане Саво! здалека ты нежданіи гости маешъ, чымъ будешъ витаты?

Чалый. (*Шука очыма броню*). А чымъ же я такыхъ гостей прывитаю... Пославъ мени Господь сына, буду въ кумы зваты.

Гнатъ. Не кумовать тоби, Саво, зъ намы; не пыть горилкы та медивъ зъ прыславнымъ товарыствомъ, а заплатыты перше треба за сукни, та за адамашкы, що ты нажывъ, пане Саво, зъ козацкои ласкы...

Чалый. (*Хоче взять шаблю—Медвидь ему дорогу заступае. Сава хоче взять рушныцю, що въ другимъ кинци стоить—Кравчына заступа ему дорогу. Сава, нахылывшы голову, хвылю мовчыть*) Чого-жъ браты мои хотять? Чи бытысь, чи мырытысь?

Гнатъ. Прыйшовъ часъ, Саво, росплатытысь за крывды ти, яки ты намъ и людямъ всимъ своимъ зробывъ?

Чалый. Я лышъ оборонявъ видъ крывды вашои ввесь край. Одынъ противъ другого мы у поле выступалы, озброени, мовъ лыцари на герцъ! Теперъ же вы у трехъ на мене безоружного напалы,—цего не дозволя честь лыцаря такого, якъ ты, Гнате! Колы вже воля Божа е на те, щобъ зъ вамы росплатывся я, дозволь же и мени мою ты шаблю взяты: тоди одынъ я противъ трехъ кривавый бой прыйму, а Богъ нехай ришыть, и мертвый той нехай поляже, хто крывды бильше наробывъ!

Гнатъ. На поедынокъ ты не маешъ права зъ намы, бо потерявъ козацьку честь! За те, що кишъ у Чорнимъ Лиси нашъ спалывъ, напавшы зрадою на него; за те, що ты ловывъ товарышивъ своихъ и въ рукы паньски виддававъ; за те, що церкву ты спалывъ—тебе громада наша смерты прысудыла и выповныть прысудъ громадській мы взялысь... Противъ громадського суда оборонятысь шкода!.. Колысь хрестамы поминявшысь, мы передъ

образомъ далы прысягу оборонять людей своихъ видъ ляшской крывды и напасты; прысягу ту зламавъ ты, брате, теперъ вона тебе вбывае! (*Вси тры обступають Чалого и проколюють его шаблямы, проколовшы одступають*).

Чалый. (*Падае*) Простить... Я смерть прынявъ за ридный край... Я кровью змывъ свою вину... Прощайте. (*Умирае*).

Гнатъ. Прощай!.. Краще, брате, гныть тоби въ земли, а нижъ зъ ляхамы въ купи на наши головы козачи меча здіймать и на безчестя козачеству всему свій лядскій ридъ тутъ розмножаты.

Записа.

И. Карпенко-Карый.

ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА Г. П. ГАЛАГАНА.

3. Письма П. А. Кулиша.

(1856—1858 г. г.)

1.

Спасыби вамъ, добродію Грыгорые Павловычу, що сами обизвалысь до мене, бо дуже тяжко жыты на чужыни, знавшы, що землякамъ про тебе байдуже. Спасыби й за гроши, що шлете мени за кныжкы. Добре бъ вы вчынылы, якъ бы наставылы Вашого Ребиндера[1]) узять 80 экземпляривъ *Запысокъ о жизни Гоголя*, да разослать по библіотекахъ, якъ то мавъ учынyты Мыхайло Владымеровичъ (Юзефовичъ). Кныжкы сіи лежять у чиновника Гессовськои канцеляріи Данила Семеновича Каменецького. Не вконтентовала мене Москва цензурою, а не чымъ иншымъ, бо пройиздомъ ни съ кымъ я не бачывсь—ище никого не було въ городи, а прожывалы вси на отшиби, зложывшы свое дило на пидпомошныкивъ. *Руськая Бесида* завсегда буде стоять бильше иншого журнала; шкода тилько, що въ собесидныкахъ московськыхъ часомъ бувають не вси дома. Де-що я

[1]) Тогдашній попечитель Кіевскаго Округа и въ тоже время своякъ Галагана.

вже казавъ вамъ у „Лебединському будынку“ про ихъ хымеры. Теперъ розводыть про се не годытся, а колысь напышу здорово, колы не скрутять рукъ. Бо вже, добродію, начынають великыи паны крутыть руки розумнымъ людямъ. *Чорнои Рады* не пропущено й доси, однакъ не втерявъ я надіи, бо й межъ велыкымы не безъ добрыхъ людей. На биду плюгавыи вирши плюгавого Некрасова розсердылы князя Довгорукого, а той давай тушковаты мыныстра, а мыныстръ цензоривъ, а цензоры насъ, а намъ уже й никого.

Пани моя дякуе вамъ за памятку и кланяется щырымъ серцемъ вамъ и вашому шановному подружжю. Зъ правдывымъ ушанованнемъ, до послуги готовый П. Кулишъ 1856, лыпня 20 С.-Петербургъ.

2.

Прошу и благаю васъ, добродію Грыгорые Павловычу, потурбоватысь для мене и вчыныти такъ, щобъ у *губернскихъ кіевскихъ вѣдомостяхъ* опублыковалы „Малороссійскія проповиди“ такъ: „Вышли въ свѣтъ проповѣди на малороссійскомъ языкѣ, протоіерея Василія Гречулевича. Изданіе второе, исправленное. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к. сер. Гг. иногородные благоволять адресоваться за полученіемъ этой книги на имя Александра Александровича Навроцкаго, служащаго въ Министерствѣ Путей Сообщенія, въ С.-Петербургѣ“. Да ще колыбъ и перепечаталы одну проповидь, котору самы вподобаете и дещо изъ предисловія. Тутъ же нехай публикують и про Черную Раду сице: „Печатается въ С.-Петербургѣ историческій романъ на малороссійскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ *Чорна Рада*, сочиненіе П. А. Кулиша. Желающіе получить эту книгу тотчасъ по выходѣ, безъ платы за пересылку, благоволятъ адресоваться къ автору такъ: Пантелеймону Александровичу Кулишу. Въ С.-Петербургъ, у Литовскаго рынка, въ домѣ Вагенгейма, кв. № 8. Со вложеніемъ 3 рублей серебромъ. Сію публикацію треба зро-

быть и для грошей и для того, щобъ усюды кныжка пишла у огласку, бо инши объ ій и не чувалы. Разивъ тры або й бильше треба публыковаты. Оттакъ я до васъ прысинавсь! Уже не здывуйте добродію. На те мы землякы, щобъ одынъ одному помогаты. Щыро прыхильный и до послугы готовый П. Кулишъ. 1856, листопада 26.

3.

Отъ же, добродію Грыгорые Павловычу, чого бажалы мы, те й пославъ намъ Господь. Печатаю *Чорну Раду*; да якъ грошей у мене не товсто, то збираю билетамы. Посылаю й до васъ 20 штукъ. Потурбуйтесь пидпысатысь на кожному, щобъ знаты було, объ кого получыть кныжку той, хто заплатыть гроши. А я вже вамъ вышлю стилько экземпляривъ, скилько былетивъ роздасте. Кныжка выйде у феврали. Хто теперъ пидпышется на неи, взявшы былетъ, той не платытыме за пересылку. Посылаю вамъ и ящыкъ *Проповидей*. Роскыдайте ихъ, якъ самы знаете, по рублю за кныжку. Теперъ, мабуть, нема вже въ Кыеви Васыля Васылевыча [1]), такъ я вамъ посылаю. У ящыку 160 экземплярив Проповидей. Колы мало, пышить скорійшъ, — я ще прышлю. Каменецькому пославъ я 240 экз. *Запысокъ о Южной Руси*. Добре бъ вы вчынылы, якъ бы помоглы ему роскыдать ихъ помижъ добрымы людьмы; бо винъ соби чоловикъ не значный, то его не всяке послухае. Другого тому *Запысокъ о Ю. Р.* набрано 224 страныци, да зупынывъ я ихъ для *Чорнои Рады*. Воны выйдуть навпосли. Остаюсь съ ушанованнемъ щыро прыхыльный и до послугы готовый землякъ П. Кулишъ. 1856, дек. 2. С.-Петербургъ.

---

[1]) Тарновскаго, умершаго въ 1866 г.

4.

Р. Б. 1857, лютого 9. Изъ С.-Петербурга.

Радуюсь серцемъ, що вы мене назвалы другомъ, высокоповажный пане Грыгорые Павловычь! Дай Боже намъ друговаты на добро нашій Украины! Можна бъ, можна бъ воздвыгнуть іи одъ недбалости, взявшысь мицнымъ да щырымъ людямъ за рукы. Оце тилько й буде наше, що мы на корысть мырови вчынымъ а наши достаткы и наши гражданськыи права одъ людей намъ надани. Не тратьте жъ часу, дорогый друже, покы есть у васъ добрая хить у серци: бо дніе лукави суть. А на Васыля Васылёвыча не оглядуйтесь: сей панъ свое дило знае и одынъ за пятёхъ робыть..... Не дывуйтесь словамъ моимъ про велыки надіи на народъ украинській. Погляньте на его исторію: чого не перебувъ винъ, яки недолюдкы зъ его не згнущалысь! а въ его бильше людськосты осталось, нижъ у москаля й ляха. Колы не ймете виры серцю, то поймить виры самымъ ляхамъ и москалямъ, котори оддають ему зверхность надъ своимъ племямъ що до натуры доброи, що до духовного розуму. А втручаючысь у повсядневныи справы своихъ подданныхъ, вамъ трудно доглядитысь чистого и святого добра мижъ вашымъ мыромъ, бо добро тыхо сыне въ своій краси, а тилько саме зло гомоныть и тыснется передъ пана. Погляньте жъ и на словесность обохъ руськыхъ народивъ; уважте, що наша словесность южная тилько що прокыдается посли довгого сна; у насъ нема такого ряду пысателивъ, якъ у москаливъ одъ Ломоносова до Пушкына, а духъ нашого племя, духъ людськосты, духъ богочоловичносты, выявывъ уже себе поважнымы и праведнымы художественными лыцямы, якъ отъ батько й маты Марусыны у Квитки, якъ отъ Катерыныны батько й маты у Шевченка, якъ отъ Кырыло Туръ и „Божый чоловикъ" у мене. И не тилько сіи, да й багато иншыхъ праведно-чоловичеськыхъ художественныхъ истотъ выставылы нашы пысатели у своихъ созданіяхъ. Не говорить же мени, що се идеальность нашыхъ пысателивъ вынована. Ни,

мій голубе! Есть нерушымый законъ правды въ души у всякого поэта; не здолае поэтъ самохить пидняться вгору душею: пиднимае его духъ его ридного племя; а не буде ридне племя оправданіемъ его лыць художественныхъ, не прыпадуть воны й до души мырови. Нѣсть льсти во языцѣ моемъ—отъ вамъ девызъ усякого велыкого поэта. Обернемо жъ теперъ увагу на велыкоруськую словесность. Великыи поэты тамъ булы тако жъ само, якъ и въ насъ, и правду щыруую про свій народъ проглаголалы. Скажить мени, де отъ хоть-бы въ Пушкына выступывъ руськый чоловикъ у повази и велычыни своихъ доблестей або страданій, такъ щобъ и старе й мале восхытылось его благымъ образомъ? „Борисъ Годуновъ" повенъ ледари, и тилько одынъ Пименъ чернець сыяе святостью, да й то святость пещерная, мертва для мыру. Велыкоруськый чоловикъ, не знайшовшы добра въ своему народи, одвертается одъ его лыцемъ своимъ и простягае, якъ изъ пекла, рукы на небо. Отсе Пушкынській Пименъ!

„Не помня зла, за благо воздадимъ......" А чымъ винъ воздае? молытвамы! Нашъ русинъ не такъ робыть у своій печали по Бози, тилько що сего нихто зъ велыкыхъ крытыкивъ не знае, а нашы пысьменныкы, набравшысь туману одъ россійскыхъ профессоривъ и журналыстивъ, забулы, що жывуть мижъ людьмы и вытягують шыи по-гусячы туды, де людей не дуже густо. Нашъ русинъ, возложывшы печаль на Бога, ище бильшъ пыльнуе свого дила (якъ отъ батько Марусынъ, который, бувшы праведныкомъ, скорбыть душею, що Васыль одбигъ мыру, пійшовшы въ монастырь). Наше добро—дило, а не слово; наша печаль—велыкодушые, а не похылость. Тымъ-то не выдумка, мій друже, що Петро, зъ великои туги, хоче робыть власнымъ коштомъ човны и велыкымъ рыцаремъ, слобонытелемъ невольныка учынытысь. Не мысль холодна науковая, а душа внушае пысателю такый порывъ для его художественнои особы; а посли вже, не скоро, выйшовшы зъ свого творчеського мыру, постерегае поэтъ тайну свого наитія. Поривнялы мы Пимена зъ нашымы поэтычнымы творамы; поривняемо жъ мы и московське

благочестые зъ нашымъ. Чи бачыте, що таке булы въ старій Московщыни манастыри?

Иванъ Мучитель утпкае туда отъ своеи душевнои тревоги....

„Пріиду къ вамъ, преступникъ окаянный...“ Стари люде идуть туды на спокои вмирати; сажають туди, якъ у темныцю, жинокъ и дивчатъ... Манастирь—тажъ могыла. У насъ винъ бувъ тежъ саме, що до втикання одъ мыру и ёго напастей, да втикшы туди, чоловикъ заразъ бравсь за дило: винъ бувъ друкарь, винъ бувъ учитель, винъ выходывъ на *миссію* и одъ села до села, рбботъ хрыстовымъ и апостольскымъ, благовиствовавъ божую правду. Не могилою бувъ манастырь южноруській: козацьке отаманне выходило зъ манастыривъ и слово черничои науки въ дило претворяло. А братства жъ наши? Се тіи жъ манастыри, тилько тутъ робылы дило христове, не надивавшы рясы, такъ робылы, якъ Марусынъ панотець у своему сели и въ своій господи. На великій высоти стоявъ нашъ русинъ, колы пидгорнувъ пидъ свій надзоръ и опеку не то всякого *брата* въ братствахъ—чи пана, чи посполытого, да й самихъ попивъ своихъ! Такъ якъ же съ такого кореня не выросте доброго дерева! А що дерево выросло, то *по плодамъ его познаете его.* Колы бъ не правда була тому, що создають наши поэты, то не трепетало бъ наше серце сочувствіемъ. А колы сёму правда и колы плоды добри, то добре й дерево. Отъ погляньте на нашого Гоголя: якъ винъ сылкувавсь выявыть художественнымъ способомъ щось велыке зъ велыкои Руси! Покы спысувавъ те, що въ ій есть, то бувъ страшеннои сылы майстромъ. Чи болото зійме своимъ искушеннымъ окомъ, то й ожыве воно въ его зъ усима своимы гадамы; чи погляне орловымъ поглядомъ па зустричъ далекымъ викамъ грядущымъ—и зъ далекыхъ викивъ озываются до его якыись велыколюды (бо лежыть ще въ сповитку бородатый русинъ, и бодай, чи не мы его роспеленаемъ). Отъ же, якъ прыйшлось до „благородныхъ личностей“, якъ довелось изображать велыкыи подвыги духа, до которыхъ пе дорисъ бородатый братъ нашъ, то измучывъ себе Гоголь, роспынаючысь за

грихы миру велыкоруського, а благородной личности не создавъ ни однои! Не кажыть мени нихто, що не той бувъ талантъ у Гоголя. Давъ винъ пробу свого таланту ще замолоду—на Тараси Бульби. Ще бувъ тогди школяремъ Гоголь и не багато умивъ своеи риднои исторыи и этнографыи; тымъ то й наробывъ велыкыхъ помылокъ у Тараси Бульби; отъ же зъ усима помылкамы, Тарасъ Бульба (яко лыце, а не повисть) прыпадае бильшъ до души, а нижъ оттой откупщыкъ, оттой велыкый хозяинъ, оттой доблестный князь, що зонсовалы собою „Мертвыи Душы.“ Що бильшъ Гоголь уходывъ у московську жизнь, то трундійшъ ёму було создать велыкія доблестямы характеры, бо есть нерушымый законъ правды въ души у всякого поэта; не здолае поэтъ самохить пидняться вгору душею: пиднимае его духъ его ридне племя, а не буде его племя оправданіемъ его лыць художественныхъ, не прыпадуть воны й до душы мырови. Була сыла въ Гоголя преобразытысь у москаля, бо не глубоко пустывъ корень у ридну землю, а не було сылы надать москалеви характеръ, которого не выробкывъ народъ московськый. Тутъ ище есть одна велыка тайна творчества, которои нихто ище не доторкався. Есть мижъ московськымы людьмы велыкыи чоловиколюбци; есть герои; есть Кодры, а ни въ одного поэта не знайдете доблестного лыця, которе-бъ не було идеаломъ, а правдою. Нехай бы Гоголь узявъ старого Аксакова и возсоздавъ у художественному образи; нехай бы Пушкинъ себе самого олыцетворывъ у тому мызерному блазню Евгеніо Онѣгину; то й булы бъ тыи чары для душы чытателя, которыми чаруе насъ, малюючы благость душевну, Квитка або Шевченко. Отъ же ни! Снагы на се не стало! Бо немае въ народи, у его души всеобщій, тои красоты божественнои, котора идеаламъ поэта надае правду, сердецъ владычыцю. Тимъ то поэтъ буде святъ и благъ душею, якъ бувъ Гоголь, и перо его спыше всеобщыи типы, хоть бы воны булы пакость пакости; *нѣсть бо лъсти въ языку его.* Хоть бы й покрывывъ душею одъ благости своего серця, то его твореніе изоблычыть ёго. Поэзія—голосъ народа, а не „любителей словесности;“ все ненародне зныкае зъ часомъ и пійде въ

непамять.—Тилько слово всего народу, проглаголанне викамъ и племенамъ черезъ его вищателей, останется поты, покы любо буде брату спомынаты брата. Тымъ то, мій друже, нехай не слабіе ваша надія на народъ южноруськый: одъ плодовъ его познаемо его: не можеть бо древо никчемне прыносыть доброго плоду.

Оце жъ вы ввелы мене въ довгу розмову, да колы бъ за нею и поточныхъ справъ не позабуваты. Колы робыть що для Мыколы (Бѣлозерскаго?), то робите хутко, часу марно не гайте, и зъ гришмы не збирайтесь, бо то все прахъ земный, тилько дило и слово наше праведне останется на викы. А до Бодянського я напышу заразъ, а вы мене не зневажте, якъ прыйдется до дила. Колы жъ я не гожусь на сю справу, то не ждавшы моеи до васъ одпыски, самы зъ нымъ ставайте въ ради, а я одсунусь геть. Робить дило такъ, якъ я роблю: просто, щиро, негайно. У васъ воля, у васъ и сыла, а въ мене часто воля есть да немае сылы, и викъ мій у марныхъ сподиванняхъ проходыть. „А после насъ не буде насъ: будуть люде, да не мы, якъ говорыть добре нашъ непысьменный людъ. За 60 карб. на *Чорну Раду* спасыби. Сповистить мене, чи получылы вы первый ящикъ изъ *проповидьмы?* Се два ящыкы послани посли того, якъ прыслалы вы мени 160 р. *Чорна Рада* напечатана вже вся, а предысловые цензура ще прыдержуе. И хочетця, и маты не велила—оттакъ и тій цензури!

За поклонъ пану Маркевичу зъ ушанованнемъ кланяюсь, и всимъ вашимъ семянамъ покланяюсь щырою и прыхыльною душою Вашъ П. Кулишъ.

Пану Ригельману одпышу зъ другою почтою. Теперъ не поспію.

5.

Оце жъ, я думаю, вы вже получылы *Чорну Раду*, коханый земляче и друже Грыгорые Павловычу! Слидомъ за *Радою* пославъ

я вамъ по кнызци и другого тому *Запысокъ*. Тамъ есть легенда про попа унита. Хоть іи цензоръ и пропустывъ, а для продажы я выризавъ изъ экземпляривъ, щобъ не взъилысь на мене попы, бо на злодію горыть шапка. Вамъ же пославъ такъ, якъ пропущено цензоромъ. Боже вамъ поможы на добре дило, которе вы задумалы; тилько моеи рады не ждите. Маете коло себе иншихъ громадськихъ мужывъ, райтесь изъ нымы. Колы бъ вы зналы, якъ мени треба скорійшъ йихаты у чужи земли, то вы бъ не тилько мене не зазывалы на Вкраину, а самы бъ выйихалы...

Напышить же мени, якъ вамъ здается другый томъ *Запысокъ*, и чы треба выдавать третій и дали? У мене така думка, що намъ бы не вадыло завесты свій журналъ, щобъ дать южноруському слову гражданство. Мы зботатылы московську ричъ словамы, которыхъ, пры ихъ темноти науковій, у москаливъ не було. Теперъ треба взять свое назадъ съ лыхвою, не вважаючы на те, що хозяйствовавъ на нашому добри Пушкинъ и инши. Оце я, оддыхаючы, переложывъ по нашому перву писню *Чайльда Гарольда* такъ, мовъ и на свити нема моськовскои речи, а есть тилько англійска да наша. Переложу жъ и тры останни, и побачыте, колы не буде добре. Такъ же само треба переложыты *Гамлета*, *Вильгельма Теля*, *Геца-фонъ-Берлихингена* и *Ламермурську Молоду*, щобъ выробыть формы змужычалои нашои речи на послугу мысли всечоловичвій. Шкода, що мени николы коло того гаятысь, бо треба свое блыжше дило робыты. А якъ бы бувъ журналъ, сыричъ гроши на его, то можно бъ и знайты ручихъ хлопятъ, котори зрозумилы бъ, що намъ треба, и сотворылы бъ свій языкъ не згиршъ одъ чехивъ и сербивъ. Тоди бъ то явылась словесность, котора свій крытерыумъ мала бъ не въ знимечаныхъ паньскихъ головахъ, а въ щирыхъ мужычихъ, навпакы Московській. Одно, два популярныхъ созданій—и словесность пустыла бъ глыбоко коринне у свій ридный грунтъ. Думайте про се и наготовте матерыяльного двыгателя для журнала; а я вернусь не съ порожнимы рукамы и надбаю добра словесного. 24 кныжкы въ годъ преобразылы бъ нашу публику,

и смихъ бувъ бы згадувать про те, ще теперъ городять про нашу ридну словесность. Спасеніе нашего краю—въ нашому слови. Слово земляка укаже землякови, и явытся сыла общественна, которои теперъ немае, явытся воля й дума едына! Бувайте жъ здорови тиломъ и духомъ! Щырымъ сердцемъ васъ обіймаю.

П. Кулишъ.

Теперъ и на мое имя можно пересылать гроши: на почти завелысь прыятели, котори выдають и черезъ посланця. А що жъ кныгопродавци, що торговалысь черезъ телеграфъ?

1857, берез. 30. С.-Петербургъ.

6.

1857, стычня 12.

Пышу до васъ изъ Москвы, любый добродію Грыгорые Павловычу. Прыйихавъ сюды, провожаючы свою пани, котора, недугуючи, хоче зустриты весну на Вкраини и для того пойихала до своеи крестнои матери у Новгородъ-Сиверській повитъ. Медыцына сказала, що ій не годытся оставаться на провесни у Блатенску, сыричъ на столыци. Посылаю вамъ билетъ изъ транспортной конторы. Багато въ Москви лытературного гомону—ажъ голова кругомъ иде. Що москали краще говорять, анижъ пышуть, то се вже всяке знае, бо нимота прыбыла ихъ изъ-за угла лопатою да й накрыла мокрымъ ряднамъ, которого воны и доси зъ себе не скынулы; тымъ и туманіють, хотивши буть людьмы розумнымы и красноглаголивымы. Де-яки зъ ныхъ—да не багато—пышуть здорово, а все не зможутся на велыке творчество. Старый Аксаковъ чытавъ намъ нову свою хронику, почавши одъ самого малечку. Дуже гарна и свижа штука. Поможе вона русській словесности, тилько сама собою словесности ище не становыть. Спысокъ зъ натуры найдокладнійшый не бильше того значить, що въ жывопысця этюды для картыны. Есть у чоловика въ души сыла, котора съ тыхъ дрибностокъ творыть

самовладный мыръ, такъ, щобъ усяка частына дыхала однымъ велыкымъ помысломъ—душею того мыра. Такои сылы нема въ московськихъ розумныхъ людей, и довго ще воны на неи не спроможутся. Не спроможутся воны поты, покы пысатель и народъ стануть нероздилымымъ тиломъ. Годи вже, бо всего не спысаты, що проходыть черезъ голову. Бувайте здорови, да не забувайте свого щиро прыхыльного земляка.

7.

Якъ сказалы вы мени, коханый друже, про тыи литеры, я заразъ напысавъ, щобъ ихъ не печаталы, бо початокъ другого тому друковавсь безъ мене (изъ Москвы, взявши одъ цензора, я пославъ его свойму корректору), и якъ бы не Остряныця, то выйшовъ бы зымою. Ажъ пизно вже! Що робыты? Вызволяйте, якъ самы знаете, мене да и себе зъ биды, и дуже на мене не гнивайтесь за се; бо сказано: ему же честь—честь, и ему же урокъ—урокъ! Воно не гарно, дай не зовсимъ. Колысь же настане таке время, що громадській голосъ росходытымется по всій Украини.... Колы я выберусь изъ Петербурга, Богъ знае. Може, швыдко прочытаете публыкацію про Гоголя. То зроблено, щобъ налякаты кныжныкивъ, що вси до мене кынутся, и щобъ скорій кныжныкы куповалы всю эдицію; якъ же не куплять, то не знаю, на чыи рукы й покынуть таке дило, которе треба робыть съ толкомъ и порядкомъ. Хиба надпродавшы часть, бо по частямъ дуже кваплятся, якъ небудь помиркуюсь изъ Макаровымъ, авторомъ моихъ давнихъ кныжокъ, да й то не знаю, чы скоро буде, бо ще доволи осталось друковання. Тоди знову публыковатыму, щобъ иногородныи пысалы до кныгопродавцивъ, а которому небудь дамъ довиренность на почту.

„Не честь, не подоба мени по рилли спотыкаты...." да що робыть, колы въ насъ инше грошей не заробышъ? а безъ грошей сыдитымешъ, якъ Игнатъ пры земли.

Про журналъ, здается, я такъ и пысавъ, щобъ изготовыться за си два годы, котори я проживу въ чужихъ земляхъ. Багато де-чого треба понапысувать, такъ, щобъ не було *шыты, билыты—завтра Велыкдень*, а готове пидкриплять свижымы розмовамы про дила поточныи. Отъ бы вы свою росправу напысалы про росплывъ украинськои мовы и звычаивъ; добре бъ запомоглы насъ симъ диломъ. А що найнужнійше, то отъ про що помиркуваты: якымъ коштомъ пиднять журналъ? Колы и московськыи убыточаются на первыхъ порахъ, то про нашъ ничого й казаты. Не окупытся й пьята часть того кошту, що на его положымо. Якъ же тутъ справытысь? Намъ треба создать сотрудныкивъ и чытателивъ. Плата за гарныи піесы буде премыею, и всяке буде сылкуватысь, якъ-бы ту мову зрозумити, за котору гроши платять. Теперъ викъ такый, коханый друже! А дило того стоить, бо языкъ нашъ выведе на-явъ багато де-чого такого, що по московськи зроду не розскажешъ, и сама московська словесность зацвите повымъ цвитомъ. Отъ я теперъ морочусь надъ *Чорною Радою* для Руськои Бесиды. Розскажы москалеви по московськи, що се въ насъ слово нижне, малевныче, голосне якъ писня! Хочешъ повіять запашною садовыною, а ему несе квашенною капустою,—и самъ бачышъ, що воно зовсимъ не те, да не знаешъ, якъ до его заговорыты, щобъ зрозумивъ винъ тебе! Ну, выбачайте, дуже николы! Да всего у лыстъ и не вберешъ, що хотилось бы сказаты. Душею Вашъ П. Кулишъ.

1857, квитня 28.

8.

Страсбургъ. 1868, мая 1, н. ст.

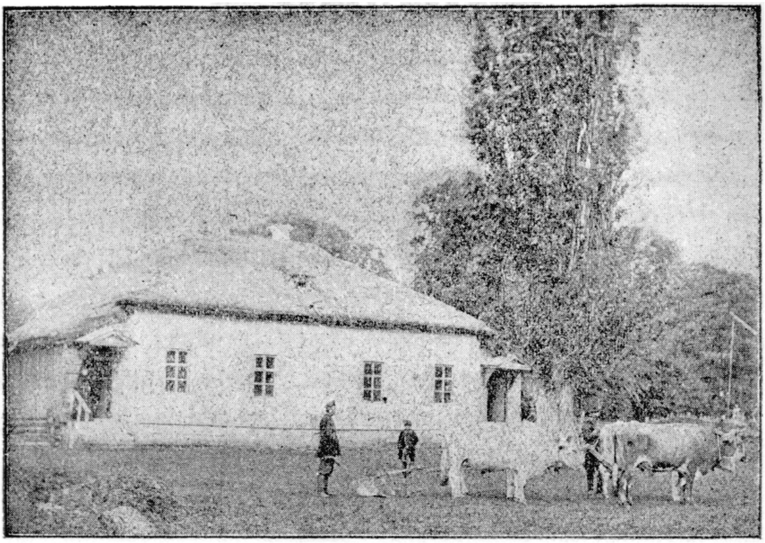
Здравствуйте, любезнѣйшій другъ Григорій Павловичъ! Не удалось мнѣ повидаться съ вами въ Москвѣ, которая до того мнѣ опротивѣла своими глупостями, что я, не заѣзжая въ гостин-

ницу, прямо съ желѣзной дороги—на почтовую станцію, и поскакалъ въ Малороссію. Въ Москвѣ есть однакожъ и умѣренная партія литераторовъ, съ которыми я остаюсь въ хорошихъ отношеніяхъ, какъ это, можетъ быть, вы видите по Русскому Вѣстнику. Я говорю *можетъ быть* потому, что не знаю, усидѣлъ ли Крузе на своемъ мѣстѣ, т. е. не повернула ли цензура назадъ. У Крузе лежали три мои статьи, которыя онъ не рѣшался подписать, пока не пройдетъ мимо скопившаяся надъ нимъ туча обвиненій. Вы мнѣ совѣтовали достигать цѣли путемъ мирнымъ. Это невозможное дѣло. Всякое новое убѣжденіе принималось обществомъ не иначе, какъ произведя сперва бурю споровъ, а часто и ожесточенную борьбу. Случалось, что начинатели провозглашенія дѣлались жертвами людскихъ предубѣжденій. Я самъ много страдалъ и страдаю отъ моихъ противниковъ. Но слѣдуетъ ли изъ этого, чтобы истину высказывать въ полъ-слова? За нашимъ поколѣніемъ идетъ другое. Оно чуждо вбитыхъ въ наши головы понятій, мѣшающихъ намъ прійти къ ясному самосознанію. Оно ведется духомъ иного вѣка; оно оправдаетъ или окончательно опровергнетъ новую мысль о литературѣ и народности. Дѣло еще только начинается, и какъ ни малозначительны наши начинанія, но идея самобытности нашей въ области мысли и чувства можетъ принять размѣры широкіе и воплотиться въ самую жизнь. На основаніи этой идеи могутъ возникнуть новыя гражданскія отношенія, и это произойдетъ мимо вѣдома людей, посѣдѣвшихъ въ постоянномъ чтеніи политическихъ газетъ. Я вѣрю въ будущность нашего края и въ невозможность остановить рождающееся самосознаніе въ свѣжихъ умахъ малороссійскихъ. Что даетъ намъ великорусская жизнь и великорусская словесность, того слишкомъ для насъ недостаточно. Этимъ могутъ довольствоваться только люди, получившіе иноземное воспитаніе и несжившіеся съ нашимъ народомъ. Сами великороссіяне, знающіе жизнь своихъ простолюдиновъ, чего то отъ насъ ожидаютъ, чуя душою, что богата здѣсь человѣческая природа. Одни мы, прибитые долговременными неудачами, притѣсненіями, нахальствомъ сильныхъ и удач-

ливыхъ, сомнѣваемся въ себѣ, не довѣряемъ ни своему слову, ни своему чувству и вѣруемъ въ ученіе людей, которые у насъ не жили и насъ не знаютъ. Я съ глубокой горестью и презрѣніемъ смотрю на современное малороссійское общество и успокаиваюсь душою только въ будущихъ поколѣніяхъ, которыя призваны къ самосознанію и къ самодѣятельности на родной своей почвѣ, какъ это показываетъ уже и теперь слѣпое пристрастіе ко всему родному многихъ молодыхъ людей. Все это пишу къ вамъ изъ единственныхъ побужденій говорить съ вами, что мнѣ удавалось рѣдко, такъ какъ вы живете посреди людей, которыхъ я не знаю. Тяжело жить на свѣтѣ молчаливымъ странникомъ, который многое видитъ, чувствуетъ и подразумѣваетъ, но ограничивается бесѣдою о прекрасныхъ мѣстоположеніяхъ и тому подобныхъ пустякахъ. И то сказать, что жизнь, самая удобная для дружеской откровенной бесѣды, рѣдко располагаетъ насъ къ откровенности. Иногда молчишь именно потому, что въ это время душа полна чувствъ, а выраженіе ихъ еще не настало. Вспомните полушутливый стихъ Пушкина: „Но я любя былъ глухъ и нѣмъ"; и далѣе: „Прошла любовь—явилась муза..." Это почти всегда такъ бываетъ у людей, одаренныхъ болѣе или менѣе способностью выражать словомъ то, что дѣлается въ душѣ. А такъ какъ я провелъ всю жизнь затворникомъ, то и привыкъ думать и чувствовать втихомолку. Вотъ почему въ письмѣ иногда больше скажется, нежели сказалось бы на словахъ. Но какъ бы то ни было, примите это мое посланіе вмѣсто дружескаго пожатія руки и отвѣчайте мнѣ нѣсколькими строками въ Женеву, на мое имя, *poste restante*, только немедленно. Увѣдомьте меня, получили ли вы *Граматку* и каково она принята? Если и худо, все равно увѣдомьте: ибо *Граматка* не послѣднее мое дѣло и не послѣдняя жертва. Василій Васильевичъ (Тарновскій), какъ я вижу, совершенно охладѣлъ ко мнѣ и оставилъ меня. Это очень грустно, тѣмъ болѣе, что я ему много обязанъ и до сихъ поръ не успѣлъ возблагодарить его. Мнѣ таки въ жизни много приходится испытывать разочарованій и ошибаться жесточайшимъ образомъ. Иногда мнѣ кажется, что я ужъ со-

вершенно уничтожился и ни на что больше не годенъ. Но невидимая сила подкрѣпляетъ и обновляетъ мою душу во время величайшихъ ея огорченій, такъ что на самыя огорченія я началъ смотрѣть, какъ на необходимый элементъ моей жизни. Но довольно. До свиданья. Александра Михайловна вмѣстѣ со мною кланяется вамъ и вашимъ добрымъ и почтеннымъ дамамъ. Вашъ душою П. Кулишъ.

У могилъ П. А. Кулиша и В. М. Бѣлозерскаго.

Домъ П. А. Кулиша въ х. Мотроновкѣ.

Случай доставилъ мнѣ въ началѣ мая и въ іюнѣ этого года возможность два раза побывать въ томъ хуторѣ Борзенскаго уѣзда, въ которомъ провели свои послѣдніе дни и затѣмъ одинъ за другимъ умерли два главныхъ дѣятеля „Основы". Одинъ изъ нихъ—самый дѣятельный сотрудникъ этого журнала, Пантелеймонъ Александровичъ Кулишъ, когда-то въ высшей степени подвижный и предпріимчивый, а потомъ замкнувшійся у себя въ этомъ хуторѣ—послѣдніе годы своей жизни провелъ въ немъ безвыѣздно; другой—редакторъ издатель названнаго

журнала—Василій Михайловичъ Бѣлозерскій былъ уроженцемъ этого хутора, жилъ потомъ въ разныхъ мѣстахъ, а затѣмъ, уже послѣ смерти П. А. Кулиша, послѣдовавшей 2 февраля 1897 г., въ послѣдній разъ пріѣхалъ въ этотъ хуторъ, гдѣ и скончался въ томъ же мѣсяцѣ—20 февраля 1899 г.

Сошлись они когда-то, въ молодости, въ Кіевѣ, откуда П. А. Кулишъ ѣздилъ вмѣстѣ съ В. М. Бѣлозерскимъ гостить въ его родной хуторъ, гдѣ 24 января 1844 г. и женился на сестрѣ его Александрѣ Михайловнѣ (въ литературѣ—Ганна Барвинокъ), о чемъ извѣщалъ своего земляка П. Е. Чуйкевича [1]) въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Да, я счастливъ своею жинкою: такая украинка, что просто восхищеніе! Шевченка наизустъ знаетъ, а въ исторіи заткнетъ за поясъ иншого и студента; женщина разумная, твердая въ намѣреніяхъ, чувствительная къ бѣдствіямъ человѣчества, однимъ словомъ достойная самой высокой ступени въ обществѣ“.

Въ то время Кулишъ и Вас. Бѣлозерскій были близкими пріятелями. Такъ, въ одномъ письмѣ къ Аф. Вас. Марковичу 40-хъ годовъ (ненапечатанномъ, также какъ и вышеприведенное письмо къ Чуйкевичу) К—шъ такимъ образомъ отзывался о Б—скомъ: „Вася былъ для меня избраннымъ сосудомъ, въ который я полагалъ самыя дорогія и тайныя свои чувства“. Въ другомъ письмѣ (тоже ненапечатанномъ), къ Гулаку, убѣждая послѣдняго переселиться, вмѣсто Дерпта, въ Петербургъ, К—шъ въ концѣ своихъ доводовъ, которыми надѣялся подѣйствовать на Гулака, употребилъ такой аргументъ: „Нужно вамъ сказать, что Василій Михайловичъ, можетъ быть, также сюда переѣдетъ, а въ Дерптѣ что вы найдете ему подобное? не правда-ли?“—Съ другой стороны, В. М. Б—скій въ одной запискѣ 1897 года сдѣлалъ такой отзывъ о К—шѣ: „Кулѣшъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые своимъ благородствомъ, честностью, великодушіемъ и благоразуміемъ заставляютъ уважать его каждаго, кто имѣетъ съ нимъ дѣло. Онъ человѣкъ практическій и

[1]) Кулишъ, также какъ и Чуйкевичъ, былъ уроженцемъ мѣст. Воронежа, Глуховскаго уѣзда.

дѣятельный и не любитъ бросаться то на то, то на другое и особенно не жалуетъ того, что не одобрено спокойнымъ разсудкомъ. Дѣятельность его наиболѣе сосредоточилась на литературѣ и на совершенствованіи жизни, которое онъ преимущественно полагаетъ въ дѣлѣ и только дѣло считаетъ существенностью. Всякое увлеченіе, не имѣющее опредѣленной полезной цѣли, на которую тотчасъ же указать можно, для него противно. Жизнь свою онъ проводилъ, занимаясь литературою и живописью; дѣлать добро безъ отлагательства тамъ, гдѣ представляется случай,—онъ считаетъ главной обязанностью".

Покинувъ Кіевъ, В. Бѣлозерскій служилъ учителемъ кадетскаго корпуса въ Полтавѣ, а Кулишъ, послѣ учительства въ Луцкѣ, Ровно и Кіевѣ, занялъ должность учителя гимназіи въ Петербургѣ (откуда и писалъ вышеупомянутое письмо Гулаку). Получивъ затѣмъ командировку на два съ половиною года за границу для изученія славянскихъ нарѣчій и желая имѣть своимъ спутникомъ В. Б—скаго, К—шъ очень старался сдѣлать возможнымъ для Б—скаго заграничное путешествіе. Ему удалось устроить это, и, выѣхавъ вмѣстѣ изъ Черниговской губерніи въ февралѣ 1847 года, они побывали въ Кіевѣ и затѣмъ направили свой путь на Варшаву. Уже они были недалеко отъ тѣхъ мѣстъ, къ которымъ стремились, но, остановившись въ Варшавѣ, были задержаны по дѣлу о Кирилло-Меѳодіевскомъ обществѣ и доставлены въ Петербургъ; а по окончаніи этого дѣла, вмѣсто заграничнаго путешествія должны были отправиться въ ссылку (К—шъ въ Тулу, а Б—скій въ Петрозаводскъ).

Получивъ снова возможность жить въ Петербургѣ, они въ 1861—1862 годахъ вмѣстѣ работали въ „Основѣ", причемъ характеръ отношеній ихъ другъ къ другу измѣнился. Прежде Бѣлозерскій подчинялся вліянію Кулиша, какъ человѣка болѣе даровитаго и сильнаго характера. Можетъ быть, привыкши къ этому, К—шъ, когда Б—скій сталъ во главѣ предпріятія, не хотѣлъ признавать его авторитета и сдѣлался строгимъ критикомъ его дѣйствій. Б—скій же, сдѣлавшись редакторомъ, какъ выражался

К—шъ въ письмѣ къ О. М. Бодянскому отъ 24 апрѣля 1861 г., „возмнилъ себя быти мудрѣйше паче всѣхъ земнородныхъ“ [1]). Между ними стали возникать разныя недоразумѣнія и несогласія.

Послѣ прекращенія изданія „Основы“ Кулишъ и Бѣлозерскій еще разъ дѣйствовали на одномъ поприщѣ, служа въ учредительномъ комитетѣ Царства Польскаго, въ Варшавѣ, послѣ чего дороги ихъ разошлись: Бѣлозерскій перешелъ на службу по судебному вѣдомству, занявъ должность члена варшавской судебной палаты, а по выходѣ въ отставку поселился въ Петербургѣ; Кулишъ же, оставивъ службу въ Варшавѣ, совершилъ нѣсколько заграничныхъ поѣздокъ (въ 1869—1873 годахъ), затѣмъ снова пытался служить въ Петербургѣ (съ конца 1873 до половины 1875 года), послѣ чего жилъ нѣкоторое время въ Галиціи, откуда уже навсегда прощался съ своей родиной, говоря въ одномъ изъ своихъ стихотвореній:

„И тебе вже оце не побачу до вику, мій краю коханый,
Не побачу степивъ тыхъ роскишныхъ, гаивъ тыхъ спивучыхъ,
И поляжу безъ славы въ могыли нимій и никому незнаній...“

Но, вопреки этихъ ожиданій, въ 80-хъ годахъ онъ возвратился на родину и осѣлся въ томъ хуторѣ, въ которомъ и упокоился.

Хуторъ этотъ принадлежалъ прежде Михаилу Васильевичу Бѣлозерскому (отцу Василія Михайловича), который служилъ Борзенскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и, построивъ здѣсь домъ, назвалъ хуторъ, по имени своей жены Матрены Васильевны (урожденной Силевичъ), *Мотроновкою*. Женившись на одной изъ его дочерей, Кулишъ, послѣ разныхъ попытокъ устроиться въ другихъ мѣстахъ, построилъ, въ недальнемъ разстояніи отъ дома Бѣлозерскихъ, для себя домикъ и далъ этому своему хутору названіе „*Пиддубень*“. Впослѣдствіи онъ продалъ этотъ домъ и, пріобрѣтя для своей супруги отъ ея братьевъ часть принадлежавшихъ имъ земелъ, переселился въ старый

[1]) Кіевская Старина 1897 г. № 12, стр. 470.

домъ Бѣлозерскихъ. Болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, этотъ домъ съ другими надворными постройками сгорѣлъ, послѣ чего Кулишъ переименовалъ хуторъ въ *„Ганнину Пустынь“* [1]), а послѣ его смерти Александра Михайловна стала называть хуторъ *„Кулишивкою“*. Однако новыя названія не вошли во всеобщее употребленіе, и въ народѣ по прежнему называютъ хуторъ Мотроновкою. Въ настоящее время часть Мотроновскихъ земель, въ количествѣ 45-ти десятинъ, составляетъ собственность вдовы Кулиша, а другая часть, получившая, вслѣдствіе произведенной на ней въ давнее время вырубки лѣса, названіе *„Срубъ“*, принадлежитъ вдовѣ Николая Михайловича Бѣлозерскаго, Варварѣ Ивановнѣ.

Послѣ упомянутаго пожара, истребившаго прежнія постройки, Кулишъ съ своею супругою долгое время жилъ въ уцѣлѣвшемъ отъ пожара амбарѣ, кое-какъ приспособивши его для жилья, а затѣмъ построилъ небольшой домикъ, въ которомъ прожилъ всего около четырехъ лѣтъ и который мнѣ пришлось теперь навѣстить.

Хуторъ отстоитъ отъ Борзны въ разстояніи 4-хъ или 5-ти верстъ, и къ нему можно проѣхать изъ этого города двумя дорогами: одна ведетъ старымъ Нѣжинскикъ трактомъ, который прежде былъ почтовымъ и съ котораго, не доѣзжая села Оленовки, нужно своротить недалеко влѣво; рядомъ съ этою, есть другая болѣе прямая дорога. Обѣ дороги пролегаютъ по ровной мѣстности; по сторонамъ ихъ стелются поля, а черезъ нѣкоторое разстояніе виднѣются лѣса, къ которымъ и примыкаетъ хуторъ.

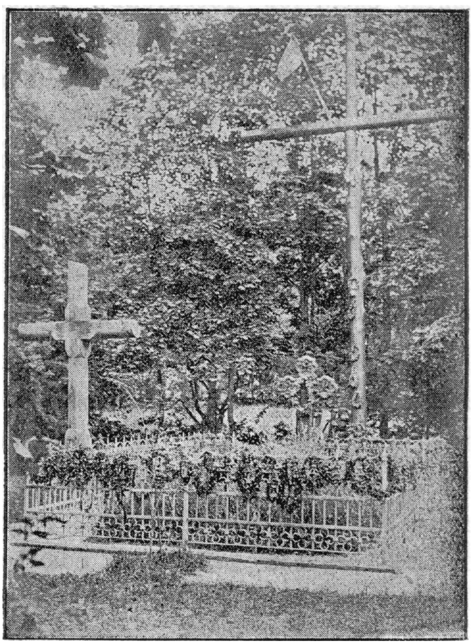
Подъѣхавъ къ усадьбѣ вмѣстѣ съ однимъ обитателемъ Борзны, я увидѣлъ прямо передъ воротами скромный деревянный домикъ подъ соломенною крышею, съ двумя крылечками, между которыми на дворъ выходятъ четыре окна. По обѣимъ сторонамъ двора расположены надворныя постройки, и кромѣ

---

[1]) Въ объясненіе этого, въ письмѣ къ С. Д. Носу отъ 1 мая 1888 г., помѣченномъ: „Хуторъ Ганнина Пустынь, що бувъ Мотроновка“, Кулишъ говоритъ: „Ганнина Пустынь—писля пожежи стала“ (Кіевская Старина 1899 г. № 4).

того съ правой стороны дома находится колодецъ съ журавлемъ, а съ лѣвой выглядитъ изъ сада группа красивыхъ каштановъ; прямо же передъ домомъ, посреди двора, возвышается стройный тополь.

Поднявшись по ступенькамъ лѣваго крылечка и пройдя черезъ маленькую переднюю, мы вошли въ комнату, въ которой стоитъ столярный верстакъ съ разными лежащими на немъ инструментами. Здѣсь Кулишъ занимался столярнымъ мастерствомъ. Въ этой комнатѣ насъ привѣтливо и радушно встрѣтила хозяйка хутора Александра Михайловна, не смотря на преклонный возрастъ—бодрая и подвижная, сохранившая въ себѣ много жизни, энергіи и сердечной теплоты. Вмѣстѣ съ нею мы прошли въ слѣдующую комнату, которая служила кабинетомъ и гостинной и имѣетъ выходъ въ садъ черезъ балконъ.

Послѣ первыхъ привѣтствій, еще не осмотрѣвшись хорошенько въ домѣ, мы вышли въ садъ и направились по обсаженной кустами піоновъ и розъ дорожкѣ, которая прямо противъ балконной двери идетъ прямою линіей и приводитъ къ круглой полянѣ, обсаженной высокими кленами. Посреди этой поляны мы увидѣли высокую могилу, покрытую сухими вѣнками и расцвѣтшими барвинками и осѣняемую тремя крестами: одинъ изъ нихъ, маленькій, въ аршинъ надъ землею, былъ поставленъ временно, до сооруженія большого креста, но остался на могилѣ и до настоящаго времени; около него воз-

вышается устроенный иждивеніемъ В. В. Тарновскаго чугунный крестъ, выкрашенный подъ цвѣтъ дуба, вышиною около сажени; а нѣсколько въ сторонѣ отъ могилы, на востокъ отъ нея, поставленъ воздвигнутый вдовою Кулиша и ея родственниками огромной вышины дубовый крестъ, къ перекладинѣ котораго, по старинному козацкому обычаю, прикрѣплена пика съ развѣвающеюся на немъ хусткою. Къ чугунному кресту прибита мѣдная доска съ слѣдующею надписью: „Се спочывае украинськый писатель, перекладарь святого пысьма на украинськый языкъ Пантелеймонъ Александровычъ Кулишъ. Родывся року Божого 1819-го, переставывся року Божого 1897-го, другого дня мисяця Лютого, на Стритеньня, проживши на свити 77 литъ. Въ руци Господни власть земли и человѣка потребного воздвигнетъ во время на ней (кн. Сираха 10, 4). „У досвити вставъ я... темно ще на двори, де-не-де по хатахъ ясно свитло сяе... (зъ Досвитокъ). Подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ (2. Тимоф. 4, 7). Послеши Духа Твоего и созиждутся, и обновиши лице земли (Псал. 103, 30). Блаженъ мужъ, иже въ премудрости умретъ и иже въ разумѣ своемъ поучается святыни. Не отъидетъ память его, и имя его поживетъ въ роды родовъ (кн. Сироха 14, 21—39, 12). Упокой Боже душу раба Твоего Пантелеймона въ раи презирая вся согрѣшенія его!“

Могилу окружаетъ устроенная В. В. Тарновскимъ чугунная рѣшетка, вся обвѣшенная засохшими вѣнками. Рядомъ съ этой могилой, примыкая къ рѣшеткѣ съ сѣверной ея стороны, находится могила Вас. М. Бѣлозерскаго, надъ которою возвышается массивный дубовый крестъ безъ всякихъ надписей. Такъ судьба, которая когда-то свела этихъ двухъ дѣятелей въ Кіевѣ, потомъ готовила для нихъ совмѣстное, но по независѣвшимъ отъ нихъ причинамъ несостоявшееся путешествіе за границу, вмѣсто котораго послала ихъ въ ссылку, затѣмъ дала имъ возможность работать вмѣстѣ въ „Основѣ“, далѣе устроила ихъ положеніе въ Варшавѣ,—и здѣсь соединила ихъ вмѣстѣ; и одни и тѣ же клены, обступивъ эти двѣ могилы правильнымъ и тѣс-

нымъ кругомъ, тихо вѣютъ надъ ними своими густыми вѣтвями.

Долго простоявъ у этихъ могилъ въ разговорахъ съ Александрою Михайловною и ея родственниками о почившихъ и узнавши между прочимъ, что это мѣсто было избрано для погребенія самимъ Кулишемъ,—мы возвратились въ домъ и внимательнѣе осмотрѣлись въ немъ. Онъ состоитъ всего изъ четырехъ небольшихъ комнатъ, бѣдно меблированныхъ. Вся обстановка сохраняется въ томъ же видѣ, какой имѣла при жизни Кулиша. Въ кабинетѣ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе приставленный лѣвой стороной къ окну, выходящему въ садъ, письменный столъ, весь уложенный книгами, которыя, какъ объяснила А. М., остались на столѣ съ того времени, когда Кулишъ работалъ надъ нимъ. Заглянувъ въ тѣ книги, которыя лежали развернутыми, я увидѣлъ изданія Библіи на разныхъ языкахъ: англійскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, польскомъ. Здѣсь же находятся толкованія Священнаго Писанія—Рейса, Каутча и Верне, а также „Толковый словарь живаго великорусскаго языка“ Даля и другія справочныя изданія.—Съ задней стороны письменнаго стола, за рабочимъ кресломъ, стоитъ гардеробный шкафъ, хранящій въ себѣ платье, которое носилъ Кулишъ; а рядомъ съ упомянутымъ окномъ, выходящимъ въ садъ, помѣщаются: съ одной стороны полки съ книгами, а съ другой—небольшой шкафъ, также наполненный книгами, къ которымъ приставлены фотографическіе портреты Вас. М. Бѣлозерскаго, П. А. Плетнева, С. Т. Аксакова, Н. Я. Макарова, В. И. Шенрока, М. Грабовскаго и Пулюя съ его семействомъ. Собраніе книгъ не велико и, за исключеніемъ книгъ, относящихся до Священнаго Писанія, и справочныхъ изданій, имѣетъ довольно случайный, или вѣрнѣе—несистематичный характеръ; по объясненію А. М., значительная часть библіотеки Кулиша погибла при вышеупомянутомъ пожарѣ.—Противоположная означенному окну и балконной двери сторона комнаты занята: въ одномъ углу—печью съ пустымъ каминомъ, къ которой приставлена конторка съ ящиками, а въ другомъ—диваномъ, надъ

которымъ висятъ фотографическій портретъ Кулиша и два давнихъ портрета А. М., одинъ фотографическій, а другой—рисованный карандашемъ Гороновичемъ; передъ диваномъ стоятъ овальный столъ и два кресла.

Противъ письменнаго стола, у двери, выходящей на балконъ, помѣщается старинное бюро, на которомъ я увидѣлъ больше десятка книгъ „Кіевской Старины", и потому пожелалъ освѣдомиться, получалъ ли Кулишъ этотъ журналъ. А. М. отвѣтила на этотъ вопросъ утвердительно, а одинъ сосѣдъ ея, котораго я засталъ въ хуторѣ, по этому поводу, сообщивъ мнѣ, что, не получая самъ Кіевской Старины, онъ пользовался ею отъ Кулиша, разсказалъ затѣмъ, что, когда одинъ разъ онъ слишкомъ долго задержалъ двѣ книжки Кіевской Старины, то получилъ отъ Кулиша такое посланіе:

„Дви кныжкы „Старины"
Давно у васъ гуляють,
Про мене жъ нависни
Не думають, не дбають;
Гоните заволокъ
До-дому у тры вырвы,
Щобъ не було въ дивокъ [1])
У запаскахъ ще й прирвы".

Послѣдніе годы своей жизни Кулишъ былъ занятъ переводомъ Библіи на малорусскій языкъ. Когда-то, въ письмѣ А. В. Марковичу 40-хъ годовъ, онъ говорилъ: „Украина и украинскій языкъ сдѣлались теперь моею истинною святынею". Круто измѣнивъ съ изданіемъ „Исторіи возсоединенія Руси" свои убѣжденія и отрекаясь отъ прежнихъ взглядовъ и разсужденій, которыя въ стихотвореніи своемъ „Прежній" онъ назвалъ „порожними" [2]), Кулишъ всегда оставался неизмѣнно вѣрнымъ любви къ родному малорусскому слову, надъ которымъ много въ теченіе своей жизни поработалъ. Переводъ священнаго писанія на мало-

---

[1]) Т. е. въ упоминаемыхъ книжкахъ Кіевской Старины.

[2]) „*Я прежній* (курсивъ въ подлинникѣ) вамъ догоджувавъ словами порожними, якъ розумъ вашъ козацькій" (См. „Дзвинъ")

русскій языкъ занималъ его съ давняго времени и уже былъ приведенъ къ концу. Нѣкоторыя части этого перевода были изданы за границею [1]), рукописи же прочихъ переведенныхъ частей Библіи погибли въ Мотроновкѣ при пожарѣ, о которомъ говорилось выше. Перенесши эту утрату, Кулишъ нашелъ въ себѣ достаточно силъ вновь выполнить огромный трудъ перевода всей Библіи и приступилъ къ этому, причемъ всѣ тѣ части Библіи, которыя въ подлинникѣ изложены въ стихотворной формѣ, счелъ нужнымъ перевесть стихами, что затрудняло и замедляло работу. Онъ былъ очень озабоченъ тѣмъ, чтобъ довесть этотъ трудъ до конца, и потому въ послѣднее время не хотѣлъ отрываться отъ него ни для чего другаго.—„Пока не окончу предпринятый переводъ", писалъ онъ Н. Шаховскому,—„чувствую себя неспособнымъ къ другимъ занятіямъ и удовольствіямъ" [2]). Въ другомъ письмѣ, къ С. Д. Носу, онъ говорилъ: „Ледве маю снаги й часу на коротисеньку телеграмму. Никого не пускаю до себе, та й самъ ни до кого ни-же! Ще тилько четверту кныгу Моисееву допысавъ до гл. XXIII, то й не знаю, чи побачу колы Апокалипсового аминя" [3]). Къ сожалѣнію, онъ не успѣлъ окончить свой трудъ: приблизительно около трехъ четвертей Библіи имъ переведено вновь, перевода же прочихъ частей ея не имѣется. Мы слышали, что переводъ этихъ послѣднихъ частей взялъ на себя одинъ извѣстный украинскій писатель, и есть надежда на то, что современемъ появится въ печати полный переводъ Библіи.

Въ настоящее время собственноручно написанныя Кулишемъ рукописи упомянутаго перевода Библіи, а также другихъ

---

[1]) Пятикнижіе Моисеево было напечатано въ приложеніи къ журналу „Правда" за 1869 годъ; въ томъ же году, въ Лейпцигѣ, былъ изданъ съ псевдонимомъ Павла Ратая переводъ книги Іова; затѣмъ вышли въ свѣтъ: въ 1871 г. въ Львовѣ, съ тѣмъ же псевдонимомъ „Псалтирь, або книга хвалы Божои" и 1872 г. въ Вѣнѣ переводъ четырехъ евангелистовъ, которые въ 1880 г. вновь изданы въ Львовѣ съ прибавленіемъ другихъ частей Новаго завѣта, переведенныхъ Пулюемъ, подъ заглавіемъ: „Святе письмо Нового Завиту".

[1]) Русское Обозрѣніе 1897 г. № 3.

[2]) Кіевская Старина 1899 г. № 4.

его сочиненій, какъ изданныхъ, такъ и неизданныхъ, находятся въ музеѣ В. В. Тарновскаго, которому Кулишъ за четыре мѣсяца до своей смерти прислалъ одну часть своихъ рукописей при письмѣ отъ 4 го октября 1896 года, гдѣ, извѣщая о своей болѣзни, вслѣдъ затѣмъ писалъ: „Тымъ часомъ надумавсь я прыховаты въ вашому музеи мое рукопысне добро про мои наслидныкы (а ихъ буде не одынъ та й не два, сподиваюсь). Слово наше невмыруще. Нехай же воны бачять, якъ працювавъ предокъ ихъ, та й сами его робомъ працюють".—Затѣмъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ онъ прислалъ другую часть рукописей, мотивируя эту присылку въ письмѣ отъ 16 ноября такимъ образомъ: „На ознаку того, якъ я поважаю ваше порання коло здобуткивъ риднои намъ давныны, посылаю вамъ ще вязку шпаргаливъ. Себе вже выпроводжаю въ ынншій, не такый, якъ сей, сьвитъ, маковъ цвитъ, що вранци цвите, ввечери опаде, а ваша дбайлыва збиранына поперeжывае й непарожденныхъ ище." Остальныя рукописи были переданы В. В. Тарновскому уже послѣ смерти К—ша вдовою его, согласно волѣ покойнаго.

Видѣвши у В. В. Тарновскаго первую присылку означенныхъ рукописей въ то время, когда онѣ были получены въ Кіевѣ, и читая вышеупомянутое письмо, я подумалъ тогда, что Кулишъ прислалъ для храненія въ музеѣ рукописи своихъ неизданныхъ трудовъ только въ качествѣ автографовъ своихъ, оставивъ у себя списки или копіи ихъ; но оказывается, что въ Мотроновкѣ не осталось списковъ. Такимъ образомъ, представляется очевиднымъ, что, потерявъ въ послѣднее время надежду издать свои труды, К—шъ, при мысли о возможности близкой кончины, нашелъ, что оставшіеся неизданными труды его наилучшимъ образомъ сохранятся въ собраніи рукописей В. В. Тарновскаго, почему и рѣшилъ передать ихъ туда.

Не касаясь автографовъ тѣхъ сочиненій, которыя уже были издаваемы, считаемъ нужнымъ указать тѣ оставшіеся послѣ смерти Кулиша рукописные труды его, которыхъ мы не видѣли въ печати, а именно:

1) Вышеупомянутый переводъ *Библіи*.

2) *„Шекспировы творы*, зъ мовы брытаньскои мовою украиньскою поперекладавъ П. А. Кулишъ.“—Г. Лободовскій въ той статьѣ, о которой сообщалось въ майской книгѣ Кіевской Старины за этотъ годъ, [1]) говоритъ, что Кулишемъ былъ переведенъ *„весь* Шекспиръ“. Сообщеніе это не вѣрно: К—шъ перевелъ всего тринадцать драмъ Шекспира. Изъ нихъ въ 1882 г. были изданы во Львовѣ три драмы: а) „Отелло“,—б) „Троилъ та Крессида“ и в) «Комедія пòмылокъ; въ рукописяхъ же имѣются слѣдующіе переводы: а) „Гамлетъ“, б) „Король Лиръ“, в) „Макбетъ“, г) Коріоланъ“, д) „Антоній и Клеопатра“, е) „Юлій Цезарь“, ж) „Ромео та Джульета“, з) „Мира за миру и) „Прыборкана Гоструха“, и і) „Багацько галасу зъ нечевля)“.

3) *Донъ Жуанъ.* Поэма лорда Байрона. Староруській переспивъ Панька Олельковича Кулиша“ Посвященъ Вас. М Бѣлозерскому.

4) *„Чайльдъ-Гарольдова мандривка.* Переспивъ украиноруській П. Кулиша.“ Съ посвященіемъ слѣдующаго содержанія: „Ся тыха хуторна праця прысвячена тыхій голубци сестри Надежди Мыхайловни Билозерській на спомынъ про Чорну ричку“.

5) *„Вильгельмъ Тель.* Шиллерова драма. Переложивъ староруською мовою Панько Олельковичъ Кулишъ.

6) *„Позычена кобза.* Переспивы чужомовныхъ сьпививъ, переспивавъ же ихъ Кулишъ Олельковичъ Панько“. Тетрадь представляетъ собою сборникъ мелкихъ переводныхъ стихотвореній. Въ 1896 году К—шъ приготовлялъ къ изданію первый выпускъ этого сборника, какъ видно изъ слѣдующихъ строкъ письма его къ В. В. Тарновскому [2]): „Готовлю печататы кныжку завбильшкы зъ Дзвона“, пидъ назвою „Позычена кобза, переспивъ чужомовныхъ сьпививъ“ (покы що Кгете, Шиллера, Байрона, Гейне), выступцемъ первымъ (бо хочется сьпиваты ще й по-итальянскій, по-кгрецькій, по-латынській)...“, и по словамъ А. М—вны и другимъ указаніямъ, книга эта издана въ Львовѣ; второй же предположенный К—шемъ выпускъ не выходилъ въ свѣтъ.

---

[1]) Южный край, 1899 г. № 6261.

[2]) Кіевская Старина, 1899 г. № 1 стр. 90.

7) *„Царь Налывай.* Староруська драма (1596)“.

8) *„Петро Сагайдачный.* Драма (1621)“.

9) *„Хмиль Хмельницкій.* Староруська историчня драма (накыдкы).“ Тетрадь заключаетъ въ себѣ только начало перваго акта.

10) *„Грыцько Сковорода.* Поэма“ Съ посвященіемъ: „Переважниковѣ въ разумѣнью слова о полку Игоревѣ, профессоровѣ Львовского университета Омеляновѣ Огоновському прысвячуе́ шановныкъ его высоко заслуженого имени Панько Олельковичъ Кулешъ.

11) *„Маруся Богуславка.* Поэма. Половына перва“.

12) *„Кулишъ у пекли.* Староруська поэма Панька Небрехи“. На первой половинѣ поэмы, заключающей въ себѣ 20 пѣсенъ, имѣется посвященіе: „пренепорочному нашому поэтови Леонидови Ивановичови Глибову, въ юбилейному его роци, достойно и праведно заслуженый ралець несе первый Панько Олельковичъ Кулишъ вкупи съ пидпомощныцею своею Ганною Барвинокъ. Р. Б. 1891, мисяца Лютого“ [1]) Вторая половина поэмы не окончена; въ концѣ ея рукою К—ша сдѣлана замѣтка: „Поэму не окончено. У другій (т. е. половинѣ) мусыть буты также двадцять писенъ“.

13) *„Около полустолѣтія назадъ.* Литературныя воспоминанія“. Небольшая тетрадь, раздѣленная на шесть главъ. О поводѣ къ составленію этихъ воспоминаній авторъ въ своемъ вступленіи къ нимъ даетъ слѣдующія разъясненія: „Въ одномъ журналѣ прочиталъ я библіографическое извѣстіе о моей „невышедшей книгѣ“, напечатанной въ 1847 году въ Москвѣ подъ заглавіемъ „Украинскія народныя преданія“. Почтенный библіографъ, означившій себя буквою *W*, сообщаетъ, что книгу эту, какъ единствен-

---

[1]) Это юбилейное подношеніе представляетъ особый интересъ въ виду того, что 50-тилѣтній юбилей литературной дѣятельности самого Кулиша, по времени появленія въ „Кіевлянинѣ“ Максимовича 1840 года, его перваго печатнаго произведенія — „Малороссійскихъ разсказовъ“, приходился годомъ раньше, въ 1890 г. и прошелъ у насъ вовсе незамѣченнымъ. Сколько горечи вслѣдствіе этого онъ долженъ былъ испытывать!

ный уцѣлѣвшій экземпляръ, пріобрѣла у антикварской фирмы Шибанова Императорская Публичная Библіотека, и заключаетъ свое сообщеніе словами: „желательно было бы узнать исторію выхода и погибели перваго собранія драгоцѣнныхъ преданій, и всего интереснѣе были-бы въ этомъ случаѣ разъясненія самого собирателя". Охотно я исполнилъ-бы желаніе господина W, но письма О. М. Бодянскаго, касавшіяся этого предмета, у меня погибли во время пожара, а свидѣлись мы съ нимъ нескоро послѣ событія, и новые интересы нашей жизни отодвинули старые въ область забвенія. Вмѣсто воспоминаній библіографическихъ, представляю здѣсь обстоятельства, которыя привели меня къ собранію драгоцѣнныхъ народныхъ преданій и которыя сопровождали это собираніе."

14. „*Начало русскаго возсоединенія*". Небольшая неоконченная тетрадь.

15. „*Набросокъ начальнаго романа безъ заглавія*". Семь листовъ.

16. „*Замѣтки по алфавиту*". Писаны на отдѣльныхъ листкахъ, очевидно для памяти и справокъ, и представляютъ собою своего рода маленькую энциклопедію разныхъ свѣдѣній, въ большинствѣ случаевъ касающихся Малороссіи.

17. Еще гораздо раньше Кулишемъ была передана В. В. Тарновскому рукописная повѣсть въ 12-ти главахъ „*Искатели счастья*", съ такою надписью: „Василію Васильевичу Тарновскому въ день его ангела отъ автора. 1856. Января 1. Кіевъ." Объ этой передачѣ К—шъ, повидимому, скоро забылъ, такъ какъ въ письмѣ отъ 28 ноября того же 1856 года освѣдомлялся у О. М. Бодянскаго, не у него ли эта рукопись [1]).

18. Кромѣ того, по словамъ А. М—вны, у В. В. Тарновскаго еще долженъ находиться рукописный романъ „*Послѣдній изъ рода Борецкихъ*"; но, обозрѣвая у него рукописи, я не видѣлъ между ними этой рукописи: вѣроятно, въ то время она была у кого нибудь на рукахъ.

---

[1]) См. Кіевскую Старину 1898 г. № 2, стр. 308.

19. Затѣмъ, изъ статьи Н. Шаховскаго „Памяти Кулиша“ [1]) видно, что Кулишемъ была написана повѣсть, названная въ первой редакціи „*Искра любви*“, а во второй, болѣе пространной, „*Владимірія*“, главныя дѣйствія которой происходятъ въ Галиціи,—и послана издателю „Гражданина“ Мещерскому. Послѣ того, какъ эта рукопись пропала у Мещерскаго, К—шъ вторично написалъ повѣсть, и эту послѣднюю рукопись передалъ г. Шаховскому, у котораго она и должна находиться.

Еще я видѣлъ собственноручныя рукописи сочиненій Кулиша у П. Я. Дорошенка, которому въ 1890 году К—шъ прислалъ три своихъ рукописи: а) вышеупомянутую драму „Петръ Сагайдачный“, б) сборникъ стихотвореній „Дзвинъ“ и в) Дополненіе къ представленному въ цензурное вѣдомство сборнику „Дзвинъ“. Въ чемъ именно этотъ списокъ драмы разнится отъ списка, имѣющагося у В. В. Тарновскаго—не могу сказать, такъ какъ не сличалъ ихъ; думаю же, что списокъ Т—скаго, какъ остававшійся у Кулиша до послѣднихъ дней, представляетъ позднѣйшую редакцію. Характернымъ для К—ша представляется то, что онъ прислалъ Д—ку означенныя рукописи, будучи вовсе незнакомымъ съ нимъ и никогда его не видѣвши, а только слышавши объ немъ отъ Вас. М. Бѣлозерскаго, который передъ тѣмъ познакомился съ Д—комъ и провелъ у него нѣсколько дней въ Глуховѣ. Подъ впечатлѣніемъ разсказа Б—ского, К—шъ и послалъ немедленно рукописи, сдѣлавъ на драмѣ „Петръ Сагайдачный“ такую надпись: „Незнакому ще въ вичи, а вже сердечно любому по гарній поголосьци, тезкови Петра Сагайдачного, Дорошенкови, зъ Ганнынои Пустыни гостынчыкъ и благословеньне обохъ пустынножытеливъ“.

Псевдонимы Кулиша были раскрыты въ „Очеркахъ исторіи украинской литературы“ Н. И. Петрова, причемъ ему былъ приписанъ (стр. 268 и 270) псевдонимъ В. П. Бѣлокопытенка, который въ дѣйствительности, какъ видно изъ печатающагося въ этомъ году приложенія къ Кіевской Старинѣ, принадлежитъ

[1]) Русское Обозрѣніе 1897 г. № 3.

не К—шу, а М. Т. Симонову, что подтвердила и А. М. К—шъ. Напротивъ того, къ псевдонимамъ, указаннымъ Петровымъ, по словалъ А. М—вны, надо добавить псевдонимъ Забоцня. Такимъ образомъ, съ прибавленіемъ подписей, которыя К—шъ употреблялъ послѣ изданія книги Петрова, слѣдуетъ признать принадлежащими К—шу слѣдующіе десять псевдонимовъ: 1) Николай М., 2) Иродчукъ (въ „Хатѣ"), 3) Ломусъ, 4) Хуторянинъ, 5) Панько Казюка, 6) П. Необачный, 7) Петро Забоцень, Д. П. Хоречко (въ „Основѣ"), 9) Павелъ Ратай и 10) Панько Небреха (въ рукописи поэмы „Кулишъ у пекли").

Кромѣ перечисленныхъ выше рукописей, въ Мотроновкѣ, сохранился дневникъ Кулиша, веденный имъ (по словамъ А. М—вны довольно подробно) въ теченіе двухъ лѣтъ (1845 и 1846). Отрывки изъ этого дневника войдутъ въ приготовляемую В. И. Шенрокомъ біографію К—ша; но желательно, чтобъ и другія части его, могущія представить общій интересъ, были когда нибудь опубликованы.

Послѣ Вас. М. Бѣлозерскаго не осталось никакихъ рукописей, кромѣ воспоминаній о Кулишѣ, которыя по просьбѣ Шенрока, были написаны въ Мотроновкѣ для вышеупомянутой біографіи; при чемъ, не могши уже въ то время писать собственноручно, Б—скій диктовалъ ихъ А. М—внѣ. Воспоминанія эти переданы Шенроку, какъ матеріалъ для біографіи К—ша.

Вмѣстѣ съ рукописями Кулиша у В. В. Тарновскаго хранится аттестатъ о службѣ его, выданный изъ департамента общихъ дѣлъ министерства путей сообщенія 20 августа 1875 года. Въ виду того, что документъ этотъ, устанавливающій самымъ точнымъ образомъ факты служебнаго движенія К—ша, имѣетъ существенное значеніе для біографіи его, считаю нужнымъ, въ приложеніи къ настоящей статьѣ, привесть этотъ документъ въ сокращеніи (опуская подробности о производствѣ въ чины, наградахъ и т. п.).

Помня, что въ одномъ изъ читанныхъ мною писемъ Кулиша онъ говорилъ, что имѣетъ обыкновеніе сохранять всѣ получаемыя имъ письма, я интересовался тѣмъ, какихъ именно

лицъ письма къ нему сохранились. Оказалось, что письма за все время, предшествовавшее пожару въ Мотроновкѣ, которыми былъ наполненъ цѣлый сундукъ и между которыми, по словамъ А. М—вны, было много интересныхъ писемъ (въ числѣ ихъ А. М—вна назвала письма О. М. Бодянскаго), погибли при пожарѣ; письма же за послѣдующее время переданы Шенроку для извлеченія изъ нихъ свѣдѣній при составленіи біографіи.

Зная, что было время, когда Кулишъ увлекался рисованіемъ, я просилъ А. М—вну показать оставшіеся послѣ него рисунки, между которыми есть маленькій портретъ Т. Г. Шевченка (до ссылки), рисованный перомъ, и нѣсколько альбомовъ. Въ одномъ изъ нихъ рисунки (въ томъ числѣ—семь изъ малорусскаго быта) чередуются стихотвореніями и народными пѣснями. Въ другой тетради, названной: „Тульскій альбомъ", для біографа К—ша могутъ представить интересъ рисунки и чертежи, озаглавленные: „Мечты о домикѣ 1848", —свидѣтельствующіе, что К—шъ съ давняго времени мечталъ объ устройствѣ себѣ домика. Третья маленькая тетрадь заключаетъ въ себѣ три рисунка къ „Черной Радѣ". Въ четвертой тетради интересенъ рисунокъ, на которомъ изображены А. И. Марковичъ и Н. Я Макаровъ. Въ пятой тетрадкѣ очень маленькаго формата К—шъ въ шуточной формѣ описалъ свое путешествіе, иллюстрировавъ это описаніе каррикатурными рисунками.

Кромѣ рисунковъ Кулиша, А. М. показала намъ пачку рисунковъ (числомъ десять) Де-Бальмена къ предполагавшемуся иллюстрированному изданію „Ориси"; нѣкоторые изъ нихъ довольно изящны. По словамъ А. М., въ этой коллекціи былъ еще одинъ рисунокъ, и притомъ наилучшій: онъ остался у М. О. Вольфа, которому рисунки передавались для приготовлявшагося изданія, при чемъ самый лучшій рисунокъ не былъ имъ возвращенъ.

Въ томъ вышеупомянутомъ альбомѣ, въ которомъ рисунки Кулиша помѣщены вмѣстѣ съ пѣснями и стихотвореніями, я нашелъ одно стихотвореніе Т. Г. Шевченка, вписанное имъ

собственноручно,—именно то, которое въ изданіи „Кобзаря“ 1894 г. напечатано на стр. 540, подъ заглавіемъ „Антонію Сови“, съ отмѣткою внизу: „19 ноября 1859 р. Петербургъ“. Между тѣмъ въ альбомѣ К—ша подъ стихотвореніемъ рукою Шевченка написано: „29 ноября 1858,“ изъ чего видно, что въ Кулишевскій альбомъ оно было вписано цѣлымъ годомъ раньше, и слѣдовательно относится во всякомъ случаѣ не къ 1859 году. Въ самомъ текстѣ стихотворенія я нашелъ нѣкоторыя, хотя и незначительныя, разницы сравнительно съ печатнымъ текстомъ, вслѣдствіе чего считаю нужнымъ для счисленія варіантовъ, привесть текстъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ вписанъ Шевченкомъ въ альбомъ К—ша:

Посажу коло хатыны
На вспомынъ дружыни
И яблуньку, и грушечку,
На вспомынъ едыній.

—

Богъ дасть диточокъ [1]); дружына
Пидъ древамы тымы
Сяде соби въ холодочку
Зъ дитками малымы.

—

А я буду груши рваты,
Диточкамъ даваты,
Зъ дружыною едыною
Тыхо розмовляты.

—

[1]) Въ печатномъ текстѣ стихотворенія, вмѣсто слова „диточокъ,“ поставлено: „выростуть“ (т. е. „яблуньки и грушечкы.“) Приводимая нами редакція кажется намъ болѣе соотвѣтствующею какъ содержанію стихотворенія, такъ и обычной формѣ разговорной рѣчи, въ которой выраженія: „Богъ дастъ“ или „пошлетъ“—чаще употребляются въ примѣненіи къ ожидаемымъ дѣтямъ, чѣмъ къ ожидаемымъ фруктамъ, почему изъ двухъ ожидаемыхъ предметовъ, о которыхъ говорится въ стихотвореніи, естественнѣе было употребить это выраженіе въ отношеніи къ дѣтямъ.

— Отоди ще, якъ бралыся,
Си древа садывъ я...
Я щаслывый....—„И я друже,
Зъ тобою щаслыва [1]).“

—

Слушая разсказы Александры Михайловны о Кулишѣ, Шевченкѣ и другихъ людяхъ, съ которыми въ разное время сходился К—шъ, я долго не хотѣлъ уѣзжать изъ хутора. Я убѣждалъ А. М. написать свои воспоминанія, но повидимому—безуспѣшно, о чемъ не могу не пожалѣть, такъ какъ, обладая литературнымъ талантомъ и сохранивъ живую память лицъ и событій, она могла бы разсказать много интереснаго.

Когда-то, незадолго до смерти И. С. Тургенева, мнѣ случилось побывать въ его усадьбѣ въ с. Спасскомъ-Лутовиновѣ. Много времени спустя, послѣ смерти Ѳ. М. Достоевскаго, я былъ въ его скромномъ домикѣ въ Старой Руссѣ и, осматривая этотъ бѣдный домикъ съ тѣсными и низкими комнатами, съ невеселыми видами изъ оконъ, и крошечный садикъ,—невольно вспомнилъ барскую усадьбу Тургенева. Теперь, когда я сидѣлъ въ хуторѣ Кулиша, мнѣ вспомнились видѣнныя мною усадьбы тѣхъ двухъ писателей, и я замѣтилъ за собою, что чувства, которыя возбуждаетъ во мнѣ окружающее, были живѣе и острѣе, чѣмъ тѣ, которыя я испытывалъ тамъ. Хотя Тургеневъ былъ еще живъ въ то время, когда я былъ въ Спасскомъ-Лутовиновѣ, усадьба его производила впечатлѣніе забытой и заброшенной самимъ хозяиномъ ея. Ко времени осмотра мною усадьбы Достоевскаго, обстановка дома была уже вывезена изъ него, за исключеніемъ нѣсколькихъ, случайно оставленныхъ предметовъ; домъ опустѣлъ, а садикъ былъ запущенъ и заглохъ; все казалось покрытымъ прахомъ

[1]) Это стихотвореніе имѣется у насъ, тоже въ автографѣ, въ рукописной книжкѣ произведеній Шевченка, изъ которыхъ большая часть писана его рукою. Данное стихотвореніе здѣсь озаглавлено „подражаніе Эдуарду Сови“ и помѣчено, какъ и въ печатныхъ изданіяхъ, „19 ноября СПетербургъ“, и находится въ ряду стихотвореній 1859 года. Текстъ такой-же, какъ въ печатныхъ изданіяхъ. *Ред.*

забвенья. Здѣсь же этотъ устроенный самимъ Кулишемъ домъ, этотъ письменный столъ съ книгами, которыя остались раскрытыми съ того времени, когда онъ занимался надъ ними,—его платье, которое онъ повѣсилъ тутъ же на вѣшалкахъ, многіе слѣды его разнообразныхъ занятій и вообще вся окружающая обстановка—все это такъ живо говорило о томъ, кто работалъ среди этой обстановки, что могло бы показаться, что, оторвавшись отъ своей работы и оставивъ на столѣ раскрытыми книги, онъ только на время вышелъ изъ комнаты; говорю—могло бы показаться, если-бъ виднѣющаяся изъ этой-же комнаты вдали могила не напоминала постоянно и ежеминутно, что онъ уже больше не воротится...

Въ усадьбѣ Тургенева мнѣ было жаль того, зачѣмъ далекія небеса и чужіе люди на столько привлекли къ себѣ его симпатію, что заставили его забросить свое гнѣздо и покинуть родину, лишивъ его возможности живыхъ и постоянныхъ наблюденій надъ той жизнью, которую онъ изображалъ въ своихъ чудныхъ произведеніяхъ. Въ усадьбѣ Достоевскаго, вспоминая прожитую имъ жизнь, я сожалѣлъ о томъ, зачѣмъ судьба послала ему тяжкія испытанія, придавъ мрачный и болѣзненный оттѣнокъ его могучему таланту. Здѣсь приходилось пожалѣть о томъ, зачѣмъ этотъ талантъ съ его изумительной энергіей не остался вѣрнымъ себѣ до конца, зачѣмъ сожигалось то, что служило предметомъ поклоненія и чего вовсе не нужно было сожигать... И однако, не смотря на это отступничество послѣднихъ лѣтъ Кулиша, когда по выраженію М. Номиса [1]), онъ „понесъ скарбы своихъ талантовъ не въ родную скарбню и даже относился иногда къ намъ съ жесткимъ и несправедливымъ словомъ,“—теперь надъ могилою его, перебирая въ памяти все то, что имъ сдѣлано, и вспоминая, какую громадную массу труда положилъ онъ въ разнообразныя литературныя работы для своей родины и затѣмъ, замкнувшись въ этихъ комнаткахъ по образу тѣхъ запорожцевъ, которые оканчивали жизнь въ отшельни-

1) Кіевская Старина 1897 г. № 3.

чествѣ, продолжалъ, уже безъ надежды увидѣть свои труды въ печати, работать для нея до послѣдняго издыханія своего,—вспомнивъ все это, я долженъ былъ согласиться съ Номисомъ въ томъ, что онъ—„нашъ, и трижды нашъ". Я не могъ не признать, что и самъ Кулишъ былъ правъ, сказавши въ упомянутомъ выше стихотвореніи своемъ:

„Не забудь мене, покы вику твого, моя нене Вкраино,
Покы мова твоя голосна у писняхъ, якъ срибло чысто дзвоныть;
На що глянешъ, усюды згадаешъ свого бидолашного сына"...

Н. Ш—ровъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Свѣдѣнія о П. А. Кулишѣ, извлеченныя изъ аттестата о службѣ его, выданнаго изъ департамента общихъ дѣлъ министерства путей сообщенія 20 августа 1875 г.

„Надворный совѣтникъ Пантелеймонъ Александровичъ Кулишъ, 53 лѣтъ, обучался въ Новгородсѣверской гимназіи съ 1833 по 1837 г., потомъ слушалъ лекціи по отдѣленіямъ философическаго и юридическаго факультетовъ въ университетѣ Св. Владиміра, но выбылъ изъ оного до окончанія курса 1840 г. декабря 31.—Въ службу вступилъ исправляющимъ должность учителя русскаго языка въ Луцкое дворянское училище 1841 г. февраля 10; перемѣщенъ на таковую жъ должность въ Кіево-Печерское дворянское училище въ томъ же году декабря 20; утвержденъ въ должности учителя русскаго языка и словесности 1842 г. сентября 15; командированъ для осмотра въ Кіевской губерніи всѣхъ архивовъ, находящихся при правительственныхъ мѣстахъ и монастыряхъ, 1843 г. іюля 5; назначенъ учителемъ исторіи и географіи при томъ же Кіево-Подольскомъ дворянскомъ училищѣ того же года октября 23; назначенъ членомъ сотруд-

никомъ при временной коммиссіи для разбора древнихъ актовъ 1844 г. января 18; командированъ для собранія свѣдѣній о предметахъ древности въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Кіевской губерніи того же года іюля 13; перемѣщенъ къ исправленію должности старшаго учителя исторіи въ Ровенскую гимназію 1845 г. августа 31; перемѣщенъ старшимъ учителемъ русской словесности въ 5-ую С.-Петербургскую гимназію того же года декабря 15; Высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета министровъ 1 и 15 сентября 1846 г. положено: отправить Кулиша для изученія славянскихъ нарѣчій въ Пруссію, Саксонію и Австрію на два съ половиною года, съ производствомъ на содержаніе и путевыя издержки по 1143 р. 68 к. въ годъ и съ увольненіемъ отъ должности учителя 5 гимназіи 1846 г. октября 22; означенное путешествіе почислено конченнымъ 1847 г. іюня 2; опредѣленъ въ канцелярію начальника Тульской губерніи 1847 года сентября 17; назначенъ исправляющимъ должность корректора Тульской губернской типографіи 1849 г. октября 24; перемѣщенъ въ департаментъ сельскаго хозяйства въ число чиновниковъ, положенныхъ на усиленіе 1851 г. іюня 24; исправлялъ должность редактора статистическаго отдѣленія съ 1 іюня 1851 г. по 22 октября 1852 г.; согласно прошенію уволенъ отъ службы 1854 г. февраля 11.—Министромъ народнаго просвѣщенія, вслѣдствіе опредѣленія археологической коммиссіи, утвержденъ въ званіи корреспондента сей коммиссіи 1861 г. февраля 6; избранъ дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго русскаго географическаго общества 1861 г. декабря 15; опредѣленъ въ учредительный комитетъ въ Царствѣ Польскомъ съ назначеніемъ состоящимъ при комитетѣ 1864 г. декабря 23. По всеподданнѣйшему докладу министра статсъ-секретаря Царства Польскаго объ отличной-усердной службѣ, засвидѣтельствованной министромъ государственныхъ имуществъ и намѣстникомъ въ царствѣ, 10 іюня 1865 г. Высочайше повелѣно: виновность Кулиша по дѣлу объ украйнославянскомъ обществѣ, за которую онъ былъ выдержанъ въ крѣпости и потомъ высланъ на службу въ Тулу съ учрежденіемъ надъ нимъ строжайшаго полицейскаго надзора,—

не считать препятствіемъ къ производству его въ слѣдующіе чины, равно къ предоставленію ему всѣхъ прочихъ правъ и преимуществъ по службѣ, кромѣ ордена Св. Владиміра 4 степ. за выслугу лѣтъ и знака отличія за безпорочную службу. Назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій V класса 1865 г. декабря 8; назначенъ исправляющимъ должность директора отдѣленія духовныхъ дѣлъ 1866 г. іюня 28;—17 января 1867 года уволенъ отъ сей должности съ назначеніемъ состоять при учредительномъ комитетѣ, при чемъ разрѣшено производить содержаніе по 4500 р. въ годъ; уволенъ отъ службы по болѣзни того же года октября 30.—Указомъ Правит. Сената отъ 8 декабря 1869 г. утвержденъ въ должности почетнаго мироваго судьи Борзенскго судебно-мироваго округа; приказомъ по министерству путей сообщенія опредѣленъ на службу въ сіе министерство съ причисленіемъ къ оному съ октября 1873 г.; таковымъ же приказомъ назначенъ въ временный статистическій отдѣлъ редакторомъ по изданію Журнала Министерства съ 1 мая 1874.; отчисленъ отъ должности старшаго редактора съ оставленіемъ по министерству чиновникомъ сверхъ штата 1875 г. января 1; уволенъ отъ службы согласно прошенію того же года іюля 31“.

Замѣтки о малорусской демонологіи.

III.

Черти [1]).

Первоначальное происхожденіе, дальнѣйшее размноженіе, наружность, превращенія. Умственныя способности, изобрѣтенія и договоры, жилища и собственность, охрана кладовъ. Разновидности чертей: домовые, лѣшіе, водяные и огненные змѣи.

Хотя произнесеніе имени *чорта* считается неприличнымъ въ Малороссіи и произносится крестьянами всегда съ предварительнымъ извиненіемъ, тѣмъ не менѣе, какъ въ печатныхъ этнографическихъ матеріалахъ, такъ и въ устахъ народа, у чорта очень много названій. Въ первыхъ его называютъ, между прочимъ, сатана, бисъ, той, рябый (Иващенко. Религіоз. культъ ю. рус. народа въ записк. Ю.-Зап. Отд. Геогр. Общ., II, 1874 г., 81). Во-вторыхъ онъ извѣстенъ еще подъ именами: сатанаила, сатанюка, идола, извира, фіона, ирода, змія, демона, дявола, дябела, чорта, чортяки, чорного, проклятого, лукавого, нечыстого, нечыстои сылы, несвидомого духа, куцого. Первоначальное происхожденіе фантастическаго существа, извѣстнаго подъ такими названіями, можно прослѣдить въ наше время, принявъ въ соображеніе слѣдующія данныя. У австралійскихъ дикарей души умершихъ, лишенныхъ погребенія, обращаются въ инговъ, духовъ, похожихъ на людей, но съ длинными острыми ушами и

[1]) См. Кіев. Ст. 1899 г. № 8.

хвостами. По новозеландскимъ понятіямъ, души умершихъ идутъ въ лѣса, становятся злыми духами и вредятъ даже своимъ близкимъ. Китайцы, индокитайцы и индійцы боятся душъ непогребенныхъ, прокаженныхъ, чумныхъ, умершихъ насильственною смертью и отъ родовъ. Бывали случаи самоубійствъ и убійствъ съ цѣлью мстить врагамъ по смерти въ качествѣ злого духа. (Тэйлоръ. Перв. культура 105, 106, 180—187). У классическихъ народовъ также души, лишенныя погребенія, дѣлались злыми духами—лаврами (Фюстель-де-Куланжъ. Древн. Общ. С.-Петерб. 1867 г., 35). У малороссіянъ утопленники, тѣла которыхъ не преданы землѣ, обращаются въ водяныхъ. (Ивановъ. Нар. разск. о домов., лѣш., вод. и русалкахъ. Харьковъ. 1893 г., 41). Въ чертей же обращаются и дѣти, убитыя матерями при рожденіи. (Чуб. Тр. Этногр. эксп. II, 379, 380). Подобные факты дали основаніе утверждать спеціалистамъ, что тѣнь умершаго—первичный типъ сверхъестественнаго существа, духи—души, генеалогія которыхъ современемъ утратилась (Спенсеръ. Основ. Соц. 304, 305, 314, 315 и 317), и что понятіе о человѣческой душѣ послужило типомъ, по которому складывались понятія и о прочихъ духовныхъ существахъ (Тейлоръ. 180—187).

Впослѣдствіи размноженіе нечистыхъ происходитъ троякимъ путемъ: захватомъ дѣтей, бракомъ съ женщинами и между собой. Черти захватываютъ проклятыхъ матерью дѣтей. (Чуб. Труды. I, в, I, 89. Рудченко. Нар. Ю. Рус. сказки. I, 79. Аѳан. Рус. нар. сказки. изд. 3., т. II, 81—84); могутъ они хватать и не проклятыхъ въ видѣ вихря, какъ видно изъ слѣдующаго народнаго разсказа, записаннаго въ с. Литвякахъ отъ Н. Кедевой. „На поли жалы чоловикъ та жинка, а выхорь схватывсь, подолу котывся, якъ ухопыть дытыну—та въ гору. Бижять ти люды, крычять:“ рятуйте, рятуйте! выхоръ дытыну вхопывъ.“ Давай воны пашнею махать навхрестъ. Нечыстый той якъ зъ пивверсты нисъ дытыну, потимъ ныже, ныже. Спустывъ. У тыждень померло“. Черти подмѣниваютъ также дѣтей на своихъ подкидышей (одминкивъ), которыми признаются дѣти, страдающія англійской болѣзнью (Чубин. т. 1, 193, 194 и т. II,

№ 97, 360—362). Лютеръ, признавъ мальчика въ Дессау такимъ подкидышемъ, совѣтовалъ его бросить въ рѣку (Буслаевъ. Судьба женщ. въ народныхъ книгахъ въ Библ. для чтен. 1864 г., III, 4). Въ предупрежденіе подобныхъ подмѣновъ почти повсемѣстно возлѣ роженицы ставятъ горящую свѣчу (мои Нар. обр. и пѣсни въ Лубен. у. со ссылкой на Тэйл. Перв. Культ. 258). Что касается до сношеній съ женщинами, то черти являются къ дѣвицамъ въ видѣ парней, между прочимъ и для того, чтобы жениться. Въ народномъ разсказѣ, записанномъ мною въ Лубенскомъ уѣздѣ, дѣвка, только споткнувшись и упавши, замѣтила, что женихъ ея чортъ, и отказала ему. Во многихъ народныхъ разсказахъ Лубенскаго уѣзда чортъ также является къ неутѣшной вдовѣ подъ видомъ покойнаго мужа. Напримѣръ: „Чоловикъ зъ жинкою жылы хороше, потимъ винъ умеръ. Скучала вона за нымъ, каже: колыбъ же винъ прыйшовъ до мене! Наварыла вечерять и сила, та знову: колыбъ мени, Господы, Васыль прыйшовъ. Колы гука: Марія одчыны!“ Одчынила вона,—колы Васыль. Посидалы воны вдвохъ вечерять. Буду я, каже, до тебе ходыть, буду й тишыть, и буду тебе любыть. Послалы постиль и полягалы спать. И винъ до неи ходывъ такъ, шо недиль до двохъ, и вона зробылась гладка,—такъ винъ іи втишывъ. Стала вона куми своій хвалыться: кумо! до мене чоловикъ ходыть. Кума пыта: якый?—Мій Васыль.—Э, ни, кумо, то не Васыль.—А шожъ воно таке?—А ты зъ нымъ удвохъ вечеряешъ?—Вечеряю. Навары вечерять и врижъ ему скибку хлиба и солы, а ложкы не вмочай въ страву. Та впусты ложку додолу пидъ стилъ и тоди побачышъ яки въ ёго ногы. Зробыла вона такъ, та якъ глянула, а въ ёго ногы у вовни. Вона злякалась, а винъ пыта: „чого ты мене лякаешся? Теперъ холодно, я грошей ниде не зароблю; то я полизъ на хату, та узявъ кожухъ, та пошывъ соби кожушани чоботы,—того въ мене и ногы такы страшни тоби, а ты не бійся мене, стелы постиль та лягай спать зо мною. Такъ воны ту ничъ переспалы. Вона наутро пишла до кумы опять, каже: эге, кумасю, правда ваша, бо, каже, ногы въ вовни, щей хвистъ ззаду. А кума каже: теперъ ты, кумо, вечерять не вары, а возьмы свое благословенье.

та якъ прыйде, то ты его перехрестышъ та швыдко тикатымешъ до мене. Прыйшовъ винъ до неи, щей сонце не зайшло. Вона й перехрестыла ёго своимъ благословеніемъ тай тикае прямо до кумы. Винъ за нею въ погонь. А кума вже одчыныла двери синешни и хатни. Вона мерщій въ сины вскочыла, а кума зачыныла двери. (Отъ кр. с. Литвяковъ Е. Пулькиной).

Подобные разсказы встрѣчаются еще въ сборникахъ: Аѳанасьева (Нар. рус. сказки изд. 3., II, 331), Иванова (Народ. сказки о вѣдьм. и упыряхъ., 225). Наши народные разсказы не даютъ никакихъ подробностей о связи дьяволовъ съ женщинами, по согласнымъ же показаніямъ вѣдьмъ всѣхъ странъ западной Европы проявленія нѣжности дьявола холодныя, ледяныя (Гейне. О Германіи III, 64). Тѣмъ не менѣе отъ дьявола рождаются дѣти. Такъ, въ 1743 г. въ Кіевѣ была убита бабами несчастная новорожденная дѣвочка, какъ „бѣсище". (Кіев. Ст. 1896 г., V. Докум. 39). Что въ народѣ существуетъ и представленіе о размноженіи чертей посредствомъ браковъ въ ихъ средѣ, доказывается повѣрьями о томъ, что мятель и вихорь—бѣсовскія свадьбы (Чуб. Тр. т. 1., в. 1., 30, 34, 35), и о рожденіи чертенятъ (ib. 190.), о принятіи послѣднихъ сельскою повитухою, получающею за то полотно, которое не убываетъ, покуда не будетъ развернутъ весь кусокъ. (Чуб. Труды, т. 1., в. 1, 193, 194, и II. № 97, 360—362); также многими варіантами сказки о чертовой матери, изображаемой обыкновенной малорусской бабусей, чуждой, какъ вообще вся женская половина нечистой силы, какихъ бы то ни было демоническихъ свойствъ. Вотъ какъ рисуетъ, напримѣръ, Пятигорская, Лубенскаго у., сказка чортову матирь: когда женщина, посланная сыномъ къ нечистой матери, вошла въ хату, „тамъ у горныци сыдила баба, хозяйка и спытала: „зачимъ ты прыйшла?" Та поздоровкалась, дае ій гостынець, паляныцю, и каже: „пославъ мене сынъ до чортовои матери, такъ я й прыйшла"; хозяйка іи прыгостыла добре, якъ слидуе, и выпровадыла іи и дала булку." Въ Литвяковской, Лубенскаго у., сказкѣ свиданіе съ нечистою матерью изображается почти такъ-же. Посланный къ ней „пидійшовъ пидъ викно и каже:

Хозяйка! пустить на ничъ. Выйшла баба, одчыныла двери и каже: куды тебе Богъ несе?—Пославъ мене братъ къ нечыстій матери. Увійшовъ въ хату, перехрестывсь. Баба каже: „Хай Богъ помогае". Другого посланнаго чортова маты ласково называетъ „сынку" и даетъ ему хорошіе совѣты. У нѣмецкаго чорта есть еще бабушка (Гейне. О Германіи. III., 70); о таковой малороссамъ ничего неизвѣстно. Черти не только раждаются и живутъ, но и умираютъ. Ихъ ѣдятъ волки, стрѣляютъ охотники, въ томъ числѣ знаменитый Семенъ Палій застрѣлилъ однажды чорта. Ихъ убиваетъ молнія и сжигаетъ солнце (Рудченко. Ю. Русск. сказки. I, 71—73. Чубинскій. Тр. т. 1., в. 1., 4, 19, 20, 34, 52. Кіевск. Стар. 1888 г., V., Док. 48). Не одной только слабостью своей природы схожъ украинскій чортъ съ древнимъ пастушескимъ и сельскимъ богомъ *паномъ*, а и наружностью: рогами, козлиными ногами въ шерсти, хвостомъ (Ящуржинскій „Превращ. въ малор. сказкахъ въ Кіев. Стар. 1891 г., III и IV, 83 и 450). Пальцы у чорта кривые (Аѳан. Рус. Нар. Сказки. I, 210). Эта наружность часто измѣняется, смотря по обстоятельствамъ, изъ прихоти и по необходимости. Часто является онъ въ видѣ барашка, бѣлаго барашка, овцы, барана (Гринченко. Этн. мат. II, 55. Ивановъ. Разсказы о домов., лѣш. 41. Чуб. т. 1, в. 1, 183, 193). У французскихъ крестьянъ чортъ также появляется бѣлымъ ягненкомъ, который можетъ опрокинуть въ воду подошедшаго неосторожно, или чорнымъ, хромымъ. Сжалившись, крестьянинъ беретъ послѣдняго на плечо и несетъ. Ягненокъ дѣлается тяжелѣе и тяжелѣе, вдругъ съ хохотомъ объявляетъ, что онъ дьяволъ, и убѣгаетъ (Journal des voyages 1896. № 972, p. 195 [1]). Кромѣ того, чортъ превращается еще въ козленка и коня [2]) (Ящуржинскій, о превр. въ Кіев. Стар. 1891 г., III, 450), въ какомъ видѣ представляли его и малорусскіе писатели: Гоголь и Стороженко, а также въ бѣлую собаку, чернаго пѣтуха. (Ящуржинскій. Ib. V., 85), бѣлаго пѣтуха (Гринченко II., 76), ворона (Чуб. I, в. I, 22).

[1]) Сравни также „Бѣжинъ Лугъ" Тургенева

[2]) По народному повѣрію, встрѣчающемуся у Чуб. (Труды т. 1., вып. 1. 49), лошадь—разъ навсегда превратившійся чортъ.

Чортъ превращается во всевозможные человѣческіе образы: груднаго ребенка, какъ видно изъ слѣдующаго народнаго разсказа. Сыдила жинка зъ дытыною зъ вечора, а чоловикъ спавъ. Колы чуе, щось шумыть, гуде, мовъ йиде. Пидйихавъ тай гука: „одчыны, молодыце!" А вона злякалась, впустыла дытыну зъ рукъ тай мовчыть, побилила. А воно за викномъ: „одчыны намъ, хочъ дытыну переповыть." Колы це дытына за викномъ не своимъ гласомъ: кова, кова! Молодыця тоди на чоловика: Демыде, Демыде! Схватывсь винъ до викна, а воно якъ загуло, а дытына: кова, кова! (отъ кр. м. Снѣтина Харитины Олійныковой). Въ народныхъ же разсказахъ Лубенскаго уѣзда чортъ часто является въ видѣ мальчика съ большими сверкающими глазами, также „хлопця такого, якъ орапъ". Въ такомъ же видѣ встрѣчается онъ въ сборникахъ сказокъ: Рудченка и Аѳанасьева (т. 1. 201). Часто встрѣчается дьяволъ и въ видѣ парня, ухаживающаго за дивчатами, напр., въ слѣдующихъ народныхъ разсказахъ. 1, До однієи дивкы чотыри годы ходывъ парубокъ. Потимъ винъ пойихавъ на поле, а вона не знала, що винъ пойихавъ. Выйшла вечеромъ гулять и догуляла до пивночи. Нема женыха. Пишла у клуню спать. Лягла, лежыть и дума: чы прыйде, чы ни? Прыходыть, сило на полу, насиння луза изъ запилу. Потимъ якъ поросне лушпыны, ажъ луна по клуни пишла. Вона говорыть: „се ты?"—Мовчыть. Лежыть вона ни жыва, ни мертва. Потимъ схватылося, въ долони заплескало и хто й зна, дей дилось. 2. Ходылы на досвиткы дивкы и въ однін женыхъ бувъ. Полягалы спать, не диждалы того женыха, и такъ, шо вже вси поснулы. Прыходыть щось пидъ викно и стукае. Дивка почула, думала, шо то іи женыхъ, пишла одчынять. Дойшла до викна, колы стоить щось чорне выще викна. Вона дума: чы винъ, чы не винъ? Пишла двери одчыныла и пустыла ёго. И думае: оце жъ винъ увійде у хату. Жде, жде—немае. Що-жъ се, думае, мовъ пидъ викномъ не винъ стоявъ? Острахъ іи взявъ, давай будыть дивчатъ: „ходимъ шукать, шо воно таке? И передывылысь—и нема ничого. (Отъ кр. м. Снѣтина Пелагеи Одокіенковой).

Прикидывается нечистый и сосѣдомъ крестьянина, какъ въ слѣдующемъ разсказѣ. Покійный Савка йихавъ зъ ярмолку ниччю. Стрича ёго мужыкъ и каже: здрастуйте! пидвезить мене. Савци показуется мовъ сусида: „сидайте, каже, пидвезу.“ Сивъ той на визъ. Такъ важко стало коняци везты, що й не пидвезе. Прыйихалы додому; вставъ Савка, товариша нема,—дився, хто й зна де. Шукае Савка, каже: я съ товарышомъ йихавъ.—Да Богъ съ тобою, де той товарышъ? каже жинка.—Поклыкать товариша вечерять! Шукалы, шукалы, не нашлы. Повечерявъ Савка, лигъ спать—на вози шось пыщыть, потимъ стогне. Иззыва винъ посемейство—не чуть. Та мабуть такъ изъ тыждень Савци було: все прысоглаша: сидайте коло мене, вечеряйте! А то забуваєтся, бижыть. Покы не освятылы хаты; ажъ тоди нечыстый годи, одсахнувсь. Нечыстый подарывъ Савци накожни (отъ Н. Кедевой, с. Литвяковъ). Въ другомъ народномъ разсказѣ Лубенскаго у., чортъ въ видѣ товарища крестьянина, шедшаго жать очеретъ, завелъ того далеко въ болото. Чортъ, служащій работникомъ у хозяевъ, любимая тема народныхъ разсказовъ. Здѣсь производитъ онъ чудеса: въ одно мгновеніе скашиваетъ цѣлыя поля пшеницы, перевозитъ и вымолачиваетъ заразомъ скирды. Въ сказкахъ Аѳанасьева онъ служитъ рабочимъ у горшечника (т. II, 331). Онъ отслуживаетъ у бѣдняка за похищенный послѣдній кусокъ хлѣба (Манжура. Сказки во II т. Сб. Хар. И. Ф. Общества, 127). Таже тема переработана Манжурой въ соч. „Якъ чортъ шматочокъ хлиба одслужувавъ.“ Она же введена въ нравоучительную комедію графа Л. Н. Толстого: „Первый винокуръ.“

Иногда чортъ появляется еще въ сказкахъ священникомъ, паничемъ, паномъ, сходно съ западноевропейскими представленіями—кавалеромъ съ огненнымъ перомъ (Чуб. Тр. эксп. 1, в. 1, 183—186. Гейне. Герм. III, 64).

Таковы внѣшнія особенности малорусскаго дьявола; качества же его ума представляются народному воображенію въ слѣдующихъ чертахъ. Въ большинствѣ разсказовъ чортъ изображается глупцомъ (Гринченко. Этн. Мат. II. 60); его прово-

дитъ наймитъ (79), бьетъ мирошникъ (61), бьетъ и обманываетъ баба (85. Рудченко I, № 29). Чортъ въ состояніи отгадать, на чемъ ѣдетъ крестьянинъ, въѣзжающій на поле верхомъ на женѣ (Чуб. Труды II, № 100, 365, Рудченко. I, № 30, 54—56). Чортъ вообще подчиняется бабѣ. Она мучитъ, бьетъ, щипаетъ чертей (Аѳанасьевъ. Сказки. II, 391—393), стрижетъ, обваривъ голову кипяткомъ, больно брѣетъ (Сумцовъ. Малор. Сказки изъ XXII кн. Этн. Обозр., 128). Сказки о недогадливости чорта извѣстны въ славянскомъ, нѣмецкомъ фольклорѣ (Аѳан. I, 201—204) и у валлоновъ, (E. Monseur. Le Folklore Wallon. 56, 58), гдѣ чортъ получаетъ при испольной работѣ на свою долю листья моркови, солому, какъ и въ сказкахъ Рудченка. На основаніи такихъ данныхъ, и малорусскіе писатели сдѣлали невыгодное заключеніе ооъ умственныхъ способностяхъ чертей: Иващенко говоритъ, что чортъ вообще не очень страшенъ, является простакомъ и попадаетъ въ сѣти (Религ. Культъ ю. р. народа въ Зап. Ю.-Зап. Отд. Геогр. Общ. II, 82, 83). В. П. Горленко также объясняетъ, что черти въ малорусскихъ сказкахъ изображаются въ видѣ куцыхъ въ комическомъ видѣ (Завѣты деревни. 217). Чубинскій замѣчаетъ, что чортъ скорѣе комическое, чѣмъ грозное существо (в. II). Богдановичъ въ „Замѣткахъ о Полтавской губ.“ называетъ его шутомъ. Почти такого же мнѣнія былъ и покойный Костомаровъ. Чортъ сомнительный изобрѣтатель и техникъ. Его изобрѣтенія какъ то незакончены. Онъ сдѣлалъ возъ, но не могъ догадаться, какъ его вывезть изъ мастерской. Онъ же изобрѣлъ мельницу, но не могъ ее достроить. (Чуб. Труды. I, в. I, 104, 106). Въ другомъ видѣ, впрочемъ, представляетъ послѣднее изобрѣтеніе народный разсказъ, записанный въ с. Хитцахъ, Лубенскаго у. Зробывъ хозяинъ млынъ зовсимъ и молоть ставъ, такъ тилькы сыдыть, изъ миркы жменею насыпа пидъ камень. Прыходыть до ёго чортъ: „Здоровъ!“—Здоровъ.—Шо ты робышъ?—Мелю, насыпаю зерно.—Шо ты мени дасы, якъ я такъ зроблю, шо само зерно бигтыме?—Шо ты схочешъ?—Я схочу, шо якъ насыпать у мирку, та шо розсыплется, то мое.—Ни, я такъ не обищаю,

а то ты нарошне пидчепышъ; а то, шо хазяинъ украде, або мирошныкъ. И такъ винъ зробывъ ёму кишъ и корычче, и стало падать зерно пидъ каминь (отъ И. Нагорянскаго).

Этотъ разсказъ вводитъ насъ въ малоразработанную народнымъ воображеніемъ сферу договоровъ съ дьяволомъ. Извѣстно только, что условіе заключается на перекресткѣ кровью изъ мизинца контрагента (Чуб. I, в. I., 184, 187, 189). Такой пріемъ употреблялся обвиняемыми: Ильей Човпилой, „записавшимся кровью своею князю бѣсовскому и всѣмъ бѣсомъ на службу съ душею и тѣломъ на тридесять лѣтъ", и Иваномъ Роботой, отступившимъ отъ Бога и предавшимъ себя демону. (Кіев. Стар. 1882: II, 430 и VII, 183—186). При всей краткости малорусскихъ свѣдѣній о договорѣ съ чертями, замѣтно однако, что здѣсь дьяволъ представляется далеко не тѣмъ блестящимъ юристомъ, знатокомъ теоріи договоровъ, увлекшимъ нѣкогда папу Сильвестра въ адъ съ хвастливымъ восклицаніемъ: „tu non pensavi gu'io loico fossi!" (Гейне. Герм. III, 67), какимъ онъ является на западѣ. Напротивъ, у насъ юридическія способности дьявола признаются посредственными, что видно, между прочимъ, изъ граціознаго разсказа, записаннаго отъ Н. Кедевой, сел. Литвяковъ. Жыве чоловикъ бидненько, надумавъ: „пиду десь грошей чы не розжывусь". Иде лисомъ, а проты ёго дидъ: „здоровъ, чоловиче!—Здоровъ.—Куды ты идешъ"? Пиду, чы не дасть хто грошей.—Еге! Иды й я дамъ. Въ тебе жинка хороша?—Хороша.—И диты йе?—Йе.—Я тоби дамъ грошей, а ты жъ мени 'ддасы матирь изъ дитьмы?—Оддамъ. У вивторокъ прыйдешъ за грошьмы. Пишовъ той чоловикъ у вивторокъ за грошьмы. Выходыть до ёго иродъ: „ну, иды, каже, мишокъ наставляй. Узявъ насыпавъ: „ну, каже, несы; а я прыйду до тебе у середу ввечери за матирью и за дитьмы". Чоловикъ прынисъ грошы до дому и не хвалытся жинци, шо буде. Просятся до ёго у середу два старци на ничъ. Винъ и каже: „я бъ пустывъ васъ, люды добри, такъ не пущу.—Чому не пустышъ"?—Я такъ бидно жывъ и ходывъ грошей шукать, та давъ мени иродъ, а я пообищавъ матиръ зъ дитьмы оддать, такъ сёгодня прыйде у ве-

чери. Старци кажуть: ничого, хоть и прыйде, мы не боимось. Колы се такъ якъ часивъ у дванадцять иде и пидъ викно каже: „здоровъ бувъ одынъ“! А старець и каже: „у двохъ добре говорыть, а въ трёхъ молотыть, а четверо колисъ—то буде визъ, а пьятого колеса не треба до воза“,—а тоди чоловикови: „йе въ тебе квочка зъ курчятамы? Возьмы вловы та выкынь ёму“. Чоловикъ той узявъ, уловывъ и выкынувъ ему квочку—матирь зъ дитьмы. А иродъ и зговорывъ: „ну, щастя твое, шо такъ изробывъ: и деньгы пожывъ, и жинка дома зосталась“.

Болѣе изобрѣтательности обнаруживаетъ дьяволъ въ распространеніи зла, какъ видно изъ слѣдующихъ устныхъ и печатныхъ источниковъ: чортъ, научивъ человѣка музыкѣ, при этомъ калѣчитъ его (Чуб. Труды. II. № 99, 364—365); крадетъ деньги у скупца, который вѣшается. (Чуб. II, № 107, 381); сжигаетъ пасѣчника въ куренѣ; отуманиваетъ человѣка такъ, что тотъ рѣжетъ жену вмѣсто овцы. Черти, явясь на досвитки подъ видомъ парней, отрѣзываютъ головы дѣвушкамъ и вѣшаютъ за косы на колья (Такой же разсказъ у Иванова, Домов., лѣш., 30).

Особенно замысловата сказка, записанная въ с. Хитцахъ отъ И. Нагорянскаго. Бувъ бидный парень и зачавъ свататься. Не посватавсь; иде дорогою, зострича ёго нечыстый духъ: „де ты бувъ“?—пытае.— Свататься ходывъ и давно сватаюсь и ніякъ не посватаюсь черезъ то, що я бидный, нема у мене ничого. Нечыстый каже: „я тоби совитъ дамъ, тильки послухай мене. Пиды ты въ городъ и наймы соби хату и до тебе щобъ нихто не ходывъ, опрочи я ходытыму; и симъ годъ не стрыжысь, симъ годъ не вмывайся, симъ годъ нихти не зризуй, а я буду до тебе ходыть, деньгы износыть. И зажывешъ соби грошей много. Будешъ ты людей рятувать тимы гришьмы—позычать. Прыйде до тебе генералъ позычать гроши по несчастю, що винъ вызычывъ зъ казны денегъ и казна ёго хоче цинувать, и ты ёму зговорышъ: вызычыть вызычу, а ты мени дочку оддашъ замижъ. А въ генерала тры дочкы и винъ скаже не могу такъ, треба роспытаться дочкы. Такъ и було, якъ казавъ нечыстый.

Пишовъ генералъ, спытавъ старшои дочкы: желаешъ замижъ за такого то выйты?—Не хочу!—Сейчасъ голову долой! Середульша сказала: „я пиду, хочъ винъ некрасывый, я васъ пожалію". Пишовъ генералъ, говорыть: „оддамъ дочку, тилько не старшу; середульша охотытся.—Для мене все ривно, хочъ и найменьшу", каже парень. И вызычивъ грошей. „Ну, голубчыкъ, каже генералъ, прыбувай, когда ты схочешъ, оддамъ дочку." Явывся до того парня чортъ: „ну, теперъ я тоби дамъ друге наставленіе: иды до цюрюльныка, хай тоби бороду побрые, хай тоби волоса подстрыже, хай нихти позризуе. Пиды у лавкы и купы соби саму найдорогшу одежу и надинь на себе усе убранння. Прыбрався винъ, тоди пишовъ до генерала дочкы сватать и на середульшій батько благословывъ винчаться. И тоди уже старша изъ своеи досады пишла та повисылася. Прыходять воны зъ винчання и нихто не бачывъ, а молодому ввыдився той самый, що наставленіе дававъ.—Наставывъ, каже, тебе хазяиномъ и хорошу жену тоби дав, а соби другую узявъ, старшую дочку генеральску. И съ тимъ розійдимося!

Чертямъ приписывается изобрѣтеніе водки и табака (Чуб. I, в. I. 109. Манжура въ Сб. Харьк. И. Ф. Общества II, 145).

Мѣстная легенда передаетъ слѣдующее о происхожденіи табака. Нечыстый хоть кого искушае, и въ церкви, якъ служеніе йде, такъ и винъ йе. Винъ тилькы тоди выходыть, якъ херувымъ поють. Батюшкы сказалы понавишувать на всихъ викнахъ во имя Господне, шобъ винъ не могъ никуды выскочыть изъ Божого храма. Такъ винъ, якъ сталы херувымъ спивать хотивъ выскочыть, такъ не могъ. До дверей прыбигъ—не можна, у викно плыгнувъ—упавъ, заревивъ и убывсь. „Хай лежытъ, кажуть батюшкы, покы служеніе отойде". Тоди его взялы, вынеслы и думають: що ёму робыть: закопать? Спалыть его, шобъ не було его й памяты. Насходылысь туды паны дывыться. Спалылы его, и нема зъ его попелу, а тилькы, де винъ перегоривъ, симена сталы. Паны радятся: що жъ воно за симена? Одынъ помищыкъ забравъ и посіявъ дома, шобъ подывытысь, що буде изъ тихъ сименовъ. Выоралы велыку грядку таку, засеменылы,

посіялы. Поросла трава, изйихалысь паны уси до миста, дывлятся—поросла якась травка, а хто ёго зна, къ чому вона прыходытся? Ось йиде чужый панъ до йихъ: „здрастуйте господа, шо вы тутъ ходыте?—Удывляемось, шо вона за травка.—Вона очень хороша, людямъ пользуе. Іи курыть кажному чоловику хороше, робытся полегкисть. Розсказавъ той чужый панъ, що коло табаку робыть, якъ и пасынкувать. И тоди попрощавсь и каже своему кучерови:“ не журысь, брате, наша фамылія не пропала, не пишла нивощо, скризь будуть потреблять. То бувъ нечыстый (отъ коз. с. Литвяковъ Д. Бугаевой). По другому мѣстному разсказу, черти отвлекають шедшаго въ церковь крестьянина въ лѣсъ и здѣсь дарятъ ему трубку и научаютъ курить. Чортъ поднесъ также табакъ пустыннику (Кіев. Стар. 1888 г., IV, 22); захватилъ и унесъ дитя, понюхавшее табакъ (ib., V; 55). Чортъ развелъ и сорныя травы: осотъ, папоротникъ, кукиль [1]) и др. (Чуб. Тр. I, в. I, 81. Номисъ. Укр. прыказкы. 198).

Излюбленными жилищами чертей, кромѣ ада, признаются: болото, камышъ, бузинный кустъ, сухая верба (Чуб. т. I, в. I, 76, 77, 70. Иващенко. Зап. Ю.-Зап. Отд. Геогр. Общ. II, 82), вода, входя въ которую приговариваютъ: чортокъ, чортокъ, не ламай кистокъ, ты зъ воды, а я въ воду (ibid. 83). Здѣсь онъ, однако, не можетъ находиться постоянно. Якъ на голодный святъ-вечиръ на іордани святять воду, чорты выходять изъ воды. Маты казалы, шобъ ни валу, ни ганчирокъ, ничого не було тоди на двори. Кажуть, нибы то винъ ховается у валъ, або въ ганчирку (отъ кр. с. Литвяковъ Е. Павликовой). Лубенская веснянка также признаетъ болото жилищемъ дьявола... А сей буде у болоти межъ чортамы старшый (мои Обр. и пѣсни Луб. у. 81). Чортъ пребываетъ еще въ глубокихъ оврагахъ, корчмахъ, сараяхъ, пустыхъ полуразрушенныхъ зданіяхъ, мельницахъ (Чуб. Тр. I, в. I, 104, 109, 185, 187 и 189). По Лубенскому повѣрью: на всякому млыни йе чортъ. Витеръ маленькый и вси млыны стоять, а одынъ росходытся такъ, шо ничого не можна зробыть. И

---

[1]) Cirsium arvense, L. Aspidium Filix mas L., Agrostemma Githago. L.

крыло одибье и пальци повыбывае, покы чортъ не награется" (отъ И. Нагорянскаго, с. Хитцовъ). Кромѣ такихъ излюбленныхъ жилищъ, черти удерживаютъ еще иногда право собственности надъ извѣстными мѣстами, какъ видно изъ слѣдующихъ разсказовъ, записанныхъ отъ коз. с. Литвяковъ Даріи и Лукеріи Бугаевыхъ. Старый оравъ по весни писля велыкодня, а я зъ дытыною дома була, да зовыця. Богу помолылысь, викна похрестылы и полягалы. Лежымо, я поколыхую дытыну въ колысочци ногою, колы якъ загурчыть на хати двичи, такъ просто такъ, якъ що возомъ пройихало, а на полу и глына одъ стели поодпадала... и не чуть. Колы слухаемъ—у хижи стука, мовъ майструе сокырою. Та дивчына лежыть та каже: „що намъ теперъ робыть: чы тикать, чы крычать? Бильшъ часа мы лежалы, а воно майструе. Трошки одійшлы, повставалы, посидалы, ну тикать у двери—що Богъ дасть! Колы воно якъ трисне у двери, я думала, що смерть; а мы за дытыну, та на пилъ у викно. Выскочыла попереду дивчына у викно, подала я ій дытыну, колы якъ упаде горщыкъ изъ полыци до долу, и мы упять поднякалысь, тамъ и попадалы биля викна. Господы, се злодій, намъ хоть бы зъ душамы утекты! Побиглы у сарайчыкъ, тамъ у гори покладени дошкы, изсадыла я туды дивчычу и дытыну подала, а сама не злизу—высоко. Выйшла зъ сарайчыка, подывлюся пиду, що воны забралы. Не можна до хаты дійты—страшно. „Сыды-жъ ты, Марье, а я буду тикать". Утекла до дядыны, черезъ тыны плыгала, гукаю: „дядынко, одчыныть! Вона одчыныла, помитыла, пыта: „чого ты, Богъ зъ тобою? иды въ хату". Увійшла я въ хату, засунула дядына двери, засвитыла. Стала я розсказувать. „Боюсь, каже дядына, и я". Сыдила я часивъ два.—„Ходимъ, обдывымось". Финарь засвитылы. Обійшлы кругомъ хату, нема ниде ничого. Одсунулы двери, війшлы въ сины, драбына въ синяхъ стояла. Колы воно взяло драбыну ту поставыло пидъ двери пидъ шпугу и пидперло такъ, що нема средства вырвать драбыны: такъ поставыло мицно. Очепылысь у трёхъ, не вырвемъ. Сказалы батьку, а винъ и каже: то васъ лякавъ домовыкъ". А дядына и каже: „навады

ладономъ у хати".—„Половына нашои старои хаты була не на хорошому мисти. Було якъ не скинь колыскы до долу, то вона по всій хати гайдаса, а то на хати щось гуркоче, двери пидпира драбыною. Маты сталы казать, шобъ нову строилы хату, бо не можна жыть: боятся. Батько выстроилы другу хату и перешлы жыть, а ту стару панявъ чоловикъ. Отъ лигъ винъ на печи спать, колы воны на полу танцюють и грають. Дывытся—люды, тилько чорни и хвосты ззаду. Одни танцюють, а други грають. На другу ничъ чоловикъ той лигъ на полу. Пишовъ винъ на двиръ; иде зъ-на-двору, не найде дверей,—усе вовна. Пиднявъ рукы у гору, не найшовъ стины, а лапнувъ за пыку за страшну, бородату. Такъ воно кынуло того чоловика объ землю, выбыло руку и ногу". Для избѣжанія подобныхъ столкновеній вездѣ въ Малороссіи при выборѣ мѣста подъ избу насыпаютъ рожь въ четырехъ углахъ предположенной постройки, и если рожь тронута, лучше не строиться:" будуть чорты товктысь" (Чуб. Тр. I, в, I, 101, Nowos. Lud. Ukr., 163). Изрѣдка, впрочемъ, удается крестьянину и уживаться съ чортомъ въ одной хатѣ (Чуб. I, в. I, 4).

Черти, по народнымъ повѣріямъ, владѣютъ не только обозначенными частями земной поверхности, но и ея нѣдрами, гдѣ оберегаютъ заклятые клады (Ивановъ. Нар. разск. о клад. въ Харьк. Сбор. 1890 г., в. IV, 31, Чуб. Тр. I, в, I, 96).

Близкая связь чертей съ кладами видна между прочимъ изъ того факта, что какъ тѣ, такъ и другіе превращаются въ одинаковыхъ животныхъ. Такъ, въ народныхъ разсказахъ Лубенскаго у. кладъ открылся запряженнымъ экипажемъ, „кони ротамы зивалы, гралы", а въ ночь подъ Рождество вороной конь переходилъ дорогу дѣтямъ, шедшимъ въ церковь. Тоже и въ двухъ слѣдующихъ Снѣтинскихъ преданіяхъ: I, У Снитына на велыкдень ишовъ чоловикъ и бачывъ лёхъ у гори одчыненный, и свитло горыть, и у лёху билый кинь стоить коло дверей. Пиднявсь витеръ, щось хряпъ, хряпъ—и все засунулось зъ горы, не знать и дверей. И теперь за горою есть мовъ ривець (отъ Н. Ивахненка). 2, У Снитыни одкрывався лёхъ. У тому лёху

бувъ дидъ, сывый кинь и собака. Туды ходылы съ процесіею, такъ не війдуть: свичи тухлы". Кладъ въ видѣ коня встрѣчается и въ печатныхъ источникахъ: у Иванова (Харьк. Сб. IV, 12, 25, 26, 32), Гринченка (Этн. мат. II, 142), Арендаренка (Зап. о Полт. Губ. II, 219). Затѣмъ кладъ появляется въ видѣ: быка (Ив. 27), бѣлаго барана (ib. 28), козла (ib. 14), козы [1]) (Чуб. I, в. I, 98), свиньи (у Иван. 29), собаки (ib. 12, 27. Аренд. 219), кошки (Чуб. I, в. I, 99), пѣтуха и курицы (у нихъ же). Кладъ часто появляется и въ видѣ старика (Иван. 22, 23, Аренд. 219)— у бѣлоруссовъ бѣлуна, живущаго во ржи. Кто утретъ ему носъ, получаетъ золото изъ торбы (Зап. Имп. Рус. Геогр. Общества. V, 54).

Въ народную демонологію входятъ также: домовые, лѣшіе, водяные и огненные змѣи. О первыхъ въ срединѣ Малороссіи не сохранилось никакихъ повѣрій, за исключеніемъ только того, что домовой показывается въ страстной четвергъ на чердакѣ. Въ Харьковской же губерніи довомой бываетъ видимымъ еще подъ Рождество, Новый годъ, Свѣтлый праздникъ, иногда и въ другое время. Появляется онъ то человѣкомъ въ шерсти или старикомъ, то бараномъ, собакой, козломъ (Ивановъ. Нар. раз. о домов., лѣшихъ и т. д. 9—11, 21, 22, 24, 25). Характеръ домового двойственъ: въ глуши онъ хранитъ еще черты предка,— принимаетъ участіе въ дѣлахъ и работѣ хозяина, даетъ ему совѣты, хранитъ обычаи и благопристойность, не позволяетъ, напр., женщинамъ спать нагими (Ивановъ. 2—4, 13—18), обрываетъ волосы женщинамъ, ходящимъ съ непокрытой головой (Скубакъ. Харьк. Сб. 1890 г. IV, 55), но не входитъ въ связь съ ними (Иван. 5). Въ другихъ случаяхъ домовой ничѣмъ не отличается отъ дьявола. Въ сборникѣ Манжуры (Сб. Хар. Ист.-Фил. Общ. II, 129) домовой любезничаетъ на чердакѣ съ бабой и лазитъ въ окно къ дивчинѣ подъ видомъ парня. Затѣмъ и повѣрья о лѣшемъ въ Малороссіи не могли достичь того развитія, что на сѣверѣ, уже по недостатку лѣса. Здѣсь онъ сохраняетъ еще иногда наружные признаки сильвана и сатира

[1]) Въ этомъ же видѣ у валлоновъ (Monseur Le Folk. Wallon., 5).

(Ивановъ. Разск. о домов., лѣшихъ и т. д. 32. 38), но большею частью ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго дьявола, превращаясь въ тѣхъ же животныхъ (ib. 33., 37) и занимаясь тѣмъ-же: кражей новорожденныхъ и проклятыхъ дѣтей, покупкой душъ, похищеніемъ женщинъ и связью съ ними (33, 35). Въ Малороссіи сбившійся съ дороги путникъ вѣритъ, что надъ нимъ шутилъ лѣшій (ib. 37, и въ моемъ очеркѣ: Этногр. элем. въ повѣсти Гоголя „Заколд. Мѣсто", въ Кіев. Стар. 1897 г., IX, стр. 57—59). Водяной также признается въ настоящее время обыкновеннымъ демономъ, живущимъ въ водѣ. (Ивановъ. Нар. разск. о домов., лѣш., вод., 38). Чаще всего онъ превращается въ рыбу и человѣка, хотя можетъ появляться по временамъ и тѣми же животными, что и другіе черти. Въ народныхъ разсказахъ Иванова водяного вытягиваютъ изъ воды на крючкахъ. Въ народномъ же разсказѣ Лубенскаго у., водяной, пойманный сѣтью, ударилъ по лицу рыбака хвостомъ и убѣжалъ потомъ изъ хаты съ большимъ шумомъ. Водяной, превратившись въ человѣка, сначала мирно бесѣдуетъ съ рыбакомъ, куритъ трубку, потомъ вдругъ опрокидываетъ и выбрасываетъ на берегъ челнокъ, пытаясь утопить собесѣдника. Въ разсказахъ Иванова (38, 43) водяной также опрокидываетъ лодки, портитъ мельницы и рветъ плотины.

Повсемѣстно въ Малороссіи сохранились еще воспоминанія о жертвахъ водянымъ. Въ Харьковской губ. для умилостивленія водяныхъ имъ подносятъ соль, хлѣбъ, вареную рыбу, павшихъ лошадей и мертворожденныхъ дѣтей (ib. 39, 44). Пчеловоды, для успѣха пасѣки, топили первый рой въ жертву водяному или домовому (Потебня" Объясненіе малор. и сродн. пѣсенъ. II., 237). По Снѣтинскому повѣрью, „якъ водяни чорты гребли рвуть, то воны сердются, шо нема имъ прыходу ніякого, такъ треба имъ коня вкынуты въ воду въ зброи, або хочъ и изъ возомъ" (отъ К. Приходькиной).

О жертвахъ же говорятъ и слѣдующіе разсказы Лубенскаго уѣзда. Бувъ соби чоловикъ и въ ёго була дивка. Йиздывъ рыбы ловыть, и хто не пойиде, нема, а въ ёго повенъ човенъ.

Ну, до того дійшлося, шо явылыся нечысти ёму на лыцо и кажуть: „ты не самъ ловышъ, а мы тоби наганяемъ. Шо ты намъ за те дасы?“ А винъ каже: „шо жъ я вамъ дамъ, якъ у мене ничого нема?“ И винъ саме насередъ ямы. Воны кажуть: „якъ ты намъ ничого не обищаешъ, мы тебе утопымъ.“ Такъ винъ сказавъ: „есть у мене дочка Марына, берить іи. Ось прыйихавъ додому й хвалытся:“ Баба каже; „хай тебе самого возьмуть, якъ Марыну оддавать!“ Черезъ время пойихавъ винъ зъ Марыною по дрова. Ось йидуть зъ дровамы, винъ сивъ на саны наверхъ дровъ. И де взялося тры квака и кажуть: „ты намъ пообищавъ Марыну, а баба твоя не повелила.“ Ось покы прывезла додому та дивка, а ёго й духу нема (отъ Г. Нагорянскаго, Хитцовъ).—Найшла маты соби дытыну, и стало воно плакать, а маты каже: „шобъ тебе чорты взялы!“ Стала та дивчына росты. Росте, росте, якъ зъ воды иде. И стала вже дивка така, шо сталы люды сватать. Посваталы іи люды и то вже таке до винця иты. Пишлы воны; идуть одъ винця и сталы черезъ греблю иты и молода въ жовтихъ чоботихъ. И вмазала молода чобитъ, каже: „теперъ же вы идить помаленьку, а я чобитъ обмыю.“ Вона тилькы стала чобитъ обмывать, взяла въ воду упала. Тутъ зробылы крыкъ, шо втопылась молода. Сталы люды іи шукать, вытягать. Потимъ іи не нашлы. А той молодый оставсь вдовцемъ. Такъ іи почалы помынать, шо вона умерша. И такъ може й годъ, може й два не було звисткы ніякои. Потимъ у сусиды найшлася дытына у жинкы. Прыйшовъ винъ просыть тіи молодои маты: „ходимъ, бабусю, до насъ.“ Вона пишла, побула, свое дило зробыла, вернулась до дому и лягла спать. Колы шось пидъ викно стука и гука: „бабусю одчынить! Ходимте до насъ.“—Я у васъ вже була.—Ходимъ пожалуста ще. Вона вбралась, пишла. Винъ іи вивъ, вивъ, узявъ та вкынувъ у воду. Колы тамъ у води такый домъ хорошый и дочка іи ридна, та, що втопылась, тамъ сыдыть, каже: „спасыби вамъ, мамусю, шо прыйшлы до мене, мене одвидалы. „Бабувала стара у своій дочкы, потимъ пыта:“ колыжъ вы мене, диты, одведете до дому?“ А винъ каже: „колы прывивъ, тоди й одведу“. Диждалы вечера,

винъ іи взявъ и понисъ до дому. „Ну, каже, стара, прыходьте прошу покорно и до мене въ гости.—Спасыби, що клычете, прыйдемъ. Диждалы велыкодныхъ святъ, посходылыся до матери уси тры дочкы и уси тры зяти. Гостювалы воны въ день якъ слидуе буть, а то вже вечиръ, и допылыся воны до того, що той нечыстый пишовъ поверхъ столу танцювать. А ти старши сестры зробылы зъ соломыны хрестыкъ та ёму ззаду встромылы за комиръ. Такъ винъ тамъ такъ и лопнувъ. Его молода плаче: „нащо вы мене осыротылы? Теперъ же мени ни до васъ, ни до ихъ. Лучче бъ мене не клыкалы [1]) (Отъ кр. с. Литвяковъ Е. Пулькиной).

Въ Малороссіи сохранилось гораздо болѣе повѣрій и разсказовъ объ огненныхъ змѣяхъ, чѣмъ о другихъ фантастическихъ существахъ, кромѣ, конечно, чертей, что объясняется постоянной поддержкой этихъ повѣрій свѣтовыми явленіями, о которыхъ очевидцы передаютъ слѣдующее. „Я ще дивкою бачыла змія. Идемо зъ подругамы зъ улыци додому, то винъ летыть зъ-за Сулы, такый мовъ жменя конопель. (Литвяки). Летивъ винъ, якъ вязка соломы, я упала ныць. (Пѣски). Я на вику чотыри раза бачывъ змія: первый разъ стояло насъ на юлыци шисть парубкивъ. Колы, де й винъ узявсь, летивъ клубкомъ и обсыпавъ насъ искрамы. Полетивъ на проваля. Другый разъ ишовъ я самъ на юлыци, спиваю. Винъ мовъ зъ Чумакова двора на Марьинъ садъ полетивъ. Летивъ нызько, такый якъ михъ ковальскій. Третій разъ насъ двое и дви дивчатъ гулялы. Летивъ винъ высоко зъ Якымовои левады. Родъ дныща, роспарусывсь и искры мали. Четвертый разъ я волы пасъ. Летивъ винъ тоди найвыще зъ Снитына на Стинку. Мовъ угору та вныз якъ горобець (Снѣтинъ). Бачывъ змія; якъ сорока, и стать якъ сорока. Носъ довгый. Искрыть дуже напередъ и назадъ. Зайшовъ за хмару (Лазирки). Двичи бачыла змія: голова—клубокъ, а дали мотовыло. Згынается, якъ гадына. Нызько летивъ, искрывъ. (Пяти-

---

[1]) Настоящая утопленница, ставъ женой водяного, не пріобрѣтаетъ никакихъ демоническихъ свойствъ русалки и русалкою народомъ не признается и не называется.

горцы). Летило таке якъ заступъ. Упало мовъ дижа (Войниха). Сидила я на поли и позъ мене загуло, неначе човенъ, такъ якъ сонце зійшло. Винъ не вглядивъ (Пѣски). Дивкою двичи бачыла змія. Голова велыка якъ дижа. Довге, страшне, сидало на выгони (Литвяки). Змій летивъ такый, якъ коромысло, и вгору и внызъ огонь розсыпа, сажня чотыри вышыны, и полетивъ вдовшъ села. Пидъ жывотомъ мовъ червоне, крыламы маше, огонь сыпле (Хитцы). Летыть коромысло довге, родъ чоловика, пыкы не выдно, такъ и осяе (Хитцы). Летыть, такъ и осяе оселю. Довгый, такъ якъ чоловикъ, роспарусытся, такъ зъ ёго огонь и креше (Литвянки). Посидалы мы на юлыци, колы змій летыть та ажъ прызирается. Бильшъ аршына удовшъ. Парусы таки мовъ у коня хвистъ (Снѣтинъ). Йихавъ я у Снитынъ на Мызиновку. Змій сивъ на ярмо. Голова и все у ёго ажъ осіяло, булы миста по ёму и чорни. Быкы жахнулысь бигты, я вдержавъ ихъ, перехрестывсь, а винъ знявсь и полетивъ (Литвянки).“ Такія и подобныя указанія давно уже дали основаніе наукѣ предположить, что въ огненномъ змѣѣ олицетворяются народомъ блудящіе огни, воздушные метеоры, падающія звѣзды и молнія (Аѳанасьевъ. Зооморфич. божества. III., 1, 98, 110). Огненный змѣй представляется идущей дѣвушкѣ, изрѣдка молодицѣ, какимъ нибудь яркимъ, заманчивымъ или цѣннымъ предметомъ, лежащимъ на дорогѣ: иголкой, моткомъ красной заполочи, лентой, кораллами, шолковымъ платкомъ, краснымъ женскимъ поясомъ, червоной запаской, серебряными или золотыми перстнями, червонцами, весьма рѣдко рыбкой, какъ въ слѣдующемъ поэтическомъ разсказѣ, записанномъ отъ коз. с. Литвяковъ, Д. Бугаевой. „Заспивавъ вечиришній пивень, а дивци здалось, що вже досвичаный. Схопылась вона, убралась: „пиду вже я, мамо“. Маты спыня: „не иды, бо ще рано.“—Проведить мене хоть тришечкы; я пиду у строкъ. Маты іи вывела зъ улечкы: „иды, дочко, не бійся, тилькы хрестысь.“ Вона соби иде, иде; увійшла такъ якъ верстъ дви, колы це передъ нею якъ посыплются зори, такъ іи стане ажъ у вичи жовто, не выдко куды йты. Вона злякалась; пидійшла такъ изъ гоны, колы лежыть плитка се-

ребряна, велыка, побильше ложкы. Стане дивка переходыть колію, той плитка перескочыть и впаде. То дивка та перейде впять у ту колію, и плитка впять перескоче и ляпне. А дивка вже такъ изльякалась, сама соби каже: „Господы мылостывый! мени маты казала хрестысь, а я й забулась." Стала хрестыться. Такъ винъ тоди огнемъ якъ засыпавъ передъ нею, якъ заискрывсь. Якъ заступъ зробывсь изъ тіи плиткы, рванувъ бурею, каже: „догадлыва!" А вона впала и лежала до свита; прыйшла утромъ, уже робочи спидалы. Лежала тыждень, схвачувалась. Вылывалы переполохъ: вылывалась така рыба изъ парусамы, якъ винъ пидкыдавсь та искрывъ передъ нею".

Дѣвушка, взявшая предметъ, въ который превращался змѣй, должна ожидать ночью посѣщенія послѣдняго. Афанасьевъ такимъ образомъ рисуетъ это посѣщеніе: змѣй, пролетѣвъ по небу пламенной полосой, разсыпается искрами надъ знакомой избой и черезъ трубу является къ дѣвицѣ или одинокой молодицѣ неотразимымъ красавцемъ. Послѣ него дѣвица сохнетъ (Зооморф. божества 109, 110). Новосельскій даже называетъ змѣя „plugawy zwodziciel kobiet" (Lud Ukr. I, 251). Но, занимаясь почти исключительно преслѣдованіемъ женщинъ, змѣй не вступаетъ съ ними въ связь, а только кохается и сосетъ у нихъ грудь. (Ивановъ. Разск. о Вѣдьм. 216). Отдѣлаться отъ него трудно. Въ одной изъ сказокъ, собранныхъ Манжурой, мужъ взялъ крылья змѣя, летавшаго къ женѣ (Сборн. Хар. И. Ф. Общ. 1890 г., II, 9), но средство это опасное; по устному разсказу въ подобномъ случаѣ змѣй, принужденный бѣжать, зажегъ избу. Даже испытанный способъ возбудить отвращеніе въ змѣѣ не всегда спасителенъ, какъ видно изъ слѣдующихъ народныхъ разсказовъ.—Йшла дивка зъ ярмарку, платокъ лежыть червоный шовковый поперегъ дорогы. Дивка зрадила, вхопыла въ пазуху, не перехрестыла зъ радосты. Прынесла до дому та въ скрыню положыла, а ввечери прыйшла маты, дивка та й здумала: покажу я матери ту найду, шо найшла. Одчыныла скрыню, колы лежыть панычъ на всю скрыню. А вона тоди дума: „чы мени сказать, чы мовчать? Покыну я скрыню, то винъ пиде". И мов-

чыть до вечора. Ввечери посыдилы, полягалы спать. Такъ якъ опивночи иде той панычъ до неи и ляга коло неи. Дивка пыта: „Що ты таке?"—Панычъ.—Чого жъ ты ноччю ходышъ?—Я тебе люблю, и буду я до тебе ходыть и багато грошей дамъ. Бере ливу грудь и ссе. И такъ винъ долежыть, покы ёму треба, и пиде. Нихто ёго не чуе. Подывылась вона въ день у скрыню—нема.—„Ну, може винъ вже й не буде ходыть. Мовчыть, никому не каже. На другый вечиръ упять винъ иде. Вона ёму каже: „Чого такы ты до мене ходышъ? Хыба панычеви просту любыть?"—„Я тоби цилый мишокъ грошей прынесу." Мовчыть вона—ничого. Ляга винъ, бере ливу грудь и ссе. Два мисяця ходывъ и прынисъ їй мишокъ грошей и поставывъ у скрыню. Іи маты пыта: „Чого ты така жовта стала?". Вона й дума: чы мени матери прызнаться, чы ни?—Кажы, прызнавайсь, чого ты жовта, ты чымсь больна?—Ни, мамуся, я ничымъ не больна, а до мене панычъ ходыть.—Шо винъ тоби робыть?—Груды ссе, мамо. Узяла маты прыдавыла їй груды, колы кровъ.—А, дочко, винъ кровъ твою ссе. Я вже догадалась, шо се за панычъ до тебе ходыть. Чомъ ты давно не кажешъ?—А що-жъ ёму теперъ, мамо, зробыть?—Якось прыдумаемъ, щось робыть. Возьмы, дочко, наробы куколъ велыкыхъ багато, повбирай у плахты, платкамы позавьязуй и поставляй ихъ по лавахъ и на викнахъ посажай, и на столы наставъ пляшокъ, чарокъ и хлиба наклады, въ печи пидпалы; сядь на порози, двери одчыны и чешысь, а въ пелену насыпъ симья—и косу чешы, и симья йижъ. Якъ прылетыть винъ и буде тебе пытать, то ты скажешъ, шо въ хати весилля, шо ты замижъ идешъ; а якъ спыта: шо йисы? скажешъ: нужу. Такъ та дивка зробыла. Ось винъ бижыть: „здрастуй! шо въ тебе въ хати?—Весилля.—Оце й ты чешешся.—Эге.—А йисы що?—Нужу.—Хиба жъ такы можно нужу йисты?—А хиба можно сатани до хрыстіянына ходыть?—Такъ винъ бурею пишовъ и крышу зирвавъ и бильшъ ёго не було (отъ Д. Бугаевой).—Ишлы дивкы на велыкоднихъ праздныкахъ, и одна наглядила срибный перстень на дорози и сховала ёго у пазуху. Прыйшла додому, стала шукать у пазуси—нема. Вечоромъ прылита до неи змій, вона й говорыть: „Чого ты до мене?

Я зовсимъ не знаю, шо ты таке". А винъ одвича: „а якъ ты мене знайшла, зрадила и прыголубыла".—Я найшла не тебе, а перстень.—„Ни, то бувъ я". Ніякъ вона одъ ёго не одкараскалась, ставъ винъ до неи литать; начавъ іи грудь ссать, и вона писля того похудла и така зробылась, шо неспособна по свиту ходыть. Іи парубокъ ставъ говорыть: „чого ты така худа стала?"—Найшла лыхо, перстень, а то не перстень, то я найшла соби змія.—Сядь ты коло викна, якъ мисяцно буде, и чешы соби волосъ, а у пелену симя насыпъ и йижъ. Ось змій прылита до неи; якъ побачывъ, шо вона нужу йисть, якъ здвынувся, осмалывъ ій волосъ и сказавъ: „ты не моя, а я не твій (Отъ кр. с. Хятцовъ И. Нагорянскаго).—Жылы чоловикъ та жинка и въ ихъ була дивка красыва. Тай иде вона до воды изъ видрамы, колы лежыть намысто справжне, вона взяла ёго й не перехрестыла. Ночуе вона на двори въ клуни, колы летыть таке якъ коромысло тай спустылося. Вона дывытся у дирочку, колы воно спустылося, мовъ зиркы скакають. Перекынувсь, ставъ такый красывый панъ; якъ струснувъ за двери, такъ вопы й одчынылысь. Винъ до неи, тай давай груды ссать. Та все до неи лита та доссавъ, шо вона вже якъ соломына стала жовта. Сталы батько й маты казать: „шо ій таке?" Вона не прызнается. А то стала въ хати спать, а винъ прылетыть та въ верхъ, та все кровъ ссе. И прысовитувалы люды: наберы симья у черепочкы и на тимъ плечи поставъ черепочокъ и на тимъ. И роспусты свои волоса и чешысь и йижъ симья. Ну, вона такъ и зробыла. Прылетивъ змій, перекынувсь паномъ, каже: шо ты робышъ?—Чешуся.—А йисы шо?—Нужу.—Хыба жъ такы хрыстіянська вира нужу йисть?—Хыба жъ такы нечыста сыла хрыстіяньску кровъ пье? Такъ винъ перекынувся та крыламы якъ ударывъ іи, такъ вона злякалась тай умерла (Отъ Харытыны Олійныковой, м. Снѣтина).

Приведенныя данныя о чертяхъ и ихъ разновидностяхъ приводятъ къ убѣжденію, что въ основаніи всѣхъ демоническихъ существъ, созданныхъ народной фантазіей, заключается человѣкъ съ его инстинктами, страстями и дѣятельностью. Главная особенность этихъ существъ—способность къ превращеніямъ—доступна также и людямъ: вѣдьмамъ и вовкулакамъ.

В. Милорадовичъ.

Заключительный докладъ граф. П. С. Уваровой на XI археологическомъ съѣздѣ.

Благодаря любезному согласію предсѣдателя XI археологическаго съѣзда, графини П. С. Уваровой, мы имѣемъ возможность въ настоящей книгѣ помѣстить заключительный докладъ ея, читанный 19-го августа въ послѣднемъ общемъ засѣданіи съѣзда. Докладъ этотъ представляетъ для насъ особенный интересъ въ томъ отношеніи, что онъ даетъ краткіе итоги всей работы, совершенной въ теченіе этого съѣзда. Поэтому считаемъ себя обязанными принести самую глубокую благодарность графинѣ П. С. Уваровой за предоставленіе намъ права напечатать этотъ ея отчетъ объ XI археологическомъ съѣздѣ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ предложенъ вниманію публики.

Ред.

Всякій ученый съѣздъ слагается изъ двухъ частей, раздѣльныхъ и самостоятельныхъ—съ одной стороны, и тѣсно связанныхъ—съ другой. *Первая* и *главная* изъ этихъ сторонъ съѣзда—его внутренняя или ученая часть, *вторая*—внѣшняя сторона, или та обстановка, которой съумѣли, или захотѣли, обставить этотъ съѣздъ.

Внутренняя жизнь съѣзда съ своей стороны распадается также на отдѣлы:

а) доклады и работы, представленные съѣзду на основаніи тѣхъ поѣздокъ и командировокъ, которыя были предприняты по порученію Предварительнаго Комитета, подготовлявшаго съѣздъ;

б) отвѣты, данные на запросы, предъявленные съѣзду;

в) отвѣты на вопросы, подвергнутые особой разработкѣ во время съѣзда;

г) ученые рефераты и изслѣдованія, доложенные на засѣданіяхъ съѣзда;

д) пожеланія, высказанныя референтами на основаніи этихъ рефератовъ;

е) собраніе древностей и иныхъ предметовъ, собранныхъ на время съѣзда для научнаго обозрѣнія и изученія.

ж) и наконецъ, изданія, пріуроченныя или посвященныя съѣзду.

Позволяю себѣ, или скорѣй *считаю своею обязанностью*, хотя бы вкратцѣ, указать съѣзду на достигнутые результаты по всѣмъ этимъ пунктамъ.

а) Доклады по первому пункту, т. е. доклады, вызванные подготовительными работами къ съѣзду, представлены:

Вл. Бон. Антоновичемъ: Раскопки въ западной Волыни, и О каменномъ вѣкѣ на Волыни.

Ек. Н. Мельникъ. Раскопки кургановъ въ Ровенскомъ, Луцкомъ и Дубенскомъ уѣз. Волынской губ.

Н. Ѳ. Бѣляшевскимъ. Результаты археологической экскурсіи въ бассейнѣ Западнаго Буга.

Вас. Гр. Ляскоронскимъ. О городищахъ, зміевыхъ валахъ и курганахъ въ бассейнѣ р. Сулы.

Алекс. Мих. Покровскимъ. Антропологическія данныя о типѣ череповъ изъ волынскихъ кургановъ.

Мих. Павл. Истоминымъ. Фрески XVII и XVIII в. храмовъ и костеловъ юго-западной Россіи. Главнѣйшія черты въ иконографіи на Волыни отъ XVI до XVIII в.

Священникомъ Сѣцинскимъ. О древнѣйшихъ церквахъ Подоліи.

Проф. Лашкаревымъ. Объясненіе церковныхъ древностей гор. Чернигова.

Ив. Мих. Каманинымъ. Главные моменты въ исторіи развитія южно-русскаго письма въ XV—XVIII в.. О волынскихъ архивахъ.

Кромѣ того, представлены и готовы къ печати: *Археологическая карта Волынской губ.*, составленная Вл. Бон. Антоновичемъ, *Археологическая карта Подоліи*—свящ. Сѣцинскимъ, *Историческая карта черниговской губ. до XVI ст.*—П. В. Голубовскимъ и Е. А. Кивлицкимъ, и подготовляется историческая карта остальной Лѣвобережной Украины, которая не *была* готова къ съѣзду, но составители (Ал. Мат. Лазаревскій, О. Ив. Левицкій и А. В. Стороженко) обѣщаютъ ее для трудовъ Съѣзда. Къ этому отдѣлу слѣдуетъ также прибавить докладъ Митр. Викт. Довнаръ-Запольскаго о дѣятельности Архивныхъ Коммиссій за послѣдніе 3 года, докладъ, составленный на основаніи пожеланій, высказанныхъ Рижскимъ Съѣздомъ.

б) На запросы, поставленные съѣзду, отвѣтили:

Н. И. Троицкій въ рефератѣ „Древній городъ Лопасня Черниг. губ.,"

Бунинъ—въ рефератахъ: Гдѣ находились города Липецкъ и Вороглъ, упоминаемые въ лѣтописяхъ подъ 1283 и 84 годами? и „Гдѣ находились Ворота, упоминаемыя въ лѣтописи подъ 1286 г.?"

Свящ. Титовъ—„Что было въ древности на мѣстѣ Андреевской церкви" и „О заграничныхъ монастыряхъ Кіевской митрополіи".

в) Особой разработкѣ во время съѣзда подвергся вопросъ объ *организаціи архивнаго дѣла въ Россіи,* вопросъ, назрѣвшій уже давно, не разъ обсуждавшійся въ спеціально посвященныхъ ему засѣданіяхъ Моск. Археол. Общества и предшествующихъ съѣздовъ, и который нынѣ рѣшено повергнуть на милостивое разсмотрѣніе Его Императорскаго Величества Государя Императора. Объяснительными работами къ этому вопросу могутъ считаться: *Д. И. Цвѣтаева* (О Варшавскихъ архивахъ), *Львова* (Русское законодательство по устройству архивовъ), *Воронова*

(Департаментскіе архивы Франціи), *Каманина* (Экспертиза древнихъ подложныхъ документовъ), *Савелова* (Объ архивахъ дворянскихъ депутатскихъ собраній), *Шмелева* (Теорія и практика архивныхъ описей), *Левицкаго* (О судьбѣ актовыхъ книгъ, относящихся къ исторіи Юго-Западнаго края и Малороссіи) и наконецъ, *Дм. Як. Самоквасова*, представившаго въ своемъ докладѣ „*Централизація Государственныхъ архивовъ въ Западной Европѣ въ связи съ архивной реформой въ Россіи*" полную картину того, что сдѣлано по архивному дѣлу въ Европѣ, равно какъ и проектъ архивнаго переустройства въ Россіи. Проектъ этотъ, затрогивающій своею новизною и предположеніями не мало интересовъ въ области, къ которой привыкли относиться съ особенною косностью, вызвалъ въ Кіевъ не мало членовъ съ самой отдаленной окраины, подвергся всестороннему обсужденію и принятъ *въ принципѣ*, съ цѣлью доведенія его до высшихъ правительственныхъ сферъ съ выраженіемъ надежды, что проектъ будетъ осуществленъ и разработанъ высшею властью при помощи всѣхъ тѣхъ, которымъ дѣло архивовъ знакомо и дорого. Какой бы будущности ни ожидало осуществленіе проекта, во всякомъ случаѣ Дм. Як. Самоквасовъ заслуживаетъ, мнѣ думается, глубокой благодарности за то, что, не смотря на ожесточенную борьбу, которую вызвало *съ самаго начала* намѣреніе его продолжать реформу или скорѣй проектъ реформы архивнаго дѣла, онъ, при условіяхъ, совершенно не выгодныхъ для здоровья, съѣздилъ за границу, изучилъ архивное дѣло въ Германіи, Бельгіи, Франціи и Италіи, собралъ и издалъ документы по этому вопросу и предложилъ проектъ Русскаго Архивнаго Законодательства, многими оспариваемаго—это правда (какъ впрочемъ всякое новое дѣло въ нашей Славянской средѣ), нѣсколько разъ измѣненнаго самимъ авторомъ, но съ пользою и съ необходимостью введенія котораго все таки невозможно не согласиться, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ высказывались только одни благія пожеланія, которыя безъ проекта Дм. Як. такъ бы и продолжали витать въ области прекрасныхъ пожеланій и несбыточныхъ надеждъ.

г. Всѣхъ рефератовъ, въ число которыхъ входятъ и вышеупомянутые, представлено съѣзду 135. Дѣлятся они слѣдующимъ образомъ: по общимъ вопросамъ 5 рефератовъ, доложенныхъ на 2-хъ засѣданіяхъ; по отдѣленіямъ:

1-ое—Древности порвобытныя—9 засѣданій съ 26 рефератами.

2-ое—Древн. историко-геогр. и этнографическія—6 засѣд. съ 25 рефератъ.

3-ье—Памятники искусствъ и художествъ — 3 засѣданія съ 8-ью рефер.

4-ое—Бытъ домашній, юридическій, обществен. и военный—4 засѣд. съ 10-ью реф.

5-ое—Древности церковныя—6 засѣданій съ 19 рефер.

6-ое—Памятники языка и письма—4 засѣданія съ 12-ью рефератами.

7-ое—Древности классическія—2 засѣданія съ 6-ью рефер.

8-ое—Древности южныхъ славянъ—2 засѣданія съ 5-ью рефер.

9-ое—Древности восточныя—1 засѣданіе съ 4 рефератъ.

11-ое.—Памятники археографическія—7 засѣданій съ 13 рефератами.

Отдѣленіе 10-е—Нумизматика и Сфрагистика было соединено Ученымъ Совѣтомъ съ отд. III—искусствъ и художествъ.

Нѣкоторые изъ предложенныхъ рефератовъ затрогиваютъ болѣе общіе вопросы, или знакомя насъ съ результатами изслѣдованій и теченіями иноземной культуры, какъ рефератъ *проф. Бузескула*—Объ успѣхахъ и главныхъ направленіяхъ въ области греческой исторіи, или резюмируя положенія, признаніе необходимости которыхъ желательно для русской науки, какъ сообщенія *Дм. Ив. Багалѣя*—О значеніи историческихъ матеріаловъ для археологіи, и *Штерна*—Значеніе керамическихъ находокъ для культурной исторіи Черноморской колонизаціи. Имѣются доклады, носящіе характеръ простого сообщенія о произведенныхъ работахъ, такъ напр.: сообщеніе *Д. И. Эварницкаго*—Раскопки въ Александрійскомъ и Херсонскомъ уѣздахъ, *проф. Лилеева*—

Раскопки кургановъ близъ Нѣжина, *Пуласкаго*—Арлеологическія развѣдки въ Подольской губ., *проф Кнауера*—Раскопки въ Аккерман. у. Бессараб. губ., *Черепнина*—О раскопкахъ Рязанскихъ кургановъ, *Четыркина*—О нѣкоторыхъ предметахъ старины, попавшихъ съ юга въ Калужскую губ., и О крестахъ Калужскихъ старообрядцевъ.

Многіе же другіе, носящіе наименованіе отчетовъ произведенныхъ раскопокъ, являются въ видѣ научныхъ изслѣдованій, представляющихъ попытку систематизаціи собраннаго матеріала и научныхъ изъ него выводовъ. Въ числѣ подобныхъ сообщеній назовемъ: *Раскопки кургановъ у мѣстечка Мирополья на Случѣ*, въ которомъ г. Гамченко пытается опредѣлить западныя границы древлянскаго типа погребеній; *Длинные курганы въ Смоленской губ.*—Вл. Ильича Сизова, изслѣдованіе, стоящее въ связи съ прежними работами почтеннаго референта по обслѣдованію могилъ славянскихъ племенъ въ Смоленской губ.; *О черепахъ изъ могилъ кочевниковъ*—Ал. Мих. Покровскаго; *О слѣдахъ расовыхъ примѣсей въ населеніи*—проф. Сикорскаго; *Необходимость выработки системы и номенклатуры для доисторической керамики*—Вас. Алекс. Городцева—почтенная попытка молодого ученаго разобраться въ матеріалѣ, надъ которымъ онъ работаетъ не первый годъ и на которую, должно надѣяться, отзовутся всѣ тѣ, кто работаетъ въ томъ-же направленіи; *Къ вопросу о крашенныхъ костякахъ* и *Къ исторіи Босфора*—Юл. Андр. Кулаковскаго, старающагося освѣтить строго научными данными страницы нашей глубокой древности.

Къ подобному же роду докладовъ принадлежатъ: доклады *Вл. Вас. Суслова*—„О возстановленіи наружныхъ первобытныхъ формъ новгор. Софійск. собора" и „Періодъ упадка русскаго зодчества", а также въ высшей степени серьезный и научный трудъ *Вяч. Ник. Щепкина*—„Рисунокъ въ Новгородской иконописной школѣ".

Большое количество рефератовъ посвящено юго-западному краю, козачеству, Украинѣ, ея быту и исторіи; многіе изъ нихъ упомянуты въ первыхъ отдѣлахъ нашего отчета, но нельзя не вспомнить еще разъ съ удовольствіемъ объ из-

слѣдованіяхъ: *Демченка* — Притомные люди; *Голубовскаго*—Съ какого времени можно прослѣдить на югѣ Россіи способъ защиты таборомъ; *Щербины*—Украинскіе староства по люстраціямъ XVIII в., и—Послѣдніе слѣды козачества въ право-бережной Украйнѣ; *Николайчика*—Начало и ростъ Полтавской Вишневетчины по даннымъ Литовской Метрики; *проф. Дашкевича*—О происхожденіи южно-русскаго козачества, и—Къ вопросу о личности Ильи Муромца; *Вл. Бон. Антоновича*—О мѣстонахожденіи лѣтописныхъ гор. Пересопницы и Шумска; *Родаковой*—Данныя ревизій и компутовъ объ экономическомъ бытѣ малороссійскаго общества въ XVIII в.; *Левицкаго*—Обычныя формы заключенія браковъ въ юго-западной Руси въ XVI—XVII в., и др. Къ этому же циклу изученія мѣстныхъ древностей слѣдуетъ причислить рефераты: *Н. Е. Бранденбурга*—Объ аборигенахъ Кіевскаго края, *Черепнина*—О кіевскихъ денежныхъ гривнахъ, *Житинскаго*—Находка каменнаго вѣка въ бассейнѣ р. Стыри, *Армашевскаго* — Геологическое обозрѣніе стоянки каменнаго вѣка на Кирилловской улицѣ, и въ высшей степени интересное сообщеніе *Хвойка* и *Ал. Мих. Покровскаго* о единственныхъ пока въ своемъ родѣ находкахъ г. Хвойка въ Кіевской губ. и уѣздѣ стоянокъ каменнаго вѣка.

Поработали съ нами и гости наши; такъ, директ. Вѣнскаго музея *докторъ Хегеръ* представилъ свои соображенія *объ инородномъ вліяніи на формы доисторической культуры на Кавказѣ*—вопросъ въ высшей степени интересный для нашихъ кавказскихъ изслѣдователей; дирек. Сараевскаго музея *докторъ Хорманъ* и кустосъ того-же музея *Трухелко*—ознакомили насъ съ *средневѣковыми памятниками Босніи и Герцеговины*, съ *первобытными поселеніями этихъ странъ*, равно какъ и съ послѣдними раскопками, произведенными въ Римскомъ Castrum'ѣ, и иллюстрировали свои сообщенія великолѣпными таблицами, которымъ можно позавидовать; *предст. Краковской академіи наукъ Копера* ознакомилъ насъ съ богатѣйшимъ матеріаломъ, собраннымъ имъ для исторіи Польскаго искусства въ сокровищницахъ Петербурга и Москвы; *Златарскій* указалъ „*Гдѣ надо*

искать первую болгарскую столицу"; а *докторъ Нидерле* изложилъ свою теорію о *времени распространенія славянъ на югъ черезъ Карпаты.*

Наши русскіе ученые не захотѣли отстать отъ своихъ славянскихъ собратій и представили по части славяновѣдѣнія слѣдующія изслѣдованія: *А .А. Соболевскій*—Церковно-славянскіе тексты моравскаго происхожденія; *Вяч. Ник. Щепкинъ*—Діалектическое дѣленіе языковъ старо-славянскаго и болгарскаго; *Мих. Наз. Сперанскій*—Славяно-русскій переводъ Пчелы; *Тим. Дм. Флоринскій*—О моравскихъ Влахахъ, и *А. Н. Ясинскій*—Средневѣковой аграрный строй въ Чехіи.

Работы Русскаго археологическаго Института въ Константинополѣ, этого дѣтища нашихъ Археологическихъ съѣздовъ, съ которыми институтъ продолжаетъ столь желательное научное общеніе, представлены тремя рефератами, изъ которыхъ первый—ученаго секретаря института *Фармаковскаго*—представляетъ подробный и въ высшей степени интересный отчетъ о *послѣднихъ научныхъ предпріятіяхъ института*, второй—*Павл. Ник. Милюкова* переноситъ наше воображеніе ко временамъ Гальштадской эпохи, возстановляя съ присущимъ ему талантомъ и логикой культуру эпохи по находкамъ въ могильникѣ Патели въ Македоніи, и наконецъ третій, также *Фармаковскаго*—обстоятельное изслѣдованіе Византійской рукописи съ миніатюрами XII в., вновь пріобрѣтенной Археол. институтомъ.

Два реферата—*арх. В. Н. Николаева*—О сохраненіи стѣны внутренней Великой церкви Кіево-Печерской лавры—и *А. И. Маркевича*—О сохраненіи древнихъ памятниковъ—переносятъ насъ къ вопросу, давно наболѣвшему и самому постыдному въ исторіи нашего просвѣщенія, науки и искусства. Насколько первый изъ этихъ рефератовъ указываетъ намъ на то положеніе, въ которомъ находится нынѣ вопросъ о возстановленіи древнихъ храмовъ, положеніе, позволяющее узаконивать и оправдывать подобные факты, какъ уродованіе Великой Лаврской церкви и Софіи Новгородской,—настолько второй рефератъ—многоуважаемаго Алек. Ив.—старается найти выходъ изъ того лабиринта невѣжества, который насъ окружаетъ.

Остались недоложенными 9 рефератовъ: *Вл. Ник. Поливанова*—Археологическая карта Симбирской губ.; *Ушакова*—Раскопки въ Псковской губ.; *Лебедева* (преподавателя Вологодской дух. Семинаріи)—Иконописные труды преп. Діонисія Глушицкаго; *А. А. Матвѣева*—Топографія Берестечской битвы, и нѣсколько другихъ.

Кромѣ того, остались недоложенными всѣ рефераты галицкихъ ученыхъ, которые, *по извѣстнымъ съѣзду причинамъ*, были лишены возможности принимать участіе въ работахъ съѣзда. Рефераты эти, числомъ 23, весьма разнообразнаго содержанія; такъ напр.: трактуется о *находкахъ въ с. Чехахъ*, гдѣ вскрыто до 400 могилъ, одного типа съ находками по Среднему Дунаю, и представляющихъ интересный и послѣдовательный переходъ отъ каменнаго до начала желѣзнаго вѣка; представляется сборникъ письменныхъ свѣдѣній *объ Антахъ*, какъ доказательство древнѣйшей славянской колонизаціи южно-русскаго края; разбираются *свѣдѣнія о Хорватахъ* у Константина Порфиророднаго; опредѣляется мѣстоположеніе галицкаго *лѣтописнаго Звенигорода*, и указывается на послѣдовательность слоевъ, свидѣтельствующихъ, что мѣстность эта была заселена со времени каменнаго вѣка и до великокняжеской эпохи; то же сродство съ великокняжеской эпохой имѣется и въ *Молотовскомъ* кладѣ; представляется разработка археологическихъ вопросовъ, одинаково интересныхъ нашимъ сосѣдямъ, какъ и намъ лично; представляются соображенія о времени составленія Слова о полку Игоревѣ; поднимаются, наконецъ, бытовые и историческіе вопросы, какъ напр.: *Русское духовенство въ Галиціи, Галицкое боярство XII—XIII в., Первыя времена козачества, Украинскіе козаки 1625—1630 г., Наказъ вел. кн. Казимира Ягайловича князю кіевскому Олельку Владиміровичу*, и много другихъ, характеризующихъ общую для всѣхъ насъ эпоху.

д. Пожеланія высказаны докладами: *проф. Шмурло*—объ учрежденіи русской Археографической коммиссіи при Ватиканскомъ архивѣ; *докт. Кадлеца*—объ изданіи Россіей извѣстій

о славянахъ у византійскихъ писателей; *проф. Штерна*—объ отпускѣ денежныхъ средствъ на раскопки въ Ольвіи, необходимыя по случаю совершеннаго разграбленія, которому подвергается нынѣ эта колонія со стороны крестьянъ и кладоискателей; *В. М. Виттыга*—объ организаціи археол. общества въ Варшавѣ; *Дм. Ив. Багалѣя*—объ учрежденіи центральнаго историческаго Архива въ Харьковѣ; *проф. Лаврова* и *Сперанскаго*—объ изданіи Вуканова Евангелія; *моимъ*—о введеніи кафедры по археологіи въ нашихъ университетахъ; *Дм. Як. Самоквасова*—объ организаціи архивнаго дѣла въ Россіи; *А. И. Маркевича*—объ упорядоченіи вопроса о сохраненіи древнихъ памятниковъ; *XI отд. Съѣзда*—объ организаціи экспертизы подложныхъ документовъ; о распоряженіи касательно уничтоженія архивныхъ документовъ; объ усиленіи денежныхъ средствъ архивныхъ коммиссій; объ устраненіи существующаго нынѣ порядка высылки въ отдаленныя архивныя коммиссіи списковъ старыхъ дѣлъ для опредѣленія ихъ важности и неважности; о представленіи и на будущихъ археол. съѣздахъ сводпаго доклада о дѣятельности архивныхъ коммиссій за время истекшее между тѣмъ и другимъ съѣздами.

Были высказаны и другія пожеланія, напр. многоуважаемымъ *Дм. Ив. Багалѣемъ*—О составленіи библіографическаго указателя всѣмъ историческимъ даннымъ, относящимся до археологіи, которыя имѣются въ архивахъ Ученыхъ обществъ, Оружейной Палаты, Межевомъ Архивѣ, Публичной Библіотеки, Румянцевскаго Музея и пр. и пр.; или *Дм. Ив. Цвѣтаевымъ*—О составленіи и изданіи сборника отрывковъ изъ существующихъ архивныхъ описей и правилъ ихъ веденія. Но такъ какъ работы эти предполагается, *вѣроятно на основаніи* поговорки: *„большому кораблю, большое и плаваніе“*, взвалить на Моск. Археол. Общество—то я думаю, что прежде чѣмъ о нихъ говорить, слѣдуетъ узнать мнѣніе того-же Общества.

Имѣется также и предложеніе *проф. Филевича* касательно ученой экспедиціи для изученія Покарпатья, но у насъ такъ много дѣла дома, что мечтанія о подобной экспедиціи пріи-

дется, вѣроятно, отложить до того времени, когда профессора Варшавскаго университета сочтутъ возможнымъ и полезнымъ серьезно и безъ политиканства заняться подготовленіемъ Археол. съѣзда въ Варшавѣ.

Заканчивая обзоръ рефератовъ, доложенныхъ или представленныхъ съѣзду, не могу не посѣтовать на то, что нѣкоторые изъ нихъ не были достойны вниманія съѣзда—*но дѣло сдѣлано*, и потому о нихъ рѣчь впереди, на засѣданіяхъ будущаго Предварительнаго Комитета. Впрочемъ, имѣемъ и здѣсь утѣшеніе: если г-да предсѣдатели отдѣленій не всегда критически относились къ допускаемымъ ими къ докладу рефератамъ, то въ отмщеніе за это еще никогда иа съѣздахъ не раздавались такъ часто замѣчанія о необходимости методологіи въ примѣненіи къ историческимъ изслѣдованіямъ, къ фольклору, къ изученію иконописныхъ школъ и пр. и пр.

е. Выставки, собранныя на время съѣзда, не говоря о частныхъ коллекціяхъ, любезно предоставленныхъ владѣльцами нашему изученію, состоятъ, какъ извѣстно господамъ членамъ, изъ *отдѣленія археологическаго*, размѣщеннаго какъ въ университетѣ, такъ и въ ново-устроенномъ музеѣ, *отдѣленія картографическаго*, расположеннаго въ библіотечныхъ залахъ университета, *отдѣленія рукописей и старопечатныхъ книгъ*, помѣщеннаго въ архивѣ, и *отдѣла иконографическаго*, занимающаго XIII аудиторію университета. Отдѣлъ иконографіи послужилъ иллюстраціей къ докладамъ Мих. Павл. Истомина; отдѣлъ картографій—составилъ 17-го числа предметъ доклада Вен. Ал. Кордта; по остальнымъ же отдѣламъ доклады представлены вамъ нынѣ Вл. Бон. Антоновичемъ и Ив. Мих. Каманинымъ, что и позволяетъ мнѣ не распространяться больше о выставкахъ.

ж. Что-же касается до изданій, пріуроченныхъ и посвященныхъ съѣзду, то большее число изъ нихъ, помимо серьезнаго научнаго достоинства, являются въ такомъ роскошномъ видѣ, что не заставляютъ желать ничего лучшаго, даже со стороны бумаги и типографскаго дѣла, что, какъ намъ всѣмъ из-

вѣстно, не всегда досягаемо въ Россіи. Такъ, *Карта Европейской Сарматіи по Птоломею,* изданная и поясненная Юл. Андр. Кулаковскимъ, подтверждая отдаленную древность Приднѣпровья и его столицы, составляетъ настоящій *привѣтъ Кіевскому* съѣзду; *Первый выпускъ палеографическаго Изборника,* изданный кіевской коммиссіей для разбора древнихъ актовъ трудами неутомимаго труженика и глубокаго знатока русской палеографіи, Ив. Мих. Каманина, будетъ по всему вѣроятію съ благодарностью принятъ въ руководство нашими архивистами. *Первый выпускъ матеріаловъ по исторіи русской картографіи,* изданный также кіевской коммиссіей для разбора древнихъ актовъ трудами неутомимаго составителя картографической выставки при съѣздѣ, Веніам. Алексанрд. Кордта, составитъ неоцѣненный вкладъ въ столь юную у насъ еще географическую науку; *Каталогъ собранія Вас. Вас. Тарновскаго,* которому къ несчастію не пришлось представить его съѣзду, и наконецъ два выпуска *Каталога собранія Богдана Ив. и Варв. Николовны Ханенко*—каменный вѣкъ и эпоха, предшествовавшая великому переселенію народовъ, съ великолѣпными таблицами и пояснительнымъ текстомъ—драгоцѣнный вкладъ въ исторію Приднѣпровья и достойное изданіе просвѣщенныхъ людей, которымъ члены Кіевскаго съѣзда не мало обязаны, какъ сердечнымъ отношеніемъ ихъ къ съѣзду, доставленіемъ научнаго удовольствія при осмотрѣ собранныхъ ими коллекцій, такъ и трудами по постройкѣ и устройству городского музея со всѣми его драгоцѣнными коллекціями.

Но, не забудемъ и болѣе скромныхъ трудовъ, преслѣдовавшихъ тѣ же цѣли привѣта съѣзду и поясненія намъ историческихъ и археологическихъ данныхъ занимавшаго насъ на съѣздѣ края. Къ этимъ трудамъ принадлежатъ: *Церковно-археологическіе очерки, изслѣдованія и рефераты,* изданные въ разное время, но собранные въ одинъ томъ и розданные членамъ съѣзда много потрудившимся надъ изученіемъ церковныхъ древностей, проф. Лашкаревымъ; *Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Староконстантиновскаго у., Волынской*

епархіи—инспект. нар. училищъ Калишской губ. Н. Ив. Теодоровича, трудъ, которому онъ посвятилъ свою жизнь и который составляетъ 4-й томъ описанія всей Волынской епархіи; *Воспоминанія о третьемъ археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ*, помѣщенныя проф. Антоновичемъ и г. Науменко въ журналѣ „Кіевская Старина" за августъ мѣсяцъ, иллюстрированныя группою дѣятелей перваго Кіевскаго съѣзда, и *Археологическая лѣтопись южной Россіи*, выходящая подъ редакціей Ник. Ѳед. Бѣляшевскаго, въ видѣ приложенія къ той-же „Кіев. Старинѣ".

Вторая или *внѣшняя* сторона съѣзда—извѣстна болѣе или менѣе всѣмъ намъ, и потому не буду о ней распространяться.

Членовъ съѣзда со всѣми пріѣзжими состояло въ Кіевѣ 500 человѣкъ. Между ними, съ сердечною глубокою тоскою, насчитываемъ только немногое число представителей *перваго* Кіевскаго съѣзда: многоуважаемаго В. Б. Антоновича—секретаря съѣзда въ 1874 г.—нынѣ предсѣдателя Предварит. Кіев. Комитета, устроителя съѣзда и выставокъ и предсѣд. Ученаго Комитета; Влад. Степ. Иконникова, Ник. Пав. Дашкевича, П. А. Лашкарева, Влад. Влад. Вельяминова-Зернова, Ник. Ив. Петрова, Дм. И. Иловайскаго, Ник. Еф. Бранденбурга, П. И. Житецкаго, А. И. Маркевича, Ѳ. Г. Мищенко, и Дм. Як. Самоквасова; къ числу этихъ немногихъ позволю себѣ причислить себя лично и Вл. Ив. Ламанскаго, не присутствовавшаго случайно на Кіевскомъ съѣздѣ 1874 г., но дѣятельнаго работника всѣхъ первыхъ съѣздовъ.

Но если стариковъ мало, за то прибыло *молодежи*, и приростъ значительный, такъ какъ, не считая двухъ новыхъ именъ въ должности предсѣдателей отдѣленій (Юл. Андр. Кулаковскаго и проф. П. В. Голубовскаго), мы находимъ рядъ новыхъ лицъ въ числѣ секретарей съѣзда и отдѣленій (Бороздина, Богоявленскаго, Вязигина, Глокке, Довнаръ-Запольскаго, Златарскаго, Левицкаго, Ляскоронскаго, Николаева, Парландъ, Халкина, Фармаковскаго, Фотинскаго и Ясинскаго, изъ которыхъ многіе имѣютъ ученую степень. Выражаю надежду, что эти новыя

силы, новые работники останутся вѣрны археологіи, какъ остались ей вѣрны секретари прежнихъ съѣздовъ.

На съѣздъ пріѣхали и иностранцы въ числѣ 24 человѣкъ. Пріѣхало бы и больше, если бы неожиданно поднятый вопросъ объ опасности, представляемой галицкимъ языкомъ, не помѣшалъ ближайшимъ нашимъ сосѣдямъ-славянамъ принять участіе въ нашихъ работахъ.

Засѣданія съѣзда и его выставки нашли себѣ помѣщеніе въ залахъ университета св. Владиміра.

Во время съѣзда, трудами Богд. Ив. Ханенко, Викентія Вячесл. Хвойко и ихъ сотрудниками былъ открытъ новый музей, который представилъ высокій интересъ всѣмъ занимающимся разработкой археологическихъ вопросовъ.

Осмотру членовъ съѣзда были предоставлены кромѣ того музей, принадлежащій Кіевской Духовной Академіи, и частные музеи: Богдана Ив. и Варвары Николовны Ханенко, Іосифа Адам. Хойновскаго и ризницы мѣстныхъ храмовъ и монастырей.

Были устроены обходы и осмотры города, при обязательномъ руководствѣ Вл. Бон. Антоновича и Ник. Ив. Петрова; была совершена поѣздка въ Лавру и Выдубицкій монастырь, подъ руководствомъ Вл. Зен. Завитневича и при любезномъ содѣйствіи г-на Марголина, архимандрита Лавры Антонія и архимандрита Выдубицкаго монастыря Евлогія; городскимъ управленіемъ былъ устроенъ завтракъ и поѣздка въ Китаевскую пустынь, при чемъ г-ами Хвойко, Бѣляшевскимъ и Городцевымъ были предложены осмотры нѣскольких курганов, вскрытыхъ ими близъ Китаева. Была устроена Богд. Ив. Ханенко для 40 членовъ съѣзда экскурсія по Днѣпру до Гребени, откуда на лошадяхъ пріѣхали для осмотра кургановъ и селищъ, вскрытыхъ для съѣзда Вик. Вячеслав. Хвойко, съ цѣлью болѣе нагляднаго ознакомленія съ его интересными раскопками. Поѣздка эта удалась вполнѣ и оставила во всѣхъ наилучшія восноминанія, благодаря чудной погодѣ и особому радушію какъ хозяина экспедиціи, такъ и мѣстнаго помѣщика Байковскаго, любезно принявшаго экскурсантовъ въ своей усадьбѣ и доставившаго, совмѣстно съ г. Розенбергомъ

и сосѣдними помѣщиками, экипажи и лошадей для перевозки членовъ съѣзда отъ Днѣпра до раскопокъ и обратно.

Для большаго удобства членовъ съѣзда, Кіевскій Предварительный Комитетъ вошелъ въ соглашеніе съ нѣсколькими гостинницами города, предоставившими членамъ уступку въ 25%

Кромѣ того, г-мъ попечителемъ учебнаго округа, нашимъ многоуважаемымъ сочленомъ Вл. Вл. Вельяминовымъ-Зерновымъ, сдѣлано распоряженіе о предоставленіи дароваго помѣщенія 25-ти членамъ въ Коллегіи Галагана и 10—въ 1-ой мужской гимназіи, за что приносимъ г-ну попечителю съ директорами заведеній нашу сердечную признательность.

Совѣтъ съѣзда, состоявшійся сегодня утромъ, обсудивъ всѣ ходатайства и заявленія, представленныя съѣзду, принялъ слѣдующія рѣшенія.

1. Съѣздъ, въ виду хищеній, которымъ подвергается за послѣднее время Ольвія, ходатайствуетъ предъ правительствомъ о выдачѣ необходимыхъ денежныхъ средствъ для производства въ Ольвіи правильныхъ и систематическихъ раскопокъ и проситъ гр. Уварову войти въ соглашеніе по этому поводу съ мѣстною землевладѣлицею гр. Мусиной-Пушкиной.

2. Съѣздъ, принимая въ принципѣ проектъ Дм. Як. Самоквасова объ организаціи архивнаго дѣла въ Россіи, повергаетъ къ Державнымъ стопамъ Его Императорскаго Величества Государя Императора всеподданнѣйшее ходатайство объ осуществленіи организаціи архивнаго дѣла въ ближайшемъ будущемъ и о дозволеніи, чтобы проектъ этой огранизаціи былъ разработанъ при содѣйствіи лицъ, которымъ дѣло устройства архивовъ знакомо и дорого.

3. Въ виду того, что реорганизація архивовъ потребуетъ не мало времени, съѣздъ ходатайствуетъ, чтобы, не ожидая разрѣшенія общаго объ архивахъ вопроса, было немедленно приступлено къ преобразованію Харьковскаго Историч. Архива въ Центральный Историческій Архивъ.

4. Съѣздъ ходатайствуетъ объ изданіи немедленно циркулярнаго распоряженія по всѣмъ вѣдомствамъ о прекращеніи уничтоженія какихъ бы то ни было бумагъ, относящихся къ дѣлопроизводствамъ государственныхъ и общественныхъ учрежденій, пока не будетъ учреждено центральное архивное управленіе въ Россіи и не будутъ выработаны и изданы общія правила уничтоженія ненужныхъ актовъ дѣлопроизводства государственныхъ и общественныхъ учрежденій.

5. Съѣздъ ходатайствуетъ предъ правительствомъ объ оказаніи существующимъ архивнымъ коммиссіямъ пособія въ размѣрѣ до 1500 р. въ годъ.

6. Въ виду желательности и необходимости болѣе научной разработки древностей Привислянскаго края, съѣздъ проситъ Имп. Моск. археол. общество возбудить ходатайство объ учрежденіи въ Варшавѣ отдѣленія этого общества.

7. Съѣздъ ходатайствуетъ объ учрежденіи въ университетахъ кафедры доисторической археологіи и о расширеніи преподаванія теоріи и исторіи искусствъ на область внѣклассическаго міра.

8. Съѣздъ постановилъ довести до свѣдѣнія Импер. академіи наукъ, что на съѣздѣ былъ возбужденъ вопросъ о желательности а) изданія серій классическихъ и византійскихъ писателей (съ русскимъ переводомъ), имѣющихъ отношеніе къ исторіи славянъ и территоріи Россіи и б) изданій въ оригиналѣ и переводахъ отрывковъ арабскихъ писателей, имѣющихъ отношеніе къ исторіи славянъ и территоріи Россіи.

9. По поводу предложенія проф. Шмурло объ учрежденіи Русской археологической коммиссіи при Ватиканскомъ архивѣ, проситъ Импер. Моск. археол. Общество снестись съ русскимъ посломъ при итальян. дворѣ, Алекс. Иван. Нелидовымъ.

10. По поводу предложенія проф. Ал. Ив. Маркевича о мѣрахъ къ сохраненію памятниковъ старины, проситъ Имп. Моск. археол. общество принять на себя трудъ осуществленія про-

ектируемыхъ имъ мѣръ и доложить о сдѣланномъ Предвар. Комит. будущ. XII съѣзда.

11. Будущій съѣздъ созвать въ Харьковѣ въ 1902 г. и просить Имп. Моск. арх. общество обратиться къ г-ну министру народнаго просвѣщенія съ просьбою о разрѣшеніи созыва предварительнаго комитета въ Москвѣ въ 1900 г. съ 4 по 8 января.

12. Просить Импер. Моск. арх. общество принять на себя изданіе трудовъ настоящаго XI съѣзда.

Заканчивая отчетъ о трудахъ и занятіяхъ XI съѣзда, позволяю себѣ высказать пожеланія, чтобы городъ и общество озаботились о дальнѣйшемъ развитіи ново-открытаго музея и закрѣпленіи за нимъ симпатіи и поддержки мѣстныхъ властей и всѣхъ просвѣщенныхъ людей края, съ цѣлью выработки устава музея, признанія за нимъ права гражданства и закрѣпленія за нимъ собраній древностей, добытыхъ Вик. Вячес. Хвойко въ Кіевѣ и его окрестностяхъ.

Выражаю также пожеланія, чтобы Коммиссія по изданію Древнихъ Актовъ продолжала свои роскошныя и въ высшей степени полезныя изданія, начатыя для съѣзда; я подразумѣваю Палеографическій Сборникъ и Матеріалы по исторіи картографіи въ Россіи.

Желаю также отъ души, чтобы Моск. Археол. Обществу, которому поручается изданіе трудовъ нынѣ заканчиваемаго съѣзда, была дана возможность изданія отдѣльнымъ томомъ тѣхъ древностей и памятниковъ Украйны, церквей, замковъ, частныхъ домовъ, надгробныхъ памятниковъ, портретовъ, иконъ, церковныхъ вкладовъ (какъ напр.—царскихъ вратъ съ гербомъ Мазепы), архивныхъ матеріаловъ, касающихся Малороссіи и пр.—то есть того археологическаго и историческаго матеріала, о которомъ такъ много говорилось на съѣздѣ и который, какъ мы видѣли изъ докладовъ и заявленій, такъ успѣшно и дѣятельно уничтожается, частью по невѣжеству и небрежности, частью по

неспособности насъ всѣхъ къ послѣдовательному, устойчивому труду, частью по нежеланію нести тотъ трудъ и отвѣтственность, которые возлагаются на насъ *разъ* принятыми обязательствами.

Но для успѣшнаго исполненія этой задачи Моск. Археол. Обществу нужна помощь, и *помощь дружная*, всѣхъ мѣстныхъ людей, знающихъ и любящихъ свой край, свою исторію, и потому заканчиваю тѣмъ же окликомъ древняго богатыря, которымъ открывали съѣздъ: „Кто въ полѣ живъ, человѣкъ, отзовися!“.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ Шевченковской коллекціи. (*Письмо въ редакцію*). Милостивый государь, г. редакторъ! Въ іюльской книжкѣ «Кіевской Старины», въ замѣткѣ — «Часы Т. Г. Шевченка» Вы, между прочимъ, обращаетесь ко всѣмъ лицамъ, имѣющимъ у себя какіе либо предметы, связанные съ именемъ Т. Г. Шевченка, съ просьбой—или дать о нихъ извѣстіе путемъ печатнаго слова, или сдѣлать ихъ общественной собственностью. Совершенно соглашаясь съ Вашимъ предложеніемъ, я сообщаю, что̀ у меня имѣется изъ вещей, принадлежавшихъ Т. Гр., или имѣющихъ къ нему отношеніе.

Двадцать три года тому назадъ мною пріобрѣтена въ Петербургѣ, на такъ называемыхъ «Вербахъ», книга, несомнѣнно, принадлежавшая Тарасу Григорьевичу Шевченку, это — «Народні Оповідання Марка Вовчка», изданія Куліша 1858 г. Книга переплетена вмѣстѣ съ переводомъ ея на русскій языкъ И. С. Тургеневымъ и съ его предисловіемъ къ переводу. Переплетъ книги хорошій, съ выбитыми на корешкѣ словами «Марко Вовчокъ» и внизу буквами Т. Ш. Передній форзицъ вырѣзанъ ножницами; вѣроятно тамъ была какая либо надпись самого Шевченка, иначе кому и для чего потребовалось вырѣзывать этотъ форзицъ? На первой страницѣ, вверху, написано № 15; на пятой, передъ предисловіемъ, довольно бойкимъ тонкимъ почеркомъ написано— «Пану Шевченкові отъ автора». Познакомившись впослѣдствіи съ покойными нынѣ Д. С. Каменецкимъ и Г. Н. Честаховскимъ, я показывалъ имъ купленную книгу Шевченка, и оба они, близко знавшіе его домашнюю обстановку, сейчасъ

же признали, что книга, дѣйствительно изъ собранія Шевченка, который, по словамъ Честаховскаго, «кохався въ кныжкахъ» и тщательно ихъ переплеталъ. Кромѣ книги, принадлежавшей Шевченку, есть у меня небольшая собственноручная его записка къ Г. С. Каменецкому, который и подарилъ мнѣ ее, какъ почитателю памяти поэта. Записокъ и пѣсенъ Шевченка было у него много, были и кое-какія вещи, между которыми, особенно помнится мнѣ большой, старинной формы, диванъ, на которомъ всегда и спалъ поэтъ. Диванъ этотъ, съ котораго я снялъ акварельный рисунокъ, послѣ смерти Д. С. Каменецкаго, былъ купленъ, на память о Шевченкѣ, однимъ моимъ товарищемъ Н. Я. Б—ымъ, но удержался у него не болѣе года. При исключительныхъ обстоятельствахъ, даже не владѣльцемъ, онъ былъ проданъ неизвѣстно кому. Изъ вещей, не принадлежавшихъ лично поэту, но имѣющихъ къ нему прямое отношеніе, и которымъ мѣсто въ музеѣ его имени, есть у меня еще любопытный и единственный въ этомъ видѣ фотографическій портретъ Шевченка, снявшагося вмѣстѣ съ Г. Н. Честаховскимъ, отъ котораго я и получилъ эту группу; другая группа, гдѣ Шевченко снялся въ числѣ пяти своихъ знакомыхъ, между которыми находится и Честаховскій, была у меня нѣкоторое время, а потомъ была отправлена въ Лейпцигъ, къ Брокгаузу для изготовленія на стали портрета Тараса Григорьевича; но Брокгаузъ, съ прекрасной фотографіи, награвировалъ Богъ знаетъ что, и въ такомъ видѣ теперь этотъ портретъ прилагается ко всѣмъ кобзарямъ. Оригиналъ группы находится, кажется, въ шевченковской коллекціи В. В. Тарновскаго, а фотографическую копію я тогда снялъ для себя и для двухъ-трехъ знакомыхъ. Все имѣющееся у меня я современемъ вышлю вамъ и, разумѣется, на такихъ же условіяхъ, на какихъ передала вамъ часы Шевченка А. И. Кистяковская. Кромѣ вышеизложеннаго, считаю необходимымъ сообщить, что здѣсь въ Петербургѣ, у художника Н. Т. Малышева, сына знаменитаго въ свое время натурщика Тараса, хранится большой, старательно законченный классный этюдъ работы Шевченка, писаный имъ съ Тараса и подаренный, какъ это часто бываетъ, ему же. Видѣлъ я еще, да вѣроятно и многіе изъ Петербургскихъ земляковъ, у покойнаго А. Г. Тишинскаго солдатскую, съ казеннымъ клеймомъ, сорочку Шевченка, но куда попала она послѣ смерти Тишинскаго, мнѣ не удалось узнать.

Въ заключеніе сообщу Вамъ новость, имѣющую прямое отношеніе къ памяти Шевченка. Мой старый товарищъ по Академіи Художествъ, нынѣ профессоръ скульптуры, В. А. Беклемишевъ окончилъ, наконецъ, начатую имъ еще два года назадъ фигуру, вѣрнѣе полъ-фигуры, въ натуральную величину, изображающую Т. Г. Шевченка. Незабутній Кобзарь стоитъ, слегка наклонивъ голову и устремивъ свой грустный взоръ куда-то вдаль. Въ одной рукѣ онъ держитъ книгу (Кобзарь), а другой придерживаетъ живописно накинутую на плечи кирею.—Это тема на слова поэта: «Думы мои, думы мои, лыхо мени зъ вамы»; по крайней мѣрѣ, В. А. хотѣлъ вначалѣ даже подписать внизу фигуры эти слова. Не даромъ трудился и дважды, впродолженіе двухъ лѣтъ, совершенно передѣлывалъ свою работу талантливый профессоръ. Теперь есть у насъ истинно-художественное и прекрасное изображеніе всѣмъ намъ дорогого батька-Тараса. Профессоръ В. А. Беклемишевъ уполномочилъ меня сообщить землякамъ, что свою работу онъ началъ и окончилъ съ цѣлью передать ее или въ будущій Шевченковскій музей, или въ хату на могилѣ Шевченка, или, наконецъ, въ Товарищество его имени; короче—сдѣлать его общественнымъ достояніемъ. Разумѣется, нельзя не пожелать, чтобы прекрасный трудъ В. А. былъ отлитъ изъ бронзы и такимъ образомъ сохранился бы навсегда. Когда работа почти оканчивалась, о ней случайно узналъ одинъ изъ видныхъ харьковскихъ дѣятелей, г. А—скій, и, увидѣвъ ее, просилъ В. А. Беклемишева повторить для себя фигуру поэта изъ мрамора. На дняхъ фигура перевозится въ Италію, гдѣ спеціальными мастерами будетъ подготовлена для окончательной отдѣлки ея профессоромъ Беклемишевымъ. На будущей же Академической выставкѣ она предстанетъ уже во всей своей красѣ и сверкающей бѣлизнѣ мрамора на судъ публики. Кромѣ этой работы, есть еще у В. А. Беклемишева небольшая фигура Шевченка съ кобзой въ рукахъ—это эскизъ предполагавшейся большой фигуры, но со смертью заказчика, В. В. Тарновскаго, исполненіе фигуры въ предполагавшемся размѣрѣ, вѣроятно, не состоится.

Вы, конечно, уже видѣли превосходно выполненные небольшіе бюстики Т. Г. Шевченка, работы молодого и талантливаго художника Балавенскаго; въ настоящее время онъ оканчиваетъ второй подобный бюстъ, но нѣсколько большихъ размѣровъ; въ этомъ последнемъ размѣрѣ онъ приступаетъ къ большому художественному труду—изготовленію цѣлой коллекціи бюстовъ украинскихъ писате-

лей, начиная со Сковороды. Искренно привѣтствуя симпатичную задачу художника, пожелаемъ ему полнаго успѣха въ его почтенномъ трудѣ и поможемъ ему указаніями и присылкой рѣдкихъ портретовъ, масокъ, снятыхъ съ умершихъ писателей, фотографій и гравюръ, въ которыхъ теперь г. Балавенскій такъ серьезно нуждается.

Другой землякъ нашъ, не менѣе талантливый скульпторъ, Андріолети, оканчивающій въ этомъ году Академію, началъ небольшой, но интересный по задачѣ, барельефъ Шевченка. Зная изящную технику г. Андріолети, можно напередъ быть увѣреннымъ, что его барельефъ будетъ образцово выполненъ.

О. Ю. Сластіонъ.

Легенды о проф. Боткинѣ. Прилагаемыя при этомъ двѣ легенды о проф. Боткинѣ, принадлежащія къ типу бродячихъ произведеній, записаны мною въ 1890 году въ с. Шебекинѣ, Курск. губ., Бѣлогород. уѣзда верстахъ въ пяти отъ имѣнія Боткиныхъ—Новая Таволжанка. Запись сдѣлана отъ крестьянки Соточихи—довольно древней старухи, многія сообщенія которой были помѣщены мною своевременно на страницахъ «Этнографическаго обозрѣнія.»

I.

Боткынъ старыхъ на молодыхъ перевертавъ. Якъ зробывъ девушку зъ цвитивъ—девушка ходе по хоромахъ; жинка у серце прыняла—дума, що «така» ходе, схватыла за плаття, а вона такъ и розсыпалась.

Якъ зачавъ... благый ставъ, тай каже своему помошныкови: «возьми мене порубай на милкы часты, у простыню билу склады, выкопай яму»; сказавъ чымъ полыть; очеретомъ заславъ; «покрый гречаною соломою, а зверху гноемъ завалы; буду я лежать дванадцять день и никому не кажы, де я.»

День, два, тры проходе—«Де твій дохторъ?» «Пойихавъ!...»—одмагается.—Може ты его стребывъ, не прызнаешся?... Винъ уже и не спыть, и сказать боится: «пидождить, братія, якъ выйде дванадцать день, а трынадцятый наступе, я вамъ скажу».

Стоить надъ тіею ямою, чуе: «братъ мій розлюбезный, роскрый мои уста; я вже, слава Богу...» Винъ солому пиднявъ, очеретъ.... а

винъ (Боткинъ) уже молодый, неначе и не винъ—то порубаный, а то цилый...

Це я чула въ Таволжанци, якъ ще панщыну робыла.

II.

Далѣе Соточиха привела еще разсказъ ея односельчанина относительно того, какъ Боткинъ помолодилъ его старуху-мать.

— Що мени, паноченьку, робыты съ своею матирью—чы мени вже іи добыты?

«О, хохолъ, на що іи добывать—вона ще тоби робыть буде.»

— О куды, паноченьку, ій робыть; ій гробъ зробыть тай закопать.

«Ни, постой не закопуй—я іи стару перероблю на молоду.»

— О, де іи, паночку, переробыть, що у неи уже кисткы трищать, якъ вона стане вставать. «Поганяй же ты, каже, на дви недили до дому, а матирь брось мени, а я іи выличу—вона буде тоби робыть.»

— Якъ бы то ты, паночку, вылычывъ—це у мене одна кобыла, ябъ тоби и цю отдавъ.

«Та не йидь до мене дви недили—дня два тры спусты, тоди прыйизды.»

. . . . .—На що я бросывъ?... якъ бы вона дома умерла, то я бъ іи заховавъ добре, а то винъ іи захова хто-его-зна и якъ, ни обиду не буде справлять...

Пройшло дви недили—дай, думае, навидаюсь. Прыйихавъ. А винъ—дохторъ—на матиръ дывытся, а вона пораетсн, дижу мисе.

— Сынъ иде на довидкы, заховайся—я скажу, що ты вмерла, и я тебе заховавъ.

Вона ту руку обмыла и скрылася.

Я увійшовъ у хату, поздоровався: «якъ моя маты?»

— Вже недиля якъ я іи поховавъ.

«Чомъ же вы мени, паночку, не далы звисткы, якъ вы іи тутъ ховалы?» та давай плакаты.

А винъ одчынывъ двери у комнату:

— А йды сюды—каже до старои.

Вона вийшла—поздоровалась: «здрастуйте!»

«Здрастуйте!»—тай дывытся (сынъ).

А винъ (дохторъ) дывытся у кныгу, тай каже: — «Взнавай, Илько, чы твоя матирь, чы ни?»

Це, паночку, не моя маты; моя маты стара була, це вы обманюете мене.

Вона якъ заплаче: «худо тоби безъ матери, а мени ще хуже було, якъ ты мене прывизъ та бросывъ на дви недили.»

— «Беры жъ, Илько, матирь та везы до дому.»

— Я жъ вамъ, паночку, поступався виддаты кобылу, абы матирь выличылы.

— Не треба мени твоеи кобылы, беры матирь та йидь!»

Вы думаете, що я брешу; ей-Богу я свою матирь возывъ переробляять на молоду.

А теперъ таки дохтора... що...

М. К. Васильевъ.

Майноскіе козаки и ихъ земля. Въ газетѣ «Буковина» (№№ 14 и 15) М. Ганькомъ сообщены очень интересныя свѣдѣнія о небольшой группѣ козаковъ, называемыхъ *майноскими*. *Майносъ*—село, стоящее надъ озеромъ того-же названія, неподалеку отъ Пандермы (городъ на южномъ берегу Мраморнаго моря). Исторія этихъ козаковъ слѣдующая. Въ 1708 г., приверженный Булавину атаманъ Игнатъ Некрасовъ, избѣгая казни за свою измѣну, съ 500—600 Донскихъ семействъ раскольниковъ, бѣжалъ съ Дону и передался крымскому хану, получивъ отъ него землю на Кубани, между Таманью и Копылемъ. Но въ 1784 г. некрасовцы должны были уйти оттуда и поселились въ Болгаріи, въ Мачинскомъ и Бабадагскомъ округахъ, надъ озеромъ Разинъ, гдѣ имѣли 6 селеній. Рядомъ съ ними, отдѣленные только р. Дунавцемъ, поселились послѣ разоренія Сѣчи запорожцы, въ количествѣ 5000, подъ предводительствомъ атамана Ляха.—Питая къ сосѣдямъ вражду, запорожцы, какъ сильнѣйшіе (некрасовцевъ было всего лишь 1400 душъ об. пола), вытѣснили некрасовцевъ и вооруженною рукою завладѣли ихъ жилищами и тамъ укрѣпились. [1]) Тогда-то некрасовцы выбрались на побережье Мраморнаго моря; часть ихъ поселилась на р. Марицѣ, поблизу ея устья, надъ оз. Сыральджа, а часть переправилась въ Азію и посе-

[1]) Скальковскій, Истор. Новой Сѣчи, ч. III, 235—236.

лилась надъ озеромъ Manios. [1]) Некрасовцы, оставшіеся въ Европейской Турціи, въ 1827 году принимали участіе въ русско-турецкой войнѣ, и по окончаніи послѣдней—тоже перебрались въ Азію, къ землякамъ, что надъ оз. Майносъ. Любопытно то, что судьба чуть было снова не свела некрасовцевъ съ запорожцами. Послѣ измѣны Гладкаго, 2000 запорожцевъ, оставшихся въ Турціи, были заключены въ темницу и когда ихъ выпустили на волю, то предлагали, между прочимъ, поселиться въ М. Азіи, рядомъ съ некрасовцами. [2]) Въ настоящее время этихъ майноскихъ козаковъ не много; всего лишь 157 дворовъ, но всѣ они сохранили свой козацкій типъ и своенародный костюмъ, а также въ значительной степени удерживаютъ въ языкѣ особенности малорусской рѣчи: лексика по большей части малорусская, хотя есть слова и русскія, а фонетика довольно своеобразная; такъ, напр.: *ѣ* выговариваютъ какъ *і*, *о* безъ ударенія—какъ *а*, а *г* какъ *g*. Вотъ образчикъ ихъ пѣсни:

Якъ по степу по шырокому,
А по морю по глыбокому
Залегала тамъ дороженька простисинька,
Та нихто тою дороженькою
Та не хажувалъ, та не пиздживалъ.
Якъ прохожалъ, якъ пройизджалъ да Игнатъ козакъ—
Онъ не самъ пройизджалъ, козаковъ привожалъ.
Та не мало, не багато, опричъ старого, опричъ малого
У Игната козаковъ сорокъ тысячивъ на коня то систь...

Или вотъ другая:

Ты зойды, зойды, ясне сонечко,
Надъ горой, зойды, надъ высокою,
Надъ дибровою, надъ зеленою,
Обогрій ты насъ, людей бидненькыхъ,
Добрыхъ молодцивъ, людей бигленькыхъ.
Оны ставылы церкву—знамюшку,
Церкву знамюшку—семиглавую,
На восьмой глави хрестъ посрибленый,
На хрести сыдыть чорна галочка,

---

[1]) Kozaczyzna w Turcyi, X. K. O. (Paris, 1857), стр. 82.

[2]) Тамъ-же, стр. 22.

Чорна галочка, мала пташечка.
Высоко сыдыть, далеко глядыть,
А глядыть вона, та все дывытся
Да на сынее море и т. д.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ разговорѣ лексика больше малорусская, чѣмъ въ пѣсняхъ. Хата (а не изба), нема (нѣтъ), кутокъ, шматъ, и т. п. Живутъ козаки очень хорошо; хаты просторныя, большей частью двухъ-половинныя, крытыя черепицею, стѣны пообвѣшаны «кылымамы» и позаставлены въ огромномъ количествѣ иконами—и это не только въ хатахъ, но и въ сѣняхъ: понятно, что въ этомъ благодатномъ краѣ, въ сѣняхъ приходится чаще сидѣть, чѣмъ въ хатѣ. Козаки въ праздничный день облачаются въ одежду, къ которой на груди нацѣплены въ два ряда 16 огромныхъ турецкихъ «срибнякивъ», а дивчата еще вплетаютъ въ косы по-нѣскольку турецкихъ «золотыхъ», или англійскихъ лиръ (около 8 руб.). Козаки носятъ «гешметы» (наши полтавскія «чумарки», только немного длиннѣе) изъ полосатой красной или желтой матеріи. Сверхъ того, иногда надѣваютъ «чекмени» (изящно сшитая «сирачына», обшитая позументомъ), а къ этому, на случай какого-нибудь парада, имѣютъ еще кожухи, крытые краснымъ сукномъ.

Ежегодно козаки выбираютъ «атамана и осаула». Конечно, съ тѣхъ поръ, какъ казаки перестали служить въ турецкомъ войскѣ, а платятъ выкупную отъ военщины подать (какъ и всѣ другіе христіане подъ турецкимъ владычествомъ), эти должностныя лица не имѣютъ того значенія, что прежде, но все же всѣ стародавніе «звычаи» сохранились и до сихъ поръ. Когда надо собрать «раду», то осаулъ ходитъ по селу съ «палыцею», обитой серебромъ, и протяжно выкрикиваетъ: «Гей, господа козакы, велыкее військо кубанськее, ходить у кругъ *вистыя* слухать; кто не пійдеть,—на тымъ військовый прыговоръ 20 левивъ (около 1 р. 60 к.)». Когда же разбирается какое нибудь болѣе важное дѣло, штрафъ поднимается до лиры (около 8-ми рублей).

Какъ только соберутся козаки, то отаманъ и осаулъ сводятъ палки концами вмѣстѣ, и тогда осаулъ спрашиваетъ отамана: «Чы почынаты раду?»; «тотъ отвѣчаетъ: «пытайся козакивъ»... Получивъ отъ козаковъ разрѣшеніе, осаулъ и отаманъ разъединяютъ концы своихъ «палыць», и рада начинается. А когда происходитъ рада, то

если кто-нибудь начнетъ говорить,—остальные молчатъ,—а если кто-нибудь станетъ перебивать, то заплатитъ штрафъ. Кричатъ же «гуртомъ» только тогда, когда требуется постановленіе рѣшенія,—«якъ иде голосованне»...

Въ прежнее время власть рады была гораздо больше, чѣмъ теперь, такъ какъ турки теперь вмѣшиваются въ козацкія несогласія между собою, и много уже среди козаковъ есть такихъ, которые не довольствуются козацкимъ судомъ.

Надо сказать, что въ Майносѣ есть двѣ партіи: рыболовы и хлѣбопашцы. Во времена оны султанъ имъ подарилъ огромное пространство плодородной земли, которую они тотчасъ же раздѣлили на 200 частей, по числу козаковъ. Но болѣе лѣнивый элементъ, избѣгающій тяжелой работы, занимаясь однимъ рыболовствомъ, переуступилъ свои надѣлы землепашцамъ, которые, прикупивъ земли еще у сосѣднихъ турецкихъ крестьянъ, оказываются весьма зажиточными хозяевами.

Полевое хозяйство у майносцевъ представляетъ очень много интересныхъ особенностей. Пашутъ одни (скорѣе ралютъ) плугами—сабанами, которые кладутъ разрыхленную почву по обѣ стороны, при чемъ начинаютъ пахать еще въ постъ. Такой паръ лежитъ нетронутый все лѣто, осенью засѣвается и перепахивается уже послѣ посѣва тѣмъ же самымъ сабаномъ, но не заволакивается. Весь хлѣбъ здѣсь, кромѣ одной кукурузы, озимый: озимый овесъ, ячмень, конскій бобъ и кунжутъ (турецкое просо, сорго), а болѣе всего сѣется пшеница. Когда путешественникъ спросилъ о ржи, то получилъ отвѣтъ: «хиба й то ще хлибъ?» Что касается домашнихъ животныхъ, то майносцы имѣютъ лошадей, воловъ, коровъ; много свиней. Вообще существованіе ихъ здѣсь является вполнѣ обезпеченнымъ.

Канадскіе русины. Когда русины впервые явились въ Канаду, они произвели весьма дурное впечатлѣніе на англичанъ. Они явились въ своихъ «полотнянкахъ, кожухахъ, чоботахъ, высокихъ шапкахъ, сердакахъ, опанчахъ, постолахъ, опинкахъ, кацавейкахъ, хусткахъ, дымкахъ, душкахъ, запаскахъ, перемиткахъ, коралихъ, застяжкахъ». Когда всю эту красоту увидѣли чужіе люди,—они испугались, и стали писать въ газетахъ, что—«Ру-

сины—это народъ дикій». Но не только малорусскихъ уборовъ испугались чужіе люди, испугались они также запуганныхъ физіономій, медленной походки, громкихъ разговоровъ на улицѣ, торга въ магазинахъ, и чужіе люди стали между собой совѣщаться, что русиновъ нельзя вмѣстѣ селить, а лучше всего размѣстить по широкимъ степямъ. Это мнѣніе англичанъ подтвердилъ въ мартѣ прошлаго 1898 года канадскій парламентъ, говоря что русиновъ надо разбросать по всей Канадѣ. Правда, канадское правительство придерживалось этой политики по отношенію къ русинамъ и въ прежніе года, но постановленіе парламента утвердило эту политику и на будущее время.

Въ силу этого въ этомъ году пріѣзжихъ Русиновъ будутъ размѣщать въ провинціяхъ Саскачеванъ и Асинобои. А въ прежніе года, т. е. 1894, 1895, 1896, 1897 и 1898, правительство селило русиновъ въ Манитобѣ, Альбертѣ, а отчасти и въ Асинобои и Саскачеванѣ. Въ данное время имѣются слѣдующія колоніи:

а) въ Манитобѣ: 1) Stuartburn, 2) Dauphin, 3) Pleasant Home, 4) Broken, Head, 5) st. Norbert, 6) Gonor

б) въ Асинобои: Iorkton,

в) въ Саскачеванѣ: Saskatoon,

г) въ Альбертѣ: 1) Edna, 2) Rabbit Hills.

Болѣе всего нашихъ единоплеменниковъ находится въ Манитобѣ. Здѣсь наиболѣе многочисленныхъ двѣ колоніи: Stuartburn и Daupnin, въ которыхъ можно считать до 800 семействъ. Въ Pleasant Home—180, въ Brokenhead - 30, въ St. Norbert—30,—въ Gonor тоже—30.

Въ Iorkton'ѣ, въ Асинобои, насчитываютъ до 300 семействъ, Saskatoon въ Саскачеванѣ также имѣетъ достаточно людей, Edna въ Альбертѣ—400, Rabbit Hills—60 семействъ. Всего до 2000 семействъ около 10000 душъ.

Всѣ эти колоніи находятся на значительномъ одна отъ другой разстояніи,—наименѣе 2 дня быстрой ѣзды. При томъ въ самыхъ колоніяхъ способы передвиженія бываютъ самые неожиданные. Иногда приходится ѣхать и волами, черезъ прерію, по которой едва начинаетъ пролагаться дорога, или по кочкамъ («корчамъ»), буграмъ и т. д. Помимо правительства, наши земляки разсѣеваются еще въ силу и другихъ условій; необъятный просторъ притягиваетъ нашего человѣка, который стремится занять какъ можно лучшую землю.

Хотя родственное чувство или знакомство и удерживаютъ часто нашихъ эмигрантовъ по сосѣдству, однако погоня за хорошей землей пересиливаетъ первыя.

Вотъ среди такихъ обстоятельствъ должна соотвѣтственно имъ слагаться также жизнь.

Первое, что утеривается—это тѣ сложные обряды, которые такъ сильно вкоренились въ наше сельское население. Здѣсь немыслимы тѣ длинные свадебные обряды, тѣ крестьбины, тѣ обжинки, тѣ праздники, вообще вся та сѣть обрядовъ, что обвиваетъ всю жизнь нашего бѣднаго крестьянина.

Немалозначительной причиной упадка обрядовъ служитъ также и то обстоятельство, что нашъ человѣкъ въ Канадѣ не достанетъ такъ легко «горилки». Иногда онъ принужденъ бываетъ потерять нѣсколько дней, пока вернется съ нею изъ города. Также и то имѣетъ вліяніе на утрату давнихъ товарищескихъ обычаевъ, что наши земляки не имѣютъ давнихъ своихъ знакомыхъ поблизу, а живутъ недалеко какіе-то люди, которые хотя и говорятъ «по-русски», но все какъ-то иначе (всегда смѣшнѣе), которые хотя и не одѣваются по-пански, но все какъ-то иначе, чѣмъ люди его села,—думаетъ каждый.

Иногда случится, что нѣсколько человѣкъ изъ одного села, или изъ одного уѣзда, или съ одинаковой одеждой или языкомъ поселятся по-сосѣдству. Тогда только они чувствуютъ себя отраднѣе. Они не смотрятъ уже на себя, какъ «на чужынцивъ», но какъ на близкихъ другъ другу.

Иногда случается, что немного людей съ одинаковымъ чувствомъ, какое бываетъ обыкновенно у нашего селянина, съ чувствомъ русской вѣры, соберется вмѣстѣ, чтобы воздвигнуть святыню. Но тогда уже происходятъ споры, потому что не каждый одинаково понимаетъ русскую вѣру.

Другого рода связи между нашими людьми рѣдко случаются; напр., связей хозяйственныхъ и просвѣтительныхъ, какъ будто и не видно. Движеніе въ этихъ двухъ направленіяхъ едва лишь начинается. Движеніе это будетъ имѣть различныя препятствія со стороны своихъ же людей, но этому будетъ виною само воспитанье народное (Svoboda, № 47, 1898 г.).

«Vaterland», по словамъ «*Wiek*» (№ 296), помѣстилъ письмо Канадскаго архіепископа Adelard'a (въ st. Boniface), заключающее въ себѣ довольно интересныя подробности о галицкихъ эмигрантахъ.

«Въ моемъ округѣ (діэцезіи) есть около 600 семействъ; изъ нихъ 500 католическихъ (надо полагать, греко-католическ.). Говорятъ или по-польски, или по-русски (русински). Другія 600 семействъ находятся къ сѣверу отъ Канады въ діэцезіи Edmonton. Народъ этотъ убогій, но работящій и бережливый; несомнѣнно, многіе изъ нихъ пріобрѣтутъ значительное состояніе. Прежде всего они занялись тѣмъ, что на небольшія деньги пріобрѣли въ собственность огромныя пространства. Къ главѣ государства относятся съ великимъ почтеніемъ, любовью и уваженіемъ. Имѣю одного священника, который говоритъ по-польски, и другого, который учится этому языку, но этихъ не достаетъ для исполненія духовныхъ потребъ паствы.....» Затѣмъ архіепископъ разсказываетъ, что онъ уже строитъ «каплицу» и школу надъ озеромъ Dauphin, потому что тамъ опять «пресвитеріане» агитируютъ среди эмигрантовъ.

О школьномъ вопросѣ у канадійскихъ русиновъ интересныя свѣдѣнія даетъ нѣкто г. Правдолюбъ (Свобода, ч. 2). Русины колоніи Фокъ Риверъ (85 миль отъ Daupnin) рѣшили построить школу. Какъ только объ этомъ узнали французскіе патеры, сейчасъ же дали знать лат. архіепископу (Adelard'у, о которомъ мы выше упоминали) въ Виннпеѣ, а этотъ уже прислалъ миссіонера въ русинскую колонію. Переходя отъ хаты до хаты, онъ каждаго спрашивалъ: католикъ ли онъ? Разумѣется, каждый отвѣчалъ, что католикъ, разумѣя при этомъ:— греко-католическое исповѣданье. Но хитрый миссіонеръ заявилъ послѣ этого высшимъ духовнымъ властямъ, что русины католики *римскаго* обряда и испытываютъ нужду въ католической школѣ. Только черезъ нѣсколько дней поняли колонисты, съ какой цѣлью пріѣзжалъ ихъ опрашивать миссіонеръ. Собравшись 3 января на совѣтъ, рѣшили послать протестъ въ Министерство Просвѣщенія въ Отавѣ. Народъ сильно возмущенъ, и если въ скоромъ времени не пріѣдетъ уніатскій священникъ (русинъ), то намѣрены обратиться къ православному епископу съ просьбой прислать имъ священника. Такимъ образомъ, даже въ новомъ свѣтѣ несчастные русины не избавились отъ тѣхъ насилій надъ совѣстью, отъ которыхъ, между прочимъ, бѣжали изъ Галиціи.

Поправка. Въ ст. К. Михальчука «Что такое малорусская рѣчь?», помѣщенной въ августовской кн. «Кіев. Стар.» сего 1899 г., замѣчены слѣдующія *важнѣйшія* опечатки:

СТРАН.	СТРОКА. св.:	СТРОКА. сн.:	НАПЕЧАТАНО:	ДОЛЖНО БЫТЬ:
140	1	—	разговорныхъ	разнородныхъ
—	—	1	*рабый, пейте*	*рабы, пйете*
141	14	—	органическихъ	органически
—	—	6	интереснаго	интенсивнаго
—	—	2	своей	свои
142	—	13	особенностми	особенностями
—	—	12	теоряи	теоріи
—	—	11	языковагоі	языковаго
145	—	2	вытѣсняются	вытѣсняютъ
154	19	—	распадающихся	распадающимися.
157	2—3	—	функціей	фикціей.
160	—	11	«не общерусскимъ»	не «общерусскимъ»
162	—	10	нѣчто другое; но что именно?	нѣчто другое? Но что именно?
163	13	—	*ч т*	*ı т*
164	8	—	meћa, npeћa	meђa, npeђa.
—	19	—	ježdźe	ježdžę
—	24	—	ѧ	ж
165	—	17	ř	ŕ (rj)
170	17	—	рода	ряда
176	2—3	—	нарѣчія ко всей	нарѣчія отчасти ко всей
—	24	—	жалки	шатки
178	2	—	лужицкимъ	лужицкими
—	9—10	—	конечно, различіе	конечно, развитіе
179	9	—	Въ составѣ	Въ составъ
184	22	—	сюжеть	сюжеты
185	—	13	по всему	ко всему
—	—	10	гибелью	гибельно
187	14	—	гегомоніи	гегемоніи
189	14	—	прееставители	представители
—	21	—	впепедъ	впередъ
190	—	18	посколько	поскольку

191	9	—	не только	не столько
192	—	22	изъ такихъ	изъ нашихъ
—	—	18	польско-шляхетнаго	польско-шляхетскаго
—	—	17	отщепенцемъ	отщепенцевъ
—	—	8	привило	привело
194	7	—	творчествомъ другихъ	творчествомъ нѣкоторыхъ другихъ

Текущія извѣстія.

Украинско-рускій университетъ во Львовѣ. Еще въ концѣ прошлаго столѣтія императ. Іосифъ II ввелъ въ львовскомъ университетѣ чтеніе лекцій на русскомъ языкѣ. Въ 1808 г. чтеніе на этомъ языкѣ было уничтожено и замѣнено языкомъ сначала латинскимъ, затѣмъ нѣмецкимъ, и наконецъ—польскимъ. Правда, львовскій университетъ теперь именуется утраквистическимъ, т. е. русско-польскимъ, въ которомъ должны существовать каѳедры съ чтеніемъ на «рускомъ» (галицкомъ) и польскомъ языкахъ—параллельно. Но, къ сожалѣнію, этотъ утраквизмъ существуетъ лишь на бумагѣ, а въ дѣйствительности Русины имѣютъ лишь нѣсколько каѳедръ съ чтеніемъ на «рускомъ» языкѣ. Сколько Русины ни прилагали усилій къ увеличенью числа каѳедръ,—труды ихъ не увѣнчивались успѣхомъ: поляки не только были противъ основанія новыхъ «рускихъ» каѳедръ, но и существующія не замѣщали годами. Профессоровъ-русиновъ игнорировали, не выбирали ихъ никогда ректорами—развѣ такихъ, что именуются gente Rutheni, natione Poloni, и ставили всевозможныя препятствія къ докторской степени.

Въ виду такого ненормальнаго и противозаконнаго въ сущности порядка вещей, украинско-русская университетская молодежь рѣшила поднять свой голосъ, чтобы подвинуть нѣсколько вопросъ объ основаніи русско-украинскаго университета во Львовѣ; съ этой цѣлью состоялось во Львовѣ 1-го іюля сего года собраніе студентовъ Львовскаго университета и делегатовъ другихъ городовъ и корпорацій около 500 душъ, кромѣ слушателей богословскаго факультета, которымъ было запрещено являться въ собраніе.

Резолюція собранія выражена была въ слѣдующихъ 3-хъ desiderata:

1. Украинско-русскіе студенты всѣхъ австрійскихъ высшихъ учебныхъ заведеній, сообразно съ налогами, вносимыми «руськимъ» народомъ въ пользу австрійскаго правительства, и согласно тому, что конституція обезпечиваетъ свободное развитіе всѣхъ народностей, а также, что утраквизмъ въ пренебреженьи, а число украинско-русскихъ студентовъ велико, обращаются къ правительству съ петиціей объ основаніи украинско-русскаго университета во Львовѣ.

2. Въ силу потребности въ украинско-русскомъ университетѣ, который обезпечитъ развитіе культуры, постановили послать меморіалъ по этому поводу въ министерство вѣроисповѣданій и народнаго просвѣщенія.

9. Обращаются съ призывомъ къ украинско-русскому обществу — поддерживать ихъ дѣло на каждомъ шагу.

Въ концѣ былъ прочитанъ и подписанъ меморіалъ и прочитано 120 привѣтственныхъ телеграммъ, полученныхъ къ этому времени отъ свѣтскихъ русиновъ, духовенства, женскихъ клубовъ, крестьянъ, мѣщанъ и читаленъ.

Польская заграничная пресса, какъ и слѣдовало ожидать, отнеслась къ справедливымъ требованіямъ русинскаго студенчества крайне недоброжелательно. «Dziennik polski» назвалъ эти требованія «śmieszną i dziką pretensyą», а «Czas» съ насмѣшками заявилъ, что въ скоромъ времени и студенты «жиды» станутъ добиваться отдѣльнаго университета и признанія особой «жидовской» національности.

Будемъ надѣяться, что австрійское правительство отнесется къ требованіямъ русинской молодежи съ достойной справедливостью. (Литерат.-Науков. Вістник, т. XII, кн. VIII).

Памяти Афанасія Марковича. 16 мая, въ Черниговѣ отправлена была панихида по Афанасіѣ Марковичѣ по причинѣ постановки на его могилѣ надгробнаго памятника. До сихъ поръ могила Марковича находилась въ запустѣньи, не было даже деревяннаго креста на ней. Въ этомъ году кое-кому изъ черниговцевъ пришла благая мысль поставить на могилѣ небольшой памятникъ съ надписью: «Опанас Маркович — український письменник, родився р. 1822, почивъ 1867». 16 мая этотъ памятникъ и былъ поставленъ.

Потребность въ популярныхъ малорусскихъ брошюрахъ. Извѣстный публицистъ и философъ Владиміръ Лесевичъ, въ письмѣ въ редакцію «Сына Отечества» (№ 153), обращаетъ вниманіе на то, какое огромное значеніе имѣетъ для крестьянина-малоросса популяризація на народномъ языкѣ земледѣльческихъ интенсивныхъ системъ, и для примѣра указываетъ на извѣстную брошюру Е. Чикаленка «Розмова про сельске хазяйство». Въ своемъ письмѣ г. Лесевичъ высказываетъ между прочимъ ту мысль, что только тогда народное благосостояніе достигнетъ болѣе высокой степени, когда на пути развитія и культурнаго движенія его перестанутъ стоять всевозможныя помѣхи, когда бытъ народа, какъ и дѣятельность талантовъ, работающихъ для народа, обставлены будутъ соотвѣтственными и нормальными условіями.

Шевченковская улица въ Черниговѣ. 12 мая черниговская городская дума обсуждала вопросъ о чествованіи юбилея Пушкина. Вспомнили, что Пушкинъ былъ однажды въ Черниговѣ и, какъ говорятъ, останавливался въ гостинницѣ «Царьградъ», существующей и понынѣ. При случаѣ вспомнили, что въ той же гостинницѣ въ 1847 году, во время великаго поста, проживалъ и Т. Г. Шевченко. Гостинница стоитъ на лучшей въ городѣ улицѣ—«Шоссейной». На собраніи предложили: назвать улицею «Шевченка» ту часть Шоссейной улицы, которая идетъ мимо упомянутой гостинницы и далѣе, возлѣ бульваровъ, каѳедральнаго собора, въ направленіи къ р. Деснѣ; другую же половину, отъ поворота ея въ центрѣ города и губернской богадѣльни, назвать Пушкинской. Дума приняла предложеніе; остановка за утвержденіемъ...

Новонайденныя произведенія Шевченка. А. Я. Конисскому доставлены изъ библіотеки одного изъ живыхъ еще пріятелей Шевченка три большія тетради поэтическихъ произведеній послѣдняго, написанныхъ собственною его, Шевченка, рукою. Большая часть произведеній въ этихъ рукописяхъ—варіанты уже напечатанныхъ, но есть среди нихъ и нѣсколько никому неизвѣстныхъ доселѣ, какъ напр. поэма «Юродывый» и др. Кромѣ того, эта рукопись имѣетъ большое значеніе еще потому, что, кромѣ новыхъ произведеній, даетъ возможность установить съ точностью хронологичныя даты не-

извѣстныхъ или находящихся подъ сомнѣніемъ, даетъ много варіантовъ, гораздо лучшихъ, нежели извѣстные до сихъ поръ въ разныхъ изданіяхъ Кобзаря. (Літерат.-Науков. Вістн., № 8).

Будемъ надѣяться, что объ этой находкѣ мы получимъ въ скоромъ времени и болѣе обстоятельныя свѣдѣнія.

Домъ Ивана Мазепы. Г. Мукаловъ въ кіевской газетѣ «Жизнь и Искусство» (№ 115) обращаетъ вниманіе на домъ гетмана Мазепы въ Кіевѣ. Домъ этотъ стоитъ на Печерскѣ, на углу улицъ Эспланадной и Никольской и своей давней архитектурой сильно выдѣляется между сосѣдними домами. Построенъ онъ въ два этажа: нижній—кирпичный, верхній—деревянный; фронтонъ украшенъ колоннами; подъ домомъ большой погребъ. Матеріалъ и архитектура наводятъ на мысль, что ему не меньше 200 лѣтъ. Давнихъ домовъ въ Кіевѣ съ каждымъ годомъ становится все меньше и меньше,—поэтому желательно было бы, чтобы этотъ памятникъ старины былъ сохраненъ на далѣе.

Искъ по поводу Бакотскихъ пещеръ. Еще въ началѣ текущаго года владѣльцемъ части с. Бакоты былъ предъявленъ къ Подольской духовной консисторіи интересный искъ о признаніи за нимъ права собственности на состоящія нынѣ въ вѣдѣніи духовенства извѣстныя Бакотскія пещеры.[1] Въ двухъ происходившихъ уже 30 мая и 26 августа судебныхъ засѣданіяхъ по этому дѣлу повѣренный истца доказывалъ захватъ косогора, гдѣ находятся пещеры, и требовалъ осмотра на мѣстѣ при участіи эксперта-землемѣра, а повѣренный отвѣтчика, исходя изъ того положенія, что Бакотскія пещеры представляютъ собою древнее монастырище съ православнымъ храмомъ и не могутъ составлять частной собственности, въ данномъ случаѣ, иновѣрца, тоже просилъ осмотра на мѣстѣ при участіи спеціалистовъ по исторической археологіи, причемъ указалъ на профессора университета св. Владиміра В. Б. Антоновича и свящ. Е. І. Сѣцинскаго. Судъ отложилъ объявленіе резолюціи на 2-е сентября. Можно думать, что это дѣло, выдѣляющееся изъ ряда шаблонныхъ исковъ, потребуетъ еще не одного засѣданія, да и не преминетъ пройти всѣ инстанціи. (Подол. Губ. Вѣд. № 184).

---

[1]) См. о нихъ въ Кіев. Стар. 1891 г. № 10.

Портреты дѣятелей временъ Коліевщины. Въ «Приднѣпровск. Краѣ» помѣщена статья г. Шульгина, въ которой онъ описываетъ свое путешествіе по мѣстамъ Малороссіи, связаннымъ съ кровавой драмой коліевщины. Между прочимъ посѣтилъ онъ Матренинскій монастырь и нашелъ тамъ нѣкоторые портреты дѣятелей той эпохи. Здѣсь — говоритъ г. Шульгинъ — среди спокойно-строгихъ ликовъ православныхъ іерарховъ позднѣйшаго времени (митрополитовъ Платона, Иннокентія и друг.), глядятъ на васъ со стѣнъ усатыя лица гайдамацкихъ и запорожскихъ «батьківъ», съ лихими чупринами, исполненныя какой то сосредоточенной страстности. Особенно приковываютъ ваше вниманіе два портрета масляными красками, на которыхъ изображены «лыцари» коліивщины (1768 г.) – Максимъ Желѣзнякъ и Иванъ Гонта.

Желѣзнякъ изображенъ въ темной одеждѣ послушника, съ которой плохо гармонируетъ лихо закрученная чуприна, серга въ правомъ ухѣ и рукоять козацкой сабли, на которой покоится лѣвая рука «лыцаря». Какъ извѣстно, онъ на время покинулъ веселое Запорожье и скрылся въ тиши Матренинскаго монастыря, пока не пробилъ часъ призвать народъ къ борьбѣ за вѣру и народность.

Гонта изображенъ на портетѣ въ обычномъ козацкомъ костюмѣ. съ характерными усами запорожца и чуприною... А вотъ еще благообразное лицо, подъ митрополичьимъ клобукомъ, не безъ суровости во взглядѣ черныхъ глазъ. То добрый страдалецъ за вѣру православную, матренинскій архимандритъ Мельхиседекъ Значко-Яворскій, освятившій возы съ ножами и бывшій вдохновителемъ народа на борьбу съ игомъ польскихъ и малорусскихъ пановъ.

Къ постановкѣ памятника И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. Авторъ бюста, предназначеннаго для памятника Котляревскому, скульпторъ Л. В. Позенъ, третьяго дня осматривалъ зданіе для просвѣтительныхъ цѣлей и попутно высказался передъ присутствовавшими при этомъ представителями городского управленія по поводу постановки памятника вблизи упомянутаго зданія. Г. Позенъ противъ постановки памятника въ этомъ мѣстѣ; онъ находитъ, что впереди просвѣтительнаго зданія умѣстнѣе было-бы поставить небольшой бюстъ Гоголя. Г. Позенъ, какъ мы слышали, предполагаетъ представить къ октябрьскому засѣданію думы свое заключеніе по поводу выбора мѣста для

постановки памятника и присутствовать лично при обсужденіи этого вопроса. (Полт. губ. Вѣд. № 173).

Состояніе могилы И. П. Котляревскаго. На могилѣ малорусскаго поэта И. П. Котляревскаго, на старомъ городскомъ кладбищѣ, вотъ уже два года установленъ мраморный надгробный памятникъ. До настоящаго времени памятникъ этотъ стоитъ безъ креста и ограды, которые, однако, уже почти цѣлый годъ какъ изготовлены въ мастерской ремесленнаго училища. Почему ограда и крестъ не переносятся на могилу, гдѣ имъ быть надлежитъ, а хранятся въ ремесленномъ училищѣ, неизвѣстно. Врядъ-ли только такое отношеніе къ памяти Котляревскаго вяжется съ тѣмъ воодушевленіемъ, которое мѣстное общество проявило въ дѣлѣ составленія фонда для открытія памятника первому малорусскому поэту. (Полт. Губ. Вѣд. № 180).

Съѣздъ славянскихъ филологовъ. Въ чешской Прагѣ предположенъ въ 1901 или 1902 году первый съѣздъ славянскихъ филологовъ. Между прочимъ предполагается обсудить на съѣздѣ вопросъ о составленіи общаго руководства для изученія славянской филологіи, о введеніи однороднаго алфавита для всѣхъ славянскихъ языковъ, о составленіи полнаго древне-славянскаго словаря и словарей всѣхъ славянскихъ языковъ и др. Съѣздъ будетъ раздѣленъ на 4 секціи: языкознаніе, литература, народовѣдѣніе и древности. Рефераты могутъ читаться на всѣхъ славянскихъ языкахъ, а также на французскомъ и нѣмецкомъ. Оффиціальнымъ языкомъ будетъ чешскій.

Вопросъ объ этомъ съѣздѣ обсуждался въ частномъ собраніи славистовъ, съѣхавшихся въ Кіевъ на XI археологическій съѣздъ.

Археологическая карта. На выставкѣ во время бывшаго археологическаго съѣзда въ Кіевѣ находилась, между прочимъ, замѣчательная карта Волыни, составленная профессоромъ В. Б. Антоновичемъ. Карта эта стоила почтенному профессору слишкомъ $1^1/_2$ годичнаго усидчиваго кропотливаго труда. Въ этой картѣ довольно рельефно выступаютъ условія заселенія Волынскаго края въ доисторическія эпохи. Въ картѣ В. Б. Антоновича обозначены археологическіе памятники въ 1,105 мѣст.; городищъ помѣщено 363, кургановъ—15,125 и раскопокъ—714.

Церковно-археологическіе комитеты. По отдѣльнымъ епархіямъ проектированы къ учрежденію особые церковно-археологическіе комитеты. Этимъ комитетамъ предполагается поручить предварительное изученіе и разсмотрѣніе всѣхъ ходатайствъ и дѣлъ, возникающихъ въ епархіи по постройкамъ и реставраціямъ древнихъ храмовъ, иконописи, стѣнописи и проч. Заключенія комитетовъ по этимъ вопросамъ, съ тою или иною мотивировкою, основанною на непосредственномъ ихъ знакомствѣ со всѣми однородными памятниками епархіи, должны явиться матеріаломъ для правильнаго сужденія подлежащихъ административныхъ учрежденій, которыя въ настоящее время поставлены въ необходимость разрѣшать эти вопросы большею частью на основаніи заключеній случайныхъ представителей археологіи, иногда совсѣмъ незнакомыхъ съ мѣстными памятниками и мѣстными условіями и потребностями церковно-религіозной жизни. (Новороссійск. Телегр. № 7891).

П. А. Лашкаревъ. (*Некрологъ*). Въ ночь съ 27 на 28-е августа скоропостижно скончался на 66-мъ году жизни заслуженный профессоръ Кіевской духовной академіи *Петръ Александровичъ Лашкаревъ*, 40 лѣтъ поработавшій въ академіи въ качествѣ преподавателя по каѳедрѣ церковной археологіи и каноническаго права, по которому онъ также читалъ лекціи въ послѣдніе нѣсколько лѣтъ и въ Университетѣ св. Владиміра. Извѣстный въ наукѣ своими печатными трудами по своей спеціальности, покойный не мало поработалъ и надъ вопросами, свазанными съ церковной археологіей нашего юга, и въ особенности Кіева; укажемъ, наприм., его статьи въ «Трудахъ Кіевск. Духовн. Акад.» —О кіевскихъ древнихъ церквахъ Спаса на Берестовѣ (1867 г., № 7) и св. Симеона (1879 г., № 5). Принималъ покойный участіе и въ Кіевскихъ Университ. Извѣстіяхъ», и въ «Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ», и въ «Трудахъ археологическихъ съѣздовъ» —Московскаго и Кіевскаго; даже въ только - что закончившемся XI археологическомъ съѣздѣ имъ былъ читанъ докладъ «Объясненіе церковныхъ древностей г. Чернигова».

БИБЛІОГРАФІЯ.

А. Верзиловъ. Очеркъ торговли южной Руси съ 1480—1569. *Изданіе редакціи «Земскаго Сборника Черниговской губ.» Черниговъ 1898 81 стр.*

Работа г. Верзилова печаталась въ Земскомъ Сборникѣ Черниговской губ.—оттого она и остается даже среди ученой публики малоизвѣстной; между тѣмъ работа эта заслуживаетъ полнаго вниманія, какъ по новизнѣ темы, такъ и по собраннымъ въ ней очень кропотливо фактамъ. „Очерки южно-русской торговли, по словамъ самого автора ихъ, являются результатомъ занятій южно-русской исторіей у проф. В. Б. Антоновича въ бытность автора студентомъ кіевскаго университета. Въ то время, говоритъ г. Верзиловъ, работа была намѣчена нѣсколько шире; предполагалось составить очерки промышленности; былъ собранъ и матеріалъ въ такомъ объемѣ, но по окончаніи университета обстоятельства измѣнились, работа едва-ли будетъ продолжена, поэтому печатается первая часть ея въ томъ видѣ, въ какомъ она была закончена въ 1893 году". Можно искренно пожалѣть, что авторъ не надѣется окончить своей работы: съ его добросовѣстнымъ и кропотливымъ изученіемъ матеріала, умѣньемъ группировать и критически относиться къ нему, мы, безъ сомнѣнія, получили-бы отъ г. Верзилова цѣнный вкладъ въ науку. Но и въ томъ видѣ, въ какомъ является работа нашего автора, она даетъ не мало цѣннаго въ области, которой до г. Верзилова едва касалась рука изслѣдователя, а если и касалась, то только случайно, мимоходомъ.

Г. Верзиловъ разсматриваетъ исторію южно-русской торговли въ 1480 по 1569-й годъ. «Нами, говоритъ онъ, избранъ періодъ конца XV и первой половины XVI в. потому, что этотъ періодъ въ экономической жизни страны представляетъ законченную эпоху. Въ концѣ XV вѣка, съ развитіемъ могущества крымскихъ татаръ, Менгли-Гирей разрушаетъ Черноморскіе порты, что ведетъ къ упадку торговыхъ сношеній съ побережьемъ Чернаго моря. Далѣе открытіе Америки и пути вокругъ м. Доброй Надежды въ Индію коренным образомъ измѣнило направленіе европейской торговли. Указанныя причины отразились на данномъ районѣ (т. е. на Украинѣ): упадкомъ торговли съ Востокомъ и, въ зависимости отъ этого, усиленіемъ торговыхъ сношеній съ Западомъ, упадкомъ земледѣлія въ Поднѣпровьѣ, вслѣдствіе прекращенія сбыта въ Черноморскіе порты и безпрерывныхъ татарскихъ набѣговъ. Половина же XVI в., по мнѣнію изслѣдователей литовско-русской исторіи, представляетъ собою переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному. Съ этимъ временемъ, какъ извѣстно, совпадаетъ политическая унія Литвы съ Польшею, повлекшая за собою перемѣну въ сословно—экономическихъ отношеніяхъ. Между этими двумя историческими гранями—концомъ XV и половиной XVI в.в.—господствуетъ одна финансовая политика, выражавшаяся въ системѣ откуповъ, и преобладаетъ извѣстное направленіе правительства, стремившееся сблизить двѣ стороны къ принятію политической уніи. Надо также принять во вниманіе, что для данной территоріи только съ конца XV в. имѣются сколько-нибудь обстоятельные историческіе матеріалы, количество которыхъ возрастаетъ, по мѣрѣ приближенія къ 1569 г., такъ что отодвинуть изслѣдованіе въ XV в. было бы крайне затруднительно (стр. 2—3).

Изслѣдованіе г. Верзилова въ томъ видѣ, какъ оно напечатано, распадается на двѣ части: въ 1-ой—авторъ собралъ данныя о торговлѣ внѣшней, во 2-ой—о торговлѣ внутренней въ южной Руси. Торговля внѣшняя шла съ юго-востока, съ запада и сѣвера Европы. Съ юго-востока привозили соль, лошадей, разные пряности турки и татары; съ юго-запада—молдавы и валахи. Внѣшняя торговля въ этомъ направленіи шла тремя путями: 1) по Днѣпру на Кіевъ; 2) на Каменецъ и Львовъ и 3) на Волынь, главнымъ образомъ, на Кременецъ и Луцкъ. Съ запада въ южную Русь товары шли изъ Венгріи, Чехіи и Молдавіи, странъ Итальянскихъ, Франціи. Доставлялись они или моремъ чрезъ черноморскіе и молдаво-валашскіе порты, или на Краковъ и

Львовъ: самыя же обширныя торговыя сношенія шли чрезъ Люблинъ и польскіе города: Познань, Гнѣзно и Варшаву. Не менѣе обширны торговыя сношенія Украины были съ Гданскомъ (Данцигомъ), Торномъ и Королевцемъ (Кенигсбергомъ), по рѣчному пути Бугомъ и Вислой; а также и по сушѣ. Былъ на Украину привозъ и изъ московскаго государства. Московскихъ купцовъ мы встрѣчаемъ на Волыни, въ Крыму, въ Луцкѣ, Люблинѣ и Вильнѣ. Для иностранныхъ товаровъ въ нѣкоторыхъ польскихъ городахъ устраивались склады и гостинные дворы. Говоря о внутренней торговлѣ, г. Верзиловъ очень внимательно старается собрать данныя о ярмаркахъ и торгахъ, о предметахъ торговли на нихъ, о торговлѣ напитками. Право торговать послѣдними въ Польшѣ отличалось нѣкоторыми характерными и своеобразными чертами. Заканчиваетъ свой очеркъ г. Верзиловъ сообщеніемъ собранныхъ имъ свѣдѣній о вывозной торговлѣ.

Въ заключеніе замѣтимъ, что г. Верзиловъ старается только установить предметы торговли, пути, которыми она шла и производилась, и вовсе не касается техники торговли, юридическаго положенія торговцевъ, размѣровъ торговли и торговыхъ оборотовъ и т. п. Но и въ тѣхъ узкихъ рамкахъ, въ какія поставилъ свою работу г. Верзиловъ, она заслуживаетъ, повторяемъ, полнаго вниманія какъ изслѣдователей, такъ и обыкновеннаго читателя. Написана она живымъ, яснымъ языкомъ; читается, поэтому, очень легко.

Н. В.

П. А. Кулишъ. Воспоминанія дѣтства (Повѣсти). Съ портретомъ автора и предисловіемъ В. И. Шенрока. *Бахмутъ 1899 г. I—II; 490 іп. 16 Ц. 1 р. 25 к.*

П. А. Кулишъ, такъ много поработавшій для русской науки и литературы, а въ особенности стяжавшій себѣ славу въ области малорусской словесности, исторіи и языка,—конечно заслуживаетъ того, чтобы изданы были въ свѣтъ его сочиненія, въ многихъ случаяхъ или совсѣмъ еще не бывшія въ печати, или издававшіяся заграницей, или, наконецъ, сдѣлавшіяся теперь библіографической рѣдкостью. Въ виду этого, мы съ удовольствіемъ слышимъ вѣсти о томъ, что приготовляется въ настоящее время изданіе переводовъ Шекспира, сдѣланныхъ Кулишемъ уже давно, но обнародованныхъ только въ

одномъ томѣ, въ который вошло всего три піесы (см. въ этой-же книжкѣ «Кіевск. Стар.», стр. 367); еще съ большимъ удовольствіемъ услышали-бы извѣстіе о томъ, что его переводъ Библіи возможно будетъ увидѣть въ печати, равно какъ и цѣлый рядъ его рукописныхъ произведеній, о которыхъ см. выше, въ статьѣ «У могилъ П. А. Кулиша и В. М. Бѣлозерскаго» (стр. 367—370). Но нельзя сказать, чтобы мы испытали особенное удовольствіе, посмотрѣвши на вновь вышедшую книгу, названіе которой стоитъ въ заголовкѣ нашей рецензіи.

Дѣло въ томъ, что эти повѣсти первоначально напечатаны были въ 1853—58 годахъ; двѣ изъ нихъ (Яковъ Яковлевичъ; Ульяна Терентьевна)—въ Современникѣ 1853 года, а третья (Ѳеклуша)—въ Русской Бесѣдѣ 1858 г., подъ извѣстнымъ псевдонимомъ «*Николай М*». Если разсматривать ихъ съ точки зрѣнія художественной, то признаемся, что самый способъ разсказа въ нихъ далеко не удовлетворитъ современнаго читателя, такъ-какъ, вопреки увѣренію г. Шенрока, мы не видимъ въ нихъ «живого и правдиваго изображенія стариннаго быта, а именно—во всемъ замѣчаемъ то, что отрицаетъ въ этихъ повѣстяхъ г. Шенрокъ, т. е. преувеличенія и аффектацію, дѣлающія, напр., Якова Яковлевича и Ульяну Терентьевну,—въ особенности послѣднюю со всѣмъ персонажемъ, окружающимъ ее,—далеко не типичными личностями, а какими-то воплощеніями добродѣтели, съ большой примѣсью сантиментально-романтическихъ прикрасъ. Что-же касается автобіографическаго значенія этихъ піесъ, то, во 1-хъ, данныхъ для біографіи Кулиша здѣсь слишкомъ мало, а во 2-хъ, если и придется пользоваться ими будущему біографу, то для него не представится затрудненій разыскать ихъ въ вышеупомянутыхъ журналахъ, или въ отдѣльномъ изданіи 1853 года (СПБ.), или даже въ изданіи повѣстей Кулиша (СПБ. 1860 года 3-й томъ). Однимъ словомъ, мы думаемъ, что особенной надобности въ изданіи разсматриваемой нами книги не было, и что средства, затраченныя на него, гораздо съ большей пользой могли-бы пойти на другія изданія сочиненій П. А. Кулиша, болѣе достойныя его памяти.

Этнографическое обозрѣніе 1896 г.

№ 1.

1) *М. Дикаревъ. Толки народа въ 1895 г.* Въ этой замѣткѣ передаются разные народные разсказы, напр: объ исчезновеніи мышей по той при-

чинѣ, что «мышачій царь погнавъ ихъ за Уралъ», о происхожденіи антихриста изъ земскихъ начальниковъ. Сильные дожди въ Кубанской обл. объясняются николаевскимъ солдатомъ такъ: «цежъ воно проты войны». Про постановку въ Екатеринодарѣ оперы «Демонъ» народъ говоритъ, «що въ Катерынодари зпіймалы такого чорта, що на половыну чоловикъ, а на половыну чортъ». Его показываютъ въ театрѣ, «а винъ все бига, все бига, та идно въ долони плеще, та все спива, все спива». Отсюда и неизбѣжное заключеніе: «чырызъ тры годы страшный судъ буде».

2) *Довнаръ-Запольскій М. Письмо въ редакцію* по поводу рецензіи его книги «Бѣлорусское Полѣсье», помѣщенной г. Крымскимъ въ янв. кн. 1896 г. «Кіев. Ст.»

№ 2—3.

1) Въ отдѣлѣ критики и библіографіи помѣщена замѣтка А. Крымскаго на ст. В. Н. Ястребова—Матеріалы по этнографіи Новороссійскаго края, собранные въ Елисаветградскомъ и Александрійскомъ уѣздахъ Херсонской губерніи. Одесса. 1894 г.

№ 4.

1) *М. Дикаревъ. О царскихъ загадкахъ.* Здѣсь сообщаются народные разсказы, въ которыхъ играютъ роль загадки. Сводятся онѣ къ тому слуху, что земли Кубанскихъ козаковъ нынѣ царствующій Государь отниметъ и отдастъ инородцамъ. Наиболѣе интересна 2-ая глава, въ которой идетъ повѣствованіе о солдатѣ, прослужившемъ 25 лѣтъ и не видѣвшемъ царя. Спустя нѣсколько времени, когда солдатъ встрѣтился съ царемъ, послѣдній предлагаетъ ему отгадать: «высоко-ли до неба, глубоко-ли въ землю и шибко-ли солнце ходитъ?» Солдатъ отгадываетъ, получаетъ отъ царя 1000 р. и приказъ никому загадокъ не разсказывать. Между тѣмъ царь созываетъ своихъ генераловъ и предлагаетъ имъ отгадать ту-же загадку съ наградою въ 200 т. р., «а якъ не отгада, такъ у темныцю на 3 годы». Конечно, генералы не отгадали, но 3 изъ нихъ догнали солдата и за 3 т. р. узнали разгадку. Царь не повѣрилъ генераламъ и приказалъ жандармамъ догнать и допросить солдата. Жандармы донесли царю, что солдатъ на допросѣ сказалъ: «встрѣчалъ 3 соколовъ и по перышку съ каждаго хвоста выдернулъ». Генералы были наказаны, а солдатъ сталъ «жыть-пожывать та добра нажывать». Въ остальныхъ главахъ, по поводу сказки П. С. Плуга-

тыря о женитьбѣ «Наслидныка», приводятся загадки объ испытаніи ума жениха или невѣсты.

Ястребовъ В. Н. Изъ народныхъ устъ. О превращеніяхъ. Одинъ разсказъ передаетъ, какъ дочь вѣдьмы хотѣла «причаруваты» паробка съ помощію своей матери и какъ эти чары разрушилъ дядько паробка «упыряка». Другой разсказъ идетъ о матери-вѣдьмѣ, которую сынъ подковалъ, потому что она становилась ему на дорогѣ въ видѣ собаки, свиньи, или лошади, когда онъ шелъ съ вечерницъ. Превращеніе «дивкою» паробка въ вовкулаку за то, что онъ пересталъ ее любить,—составляетъ содержаніе 3-го разсказа *о зміяхъ.* Если плакать по покойникѣ, то «прыклычешь» змія, который каждую ночь приходитъ къ плачущему, хотя и ведетъ себя спокойно до тѣхъ поръ, пока о томъ не узнаютъ «люды»; когда же о его посѣщеніяхъ заговорятъ, онъ «тоди начне кровъ пыть и мучыть». Избавиться отъ этихъ посѣщеній можно молитвою да еще «пипъ веливъ осычый клынъ пробыты и роскопать могылу» и «забыть ему колъ въ спыну», потому что мертвецъ въ «труни» лежить «ныць».

О кладахъ. Клады бываютъ «благополушни», т. е. такіе, что ихъ можно выкопать во всякое время; «заклажени», т. е. положенные на опредѣленное число лѣтъ, по истеченіи которыхъ ихъ тоже можно взять, и «заклятиі» —тѣ, которыхъ взять нельзя никогда и которые пугаютъ копающихъ. При откапываніи клада не годится поминать чорта, иначе кладъ уйдетъ. Однажды человѣкъ копалъ кладъ при помощи своего знакомаго; «докопалысь до плыты; а вона була дуже важка; а винъ каже: чортъ батька зна, яка важка; а воно й зашумило». Помѣщенъ разсказъ старика о закопанныхъ въ м. Глодоссахъ, Елисавет. у., кладахъ.

Въ разсказѣ—*Что видѣлъ человѣкъ когда «замиралъ»?*—Ефремъ Бабенко, замиравшій на 5 дней, былъ въ раю и видѣлъ все. „Оце, чоловиче, говорилъ ему старецъ-путеводитель, ото, що великій стилъ, то то великій обидъ бувъ, богачъ велыкый померъ; а це другый—то такъ соби чоловикъ померъ, що отказавъ трохы всимъ; а це вже третій, що кусочкы—то бидни старци одъ себе давалы другымъ». Повелъ онъ Ефрема въ роскошный садъ и отсюда приказалъ возвратиться на землю, чтобы разсказать людямъ, что онъ видѣлъ и „щобъ воны каялысь и людямъ все давалы, що мають“. Изъ сада пошли на высокую гору, и здѣсь старецъ сказалъ: „дывысь, яка гора велыка! от-ти, котри ничого не дають, тамъ, у тимъ провальи погыбають“.

1897 годъ.

№ 1.

1, *Мендельсонъ Н. М. Къ повѣрьямъ о св. Касьянѣ.* Въ с. Денисовкѣ, Лубен. у., записано Г. П. Потанинымъ слѣдующее повѣрье: Касьянъ сидѣлъ на стулѣ неподвижно, съ опущенными рѣсницами, которыя у него столь длинны, что достигаютъ до колѣнъ; изъ-за этихъ рѣсницъ онъ не видитъ Божьяго свѣта. Только 29 февраля, въ високосный годъ, поутру поднимаетъ рѣсницы и оглядываетъ міръ; на что онъ тогда глянетъ, то погибаетъ; поэтому не совѣтуютъ выходить въ этотъ день рано утромъ изъ хаты на огородъ.

2, *Ивановъ П. Этнографическіе матеріалы, собранные въ Купянскомъ уѣздѣ, Харьковской губ.* Въ статьѣ этой изложены всѣ примѣты и повѣрья, относящіяся къ беременности женщинъ, рожденію ребенка, роли повивальной бабки, крещенію ребенка. Къ статьѣ приложены мѣстныя (Купянскаго и Старобѣльскаго уѣзда) колыбельныя и дѣтскія пѣсни, приговорки, а также прикладки къ именамъ и клички.

№ 2.

П. И. Кое что изъ народныхъ примѣтъ, касающихся погоды и урожая. (Матеріалы для характеристики міровоззрѣнія и быта крестьянъ Купянскаго уѣзда). Въ предисловіи къ матеріаламъ авторъ приводитъ то мнѣніе ученыхъ, что повѣрья, обычаи и обряды малороссовъ носятъ на себѣ слѣды вліянія древняго классическаго грекоримскаго міра на славянъ, перешедшаго въ Малороссію чрезъ Польшу вмѣстѣ съ календарями и распространившагося черезъ книжниковъ и въ народную массу. Въ календари эти грамотѣи включаютъ чтимые народомъ апокрифы (напр. Сонъ Богородицы), а вмѣстѣ съ ними и таблицу „несчастныхъ дней", объ одной изъ которыхъ сказано такъ: «таблица эта составлена славнымъ европейскимъ астрологомъ Цибульскимъ, военнаго монастыря въ Каменной стѣнѣ найдена была 165 года.» Къ этой таблицѣ помѣщено 32 дня, въ которыхъ «кто родится, тотъ бываетъ небогатъ; а кто заболѣетъ, не такъ скоро выздоровѣетъ; или если перейдетъ со двора во дворъ, или съ службы на службу, или изъ деревни въ деревню,—вездѣ за нимъ послѣдуетъ несчастіе». Земледѣліе тѣсно связано съ явленіями природы, а потому эти явленія не только вызываютъ вниманіе хлѣбопашца и запечатлѣваются

въ его памяти, но и передаются поколѣніямъ. Въ приложеніи—народныя примѣты аргарнаго характера сгруппированы въ два отдѣла: 1) предсказаніе погоды и 2) предсказаніе урожая.

2) *Васильевъ М. К. Къ вопросу о новыхъ мотивахъ въ малорусской народной поэзіи.* (Изъ украинскихъ сахарозаводскихъ пѣсенъ) Авторъ высказываетъ мнѣніе, что народное малорусское творчество, послѣ героическаго періода жизни малорусскаго народа, не остановилось и не ослабѣло, а идетъ своимъ чередомъ: послѣ освобожденія крестьянъ, народныя пѣсни останавливаются на «волѣ», безземельи, бурлачествѣ, на экономической зависимости отъ пановъ, евреевъ, на работахъ на сахарныхъ заводахъ и пр.; всѣ эти факты сдѣлались предметомъ народныхъ поэтическихъ размышленій. Въ статьѣ приводятся сахаро-заводскія пѣсни, въ которыхъ разсказывается о дурныхъ условіяхъ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ.

3) Въ отдѣлѣ библіографіи помѣщенъ разборъ: Русскія древности въ памятникахъ искусства, вып. V, гр. И. Толстаго и Н. Кондакова; здѣсь между прочимъ читаемъ: «теперь легко доказать, что самыя утонченныя производства существовали въ Кіевѣ, что ими занимались русскіе мастера, и при томъ въ широкихъ размѣрахъ, что мастера эти распространили свои производства въ Рязань, Суздаль, а слѣдовательно находка византійскаго стиля вовсе не представляетъ собою греческаго эпоса, но напротивъ—памятникъ мѣстной работы».

4) Въ извѣстіяхъ и замѣткахъ перепечатано «о Волынскомъ областномъ музеѣ въ Городкѣ, Ровен. у., въ имѣніи Бар. Штейнгеля и напечатанъ краткій некрологъ П. А. Кулиша.

№ 3.

1) *Маминка А. Н. Малорусское весильля.* (Свадебные обряды и пѣсни, записанные въ м. Мринѣ, Нѣжин. у. Черн. г.). Описаніе малорусской свадьбы сдѣлано по слѣдующимъ рубрикамъ: время свадьбы, сватанье, розглядыны, змовыны, здача молодецтва, приготовленіе коровая и вилець, здаваньне молодецтва и пришитіе квиткы, вѣнчаніе, клыканьне на весильля, собираніе поѣзда, отыскиваніе молодой, продажа молодой братомъ, раздача подарковъ и коровая, игра въ колоколъ, ужинъ, сдача молодецтва, прощаніе дружокъ съ молодою, отъѣздъ ея и встрѣча новобрачныхъ въ домѣ молодого. Въ приложеніи помѣщена молитва первобрачной невѣстѣ изъ рукописи первой половины нынѣшняго вѣка, находящейся въ Успенск. церкви м. Мрина.

2) Въ отдѣлѣ библіографіи: *А. Васильевъ.* Обычное право крестьянъ Харьк. губ. В. I, подъ редакціею В. В. Иванова. Выпускъ состоитъ изъ 2-хъ частей: въ 1, помѣщены сообщенія 29 волостныхъ судовъ, а во 2, вошли отдѣльныя записи по обычному праву, нако пившіяся въ дѣлахъ уголовныхъ судовъ.

№ 4.

1) *Малинка А. Н.* Къ исторіи народнаго театра I. Живой вертепъ (записано въ Нѣжинѣ). Содержаніе I дѣйствія: Иродъ приказываетъ Спекулятору привести Рахиль, а Донскому козаку убить ея ребенка, п. ч. «младенецъ сей родился для погибели моей», но является смерть съ косою и убиваетъ Ирода. Дѣйствіе II: между горбатымъ старымъ мужикомъ въ лохмотьяхъ и Наполеономъ происходитъ комическая сцена, основанная на томъ, что мужикъ не пон-имаетъ вопросовъ Наполеона и даетъ отвѣты, которые его сердятъ. Въ III дѣйствіи Донской козакъ выпиваетъ «шабашкову горілку» жида и засыпаетъ; когда же жидъ хочетъ у спящаго вытащить деньги, Д. коз. бьетъ его. Въ IV дѣйствіи лыцарь убиваетъ дѣвушку за то, что она отказывается любить его; въ V-мъ же, и послѣднемъ, цыганка ходитъ съ тарелочкою и проситъ у зрителей вознагражденія, а цыганъ подгоняетъ ее плетью. Живой Вертепъ, записанный въ Нѣжинѣ по показанію николаевскаго солдата Александра Збронскаго, составленъ солдатомъ м. Носовки Котляревскимъ; онъ рѣзко отличается отъ другихъ вертеповъ.

2) *М. Дикаревъ. Народные толки 1897 г.* Разсказывается, что „у насъ у Моловатци (село Богучар. у.) есть жинка, що торгуе безъ свидѣтельства на половину дешевле лавочниковъ“; она мать антихриста и за свой дешевый товаръ начнетъ прикладывать всѣмъ своимъ покупателямъ печати; въ 99 году солнце „заховается, царь утиче у чужу землю, люды змишаются, и царь одынъ буде на весь свитъ. Являтся пророки, «но царь прикажетъ ихъ убивать; когда же кровь ихъ попадетъ на землю, „займытся уся земля, съ того буде страшный судъ“.

Другое сообщеніе разсказываетъ, что въ селѣ Петривьи (Богуч. у., Воронеж. губ.) „чоловикъ солдатъ“ заковалъ себя 11 лѣтъ назадъ желѣзомъ, въ которомъ и ходитъ; и у роти у него пьятакъ; винъ носе на те, щобъ не балакати». Нихто его не дозна, чы винъ святый, чи якый винъ есть“.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ газ. «Русланъ» (№ 165) напечатана статья «Историчный музей Василя Тарновського», въ которой авторъ (*О. Я. К—ій*), по поводу смерти В. В. Тарновскаго, передаетъ кратко исторію рода Тарновскихъ, начиная съ Григорія Степановича Тарновскаго, владѣвшаго въ Черниг. губ. селами Качановкой и Парафіевкой въ 30-хъ и 40-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, продолжая затѣмъ его родственникомъ и наслѣдникомъ всѣхъ богатствъ, Василіемъ Васильевичемъ Тарновскимъ, и заканчивая сыномъ послѣдняго Вас. Васильевичемъ, недавно скончавшимся въ Кіевѣ. Въ этой-же статьѣ далѣе разсказывается о знаменитомъ музеѣ Тарновскаго, пожертвованномъ Черниговскому губернскому земству, и о томъ инцидентѣ, благодаря которому, по почину губернскаго гласнаго Ф. Лизогуба, вопросъ о музеѣ въ Черниговскомъ земствѣ нѣсколько затянулся, т. к. Черниговскій губернаторъ не утвердилъ постановленія земскаго собранія, ассигновавшаго 20 т. р. на постройку зданія для этого музея.

Въ газ. «Wien. Tageblatt» помѣщена передовая статья, присланная изъ Петербурга, о національныхъ вопросахъ въ Россіи, и между прочимъ о малорусскомъ вопросѣ. Авторъ статьи, представивъ коротенькій очеркъ исторіи Украины, съ большимъ сочувствіемъ относится къ Украинѣ въ ея прошломъ и съ грустью видитъ, что въ современномъ ея положеніи есть больныя мѣста (*Дѣло*, *№ 144*).

Въ Кіевѣ приготовляется изданіе полнаго собранія сочиненій *Ив. Левицкаго* (*Нечуя*). Первый томъ уже вышелъ изъ печати въ Петербургѣ, а сверхъ того будетъ выпущено еще два тома.

Переводъ произведеній Шевченка на сербскій языкъ. Въ № 7, мы упоминали уже о переводѣ Авг. Гарамбашичемъ произведеній

Шевченка на сербскій языкъ, въ сербскомъ журналѣ «Нада». Теперь въ № 10 того-же журнала встрѣчаемъ переводы еще слѣдующихъ стихотв.:

I. Тешко е на свјету живјетъ
Сироти безъ рода
(Тяжко, важко въ свити жыты
Сыроти безъ роду)

II. Мисао за мишльуројемъ излетава
(За думою дума роемъ вылитае)

III. Што је мени тешко, што ли тако тужно
(Чого мени тяжко, чого мени нудно)

Въ № 11-омъ:

IV. Пролазе дни, пролазе ночьи
(Мынають дни, мынають ночи)

V. Вјетар в гаї нагинае
Лозу і тополю
(Витеръ въ гаи нагынае
Лозу и тополю)

VI. Ја баш нечьу да се женим,
Вечь се од тог браним
(Не хочу я женытыся,
Не хочу я братысь

Въ № 12-омъ:

VII. За баракомъ барак,
А ту степа и могила
(За байракомъ байракъ,
А тамъ степъ, та могила)

VIII. «Не пуштај матери»! казали,
А ти си пустила, утекла
(«Не кыдай матери»! казалы,
А ты покынула, втекла).

IX. И сад снивям;
Испид горе,
Меджь врбама поврх воде
Колиба ся біели...

(И доси сныться: пидъ горою
Мижъ вербамы та надъ водою
Биленька хаточка).

Всѣ переводы, какъ видимъ, очень близки къ оригиналу.

(Літерат.-Науков. Вістник, т. VII, кн. VIII).

—

Только-что упомянутый сербскій писатель *Гарамбашичъ* началъ печатать на хорватскомъ языкѣ въ «Matica Hrvatska u Zagrebu» переводъ разсказовъ Марка-Вовчка. (Ibid).

Въ редакцію поступили слѣдующія книги:

1) Матеріалы для климатологіи юго-запада Россіи *А. Клоссовскаго.* Одесса, 1899 г. Текстъ: I—XL; 1—336; I—CIV стр. Карты—числомъ 9.

2) *Herbarz Polski* Tom I, zeszyt 5 и 6.

3) *П. Тутковскій.* Къ вопросу о способѣ образованія лесса. (Оттискъ изъ «Землевѣдѣнія» 1899 г.). Моск. 1899 г., стр. 1—99

4) *И. В. Посадскій.* Среднія учебныя заведенія Кіевскаго учебнаго округа за десятилѣтіе 1889—1898 г. г. Кіевъ, 1899 г., стр. 1—19; 1—51 и 17 таблицъ.

5) *Я. Жарко.* Оповидання. Полтава, 1899 г., стр. 1—66.

Къ минувшему Археографич. Съѣзду Кіевская Археологическая Коммиссія выпустила два изданія:

1) *Палеографическій Изборникъ.* Матеріалы по исторіи южно-русскаго письма въ XV—XVIII ст. Въ немъ заключается вводная статья И. М. Каманина подъ заглавіемъ: «Главные моменты въ исторіи развитія южно-русскаго письма въ XV—XVIII ст.» и 81 фототипическихъ снимковъ изъ подлинныхъ южно-русскихъ рукописей тѣхъ же вѣковъ. Цѣна книги 5 рублей.

2) *Матеріалы по исторіи русской картографіи.* Карты всей Россіи и южныхъ ея областей до половины XVII ст. Здѣсь фототипически воспроизведены 32 карты съ 1474 по 1650 гг. Въ числѣ ихъ имѣются весьма рѣдкія карты Николая Кузана, Баттисты Агнезе, Вида, Мюнстера, Герберштейна, Гастальдо, Дженкинсона, Массы, Боплана и др. картографовъ. Въ предисловіи, составленномъ редакторомъ изданія В. А. Кордтомъ, даны обстоятельныя библіографическія поясненія къ снимкамъ. Цѣна книги 5 рублей...

Археологическая лѣтопись.

1-го числа прошлаго августа въ Кіевѣ открылся XI Археологическій съѣздъ, продолжавшійся по 20-ое августа. Въ виду того, что съѣздъ былъ устроенъ въ Кіевѣ, что областью, изслѣдованію которой главнымъ образомъ посвящались подготовительныя работы къ съѣзду, была Волынь,—древности нашего юга играли первенствующую роль на съѣздѣ: ихъ касалось большинство рефератовъ, исключительно ими были заполнены выставки, устроенныя при съѣздѣ. Предсѣдатель съѣзда граф. П. С. Уварова любезно предоставила въ распоряженіе редакціи Кіевской Старины помѣщенный выше докладъ, гдѣ дается общая характеристика съѣзда и подводятся итоги его. Желая болѣе подробно познакомить нашихъ читателей съ тѣми рефератами, которые спеціально касаются Южной Россіи, мы, за краткостью времени, имѣющагося въ нашемъ распоряженіи, откладываемъ это до слѣдующаго номера.

Н. Б.

Изслѣдованія и раскопки.

Н. Е. Бранденбургомъ, уже много лѣтъ производящимъ раскопки у насъ на югѣ, главнымъ образомъ въ Кіевской губ., въ послѣднее время были сдѣланы раскопки также въ Полтавской и Подольской губ.,—о нихъ мы сообщаемъ краткія свѣдѣнія.

Раскопки близъ с. Кулешовки, Золотоношскаго у. Полтавской губ. Изъ раскопанныхъ здѣсь кургановъ, очень интереснымъ оказался одинъ, давшій нѣсколько погребеній. Въ насыпи кургана встрѣчены три могилы, изъ которыхъ двѣ заключали погребенія съ скелетами въ скорченномъ положеніи и одна, нѣсколько болѣе поздняя, представляла могилу происхожденія скифо-сарматскаго. Въ послѣдней найдены слѣды двухъ совершенно истлѣвшихъ скелетовъ, лежавшихъ

въ вытянутомъ положеніи, почти рядомъ, головами на сѣверъ и при нихъ: глиняная амфора и два простыхъ горшка, короткій желѣзный мечъ, копье, остатки желѣзнаго чешуйчатаго панцыря, удила, нѣсколько наборныхъ бронзовыхъ бляшекъ и бронзовыхъ же наконечниковъ стрѣлъ. Въ материкѣ—четыре могилы, расположенныя рядомъ, въ которыхъ были погребены 9 скелетовъ: а) въ первой—4, въ вытянутомъ положеніи, головами на востокъ и на западъ, при которыхъ найденъ лишь обломокъ бронзоваго колечка; б) во второй—одинъ, и при немъ бронзовый и кремневый наконечники стрѣлъ и глиняный горшечекъ; в) въ третьей—два скелета въ такомъ же положеніи, головами на востокъ и на западъ, и при нихъ два горшечка, кремневый наконечникъ стрѣлы и обломки бронзы; г) въ четвертой—два скелета, оба головами на западъ; одинъ въ вытянутомъ положеніи, другой на спинѣ-же, но съ ногами, поджатыми и раскинутыми въ колѣняхъ въ разныя стороны; при первомъ находился глиняный горшокъ, а при послѣднемъ найденъ кремневый наконечникъ стрѣлы.

Раскопки близъ м. Каменки, Ольгопольскаго у. Подольской губ. Здѣсь, на берегу рѣки Днѣстра, встрѣчено любопытное курганное кладбище, въ которомъ обнаружены погребенія съ конями. Могилы находились въ материкѣ, подъ небольшими курганными насыпями, состоявшими изъ груды плитообразныхъ кусковъ мѣстнаго известняка, перемѣшанныхъ съ черноземомъ, причемъ нѣкоторые куски были въ 10 пуд. вѣсомъ. Въ каждой могилѣ заключался скелетъ въ вытянутомъ положеніи, выше котораго была бревенчатая настилка и сбоку лежалъ остовъ коня, иногда-же послѣдній былъ помѣщенъ выше, а могила съ человѣческимъ скелетомъ находилась рядомъ, но глубже. Ямы для конскихъ остововъ очень тѣсныя, такъ что черепъ коня оказывался по большей части внѣ ямы, какъ-бы лежащимъ на приступкѣ, а туловище на брюхѣ, съ подогнутыми ногами. Въ могилахъ были находимы конскія удила, стремена, желѣзные наконечники стрѣлъ, ножи, огнива, костяныя пластинки, небольшіе бронзовые сосуды, глиняныя пряслицы, остатки ткани и проч., а въ одной повидимому остатки колчана, покрытаго берестой.

Въ составѣ того-же кладбища оказалось нѣсколько кургановъ подобныхъ же, но безъ конскихъ остововъ; въ нихъ были находимы небольшія бронзовыя круглыя зеркала, оселки, желѣзныя шила, ножи, конскія удила, бронзовыя шпильки, немного бусъ и нѣсколько экземпляровъ желѣзныхъ ножницъ нынѣшней современной формы.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что въ могилахъ постоянно повторялись находки кости ноги животнаго средней величины (въ родѣ барана или теленка), очевидно имѣвшей ритуальное значенiе.

Черепа вообще всѣ короткоголовые, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ сохранность ихъ допускала сдѣлать наблюденiя.

Въ общемъ описанное кладбище очень аналогично съ типомъ подобныхъ же могилъ въ Каневскомъ у. Кiевск. губ., о которыхъ было сдѣлано сообщенiе Н. Е. Бранденбургомъ на Рижскомъ Археолог. съѣздѣ, уже напечатаное въ Трудахъ того-же съѣзда; по утвержденiю автора, мотивированному разными соображенiями археологическаго и историческаго характера, типъ могилъ съ конями долженъ представлять собой могилы тюркскихъ кочевниковъ—Печенѣговъ.

—

Раскопки кургановъ у с. Волковцы, Роменск. у. Полтавской губ. Въ теченiе лѣта *С. А. Мазараки* продолжалъ раскопки у с. Волковцы, гдѣ уже производились имъ раскопки въ 1897 и 1898 гг. Сообщаемъ свѣдѣнiя объ изслѣдованiяхъ двухъ кургановъ, расположенныхъ *въ дачѣ Коровинцы.*

Первый курганъ, высотой 27 арш. и окружностью 375 шаговъ, имѣлъ острую форму, окруженъ рвомъ и валомъ, насыпанъ изъ чернозема. Ниже горизонта, подъ насыпью, открыта могильная яма, выкопанная въ желтой глинѣ, величиной 7 на 6 арш. и глубиной 6 арш.; сверху яма была закрыта толстыми дубовыми бревнами. Въ сѣв.-зап. углу ямы найденъ разбитый сосудъ мѣстной работы, вмѣстимостью до 25-ти ведеръ, на стѣнкахъ его видны слѣды какого-то осадка. По всей могилѣ были разбросаны кости животныхъ—собаки, свиньи и какого-то травояднаго. У сѣв.-зап. угла могилы открытъ грабительскiй ходъ, 2 арш. высотой и $1^1/_2$ арш. шириной, у входа въ который находились кости человѣка, желѣзный топоръ и копье. Такимъ образомъ могила оказалась ограбленной.

Второй курганъ, высотой 26 арш. и окружностью 410 шаговъ, имѣлъ форму, приближающуюся къ полушаровидной, также окруженъ валомъ и рвомъ и насыпанъ изъ чернозема. Могила подъ насыпью выкопана въ бѣломъ грунтѣ, размѣръ ея 8 на 6 арш., глубина 5 арш. Яма обложена дубовыми брусьями и изъ такихъ же брусьевъ была сдѣлана верхняя настилка; дно ямы, какъ кажется, было посыпано известью. Въ сѣв.-вост. углу ямы найденъ большой сосудъ, подобный предыдущему; посреди могилы—костякъ, судя по сохранившимся не-

тронутыми костямъ ногъ и таза, лежавшій головой на югъ; съ правой стороны костяка, у пояса,—желѣзный мечъ съ золотой рукояткой, украшенной звѣринымъ орнаментомъ и съ ножнами, обложенными золотой пластинкой; возлѣ меча—золотой массивный осликъ, какъ служившій украшеніемъ уздечки. Отъ скелета сохранилась, уже упомянуто, только нижняя его часть, тамъ-же, гдѣ должны быть туловище и голова, обнаруженъ подкопъ, шедшій снизу. Въ юго-вост. углу могилы найдено около 18-ти желѣзныхъ удилъ съ костяными рѣзными псаліями, костяной наборъ отъ уздечки въ формѣ лошадиныхъ головокъ и бронзовыя псаліи, подобныя костянымъ. Въ восточной сторонѣ, у самыхъ стѣнокъ, стояли остродонная амфора, небольшой горшокъ мѣстной работы и два маленькихъ горшечка; на стѣнкахъ склепа обнаружены также остатки матеріи. Тѣ немногочисленные предметы, которые уцѣлѣли, даютъ основаніе думать, что погребеніе было очень богатымъ, но и эту могилу постигла участь почти общая для всѣхъ скифскихъ могилъ—она была ограблена и ограблена въ близкое къ погребенію время.

—

Въ теченіи исходящаго лѣта *В. Н. Доманицкимъ* были произведены пробныя раскопки кургановъ въ слѣдующихъ мѣстахъ Кіевской губерніи.

Близъ с. Павловки, Уманскао у., на фермѣ «Ольгино» раскопанъ небольшой курганъ, одинъ изъ 6-ти, тянущихся цѣпью на разстояніи нѣсколькихъ саженъ одинъ отъ другого. Раскопанный курганъ имѣлъ 87 шаговъ въ окружности и $^1/_2$ арш. высоты. Въ материкѣ обнаружена могильная яма, глубиной 2 арш. 2 вер. и діаметромъ 2 арш. 10 вер. Въ ямѣ, на глубинѣ 1 арш. 14 в., находился сильно истлѣвшій скелетъ, направленіемъ ю. ю. з.—с. с. в.; ноги скелета въ согнутомъ положеніи, кости въ сильной степени окрашены охрой. Нѣсколько ниже (3—4 в.), въ направленіи з. з. ю.—в. в. с., лежалъ другой скелетъ, повидимому ребенка, почти совершенно истлѣвшій. На той-же глубинѣ, въ направленіи с. с. з.—ю. ю. в.,—еще одинъ скелетъ, отъ котораго сохранились только берцовыя кости. Два послѣднихъ скелета лежали прямо на подпочвѣ—желтой глинѣ. Надъ верхнимъ скелетомъ обнаружена настилка изъ дубовыхъ бревенъ. Возлѣ нѣкоторыхъ костей скелетовъ находились остатки должно быть матеріи—свѣтло-желтыя шелковыя волокна. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ былъ находиться тазъ верхняго скелета, немного правѣе, лежалъ слой пепла, толщиной и шириной вершка 3.

Близъ с. Кривое-Колѣно, Уманскаго-же у. раскопанъ курганъ, находящійся на вершинѣ склона къ р. Горскому-Тикичу. Курганъ, называемый «Попова могила», имѣлъ 140 шаговъ окружности и $2^1/_2$ арш. высоты. Къ юго-вост. отъ него шаговъ на 150 возвышается огромный курганъ, сообщающійся съ предыдущимъ дорожкой, выложенной изъ довольно значительныхъ глыбъ булыжника. При раскопкѣ перваго кургана, въ насыпи его, на глубинѣ $^1/_4$ арш., въ сѣв.-вост. части найденъ скелетъ, направленіемъ ю.-с., головой на югъ, скелетъ сильно испорченъ. Ниже вершка 4—другой скелетъ, въ такомъ положеніи, что голова его приходилась подъ головой перваго, направленіе его—с.-в.; оба скелета окрашены. У головы этого второго скелета оказался небольшой глиняный горшокъ, ручной выдѣлки, здѣсь-же, возлѣ горшка, найденъ кусокъ кремневаго ножа и кусочки охры. На томъ-же уровнѣ въ южной части насыпи открытъ 3 ій скелетъ, а въ восточной--4-ый. У всѣхъ ихъ кости разбросаны, такъ что нельзя опредѣлить положенія отдѣльныхъ частей; нужно кромѣ того замѣтить, что нѣкоторыя кости, особенно конечностей, до того пропитались известковыми солями, что обратились какъ-бы въ окаменѣлости.

Еще ниже, на глубинѣ 1 арш. и 13 в. отъ верхушки кургана, оказались параллельно лежащія, на разстояніи 1—3 верш. одно отъ другого, дубовыя бревна, длиной 1,95—2 метра. Подъ бревнами четырехугольная яма, направленіемъ з.-в., 2 арш. 7 в. длины, 1 арш. 10 в. ширины и 1 арш. 10 в. глубины. Въ восточной части, въ обоихъ углахъ ямы, стояли столбы; такіе-же столбы стояли очевидно и въ западной части, но впослѣдствіи упали и оказались лежащими на днѣ ямы по сторонамъ находившагося тамъ скелета. Скелетъ лежитъ ни подпочвѣ (желтой глинѣ), ноги первоначально были въ согнутомъ положеніи, кости сильно окрашены. Возлѣ головы скелета найдены куски костей какого-то животнаго, на двухъ изъ нихъ находятся косые нарѣзы. Кромѣ того, подъ срубомъ найденъ скелетъ (безъ головы) собаки.

На полѣ, близъ с. Колодистаго, Звенигородскаго у., въ разстояніи одной версты отъ села, находится 2 большихъ кургана и болѣе десятка мелкихъ, едва замѣтныхъ и распаханныхъ. Одинъ изъ послѣднихъ и былъ разрытъ.

Окружность кургана—50 шаговъ, высота—$1^1/_2$ арш. Курганъ былъ покрытъ гранитными плитками, которыя изрѣдка попадались

сверху и теперь. На глубинѣ одного арш., на насыпи лежали дубовыя бревна; на $1/2$ арш. глубже въ юго-зап. части кургана оказалась яма, въ формѣ продолговатаго четыреугольника, размѣрами 2 на 4 арш. и направленіемъ в.-з.; бревна были расположены не подъ самой ямой, а немного въ сторонѣ. Глубина ямы 1 ар. 10 в., дно ея посрединѣ устлано березовой корой, по длинѣ ямы, шириной около $1/2$ арш. Отъ скелета, лежавшаго на этой подстилкѣ, уцѣлѣли только берцовыя кости; колѣни въ согнутомъ положеніи. Подъ костями и далѣе на подстилкѣ найдено 22 бронзовыхъ трехранныхъ стрѣлы, у нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранились остатки древка, а у одной и цѣлое древко. У ногъ скелета найденъ затѣмъ небольшой бронзовый колокольчикъ. Въ южной и юго-зап. части ямы, упираясь въ бокъ ея, обнаружены кости повидимому лошади, между костей которой проходилъ дубовый колъ, тутъ-же найдены еще двѣ бронзовыя стрѣлки и, между костями человѣка и животнаго—желѣзное копье, 47 стм. длиной. Въ сѣв.-зап. части ямы найдено до 40 кусковъ желѣза и небольшой желѣзный предметъ неопредѣленнаго назначенія. Содержимое могилы очень испорчено грызунами, скелеты которыхъ встрѣчались тутъ-же на разной глубинѣ.

Случайныя находки.

«Дѣвичья гора» у с. Сахновки, Черкасск. у., начинаетъ серьезно соперничать со своей богатой сосѣдкой—«Княжей горой». Повидимому послѣднее городище начинаетъ истощаться, что и неудивительно, такъ какъ эксплуатируется оно чуть-ли не 30 лѣтъ и эксплуатируется довольно энергично. Сахновское городище начато разработкой недавно и хотя оно несомнѣнно уступаетъ по количеству, разнообразію и богатству предметовъ Княжей горѣ, но уже и теперь дало довольно много интересныхъ предметовъ.

Въ теченіе двухъ прошедшихъ мѣсяцевъ привозимыя въ Кіевъ древности шли главнымъ образомъ съ Дѣвичьей горы. Среди обычныхъ предметовъ заслуживаетъ особаго вниманія найденное тамъ бронзовое паникадило. Состоитъ оно изъ ажурного круга, 40 стм. діаметромъ, въ срединѣ котораго находится широкое отверстіе съ придѣланнымъ снизу помѣщеніемъ для лампады, также ажурнымъ. По борту круга идетъ невысокій ободокъ изъ прорѣзной пластинки, къ

которому придѣланы въ четырехъ противоположныхъ мѣстахъ типичные для княжеской эпохи стержни для свѣчей съ украшеніями въ видѣ пѣтушковъ. Четырьмя цѣпочками эта нижняя часть прикрѣплена къ ажурному полушарію, изъ центра котораго идетъ вверхъ составная цѣпь, заканчивающаяся бронзовымъ накиднымъ крючкомъ; отъ крючка спускаются внизъ на тонкихъ цѣпочкахъ 4 небольшія прорѣзныя бляшки. Не смотря на то, что работа паникадила не отличается особенной тонкостью отдѣлки, не смотря также на простоту композиціи, паникадило производитъ впечатлѣніе изящнаго и художественнаго произведенія. Замѣчательно и то обстоятельство, что паникадило сохранилось почти въ цѣломъ видѣ, хотя составлено оно изъ довольно тонкихъ частей—это первый случай такого рода находки въ горищахъ на побережьи Роси; много разъ, особенно на Княжей горѣ, находились отдѣльные части лампадъ, но это были скорѣе обломки, не дававшіе никакого представленія о цѣломъ. (Паникадило поступило въ собраніе Б. И. Ханенко).

Изъ болѣе мелкихъ находокъ отмѣтимъ овальную серебряную иконку съ рубчатымъ ушкомъ, на которой тонкой чернью исполнено погрудное изображеніе Іоанна Крестителя; по сторонамъ головы надпись † іѸканъ. Изображеніе обращено влѣво, и эта поза ясно указываетъ, что иконка представляетъ часть Деисуса, остальныя части котораго не сохранились. Насколько намъ извѣстно, это первый случай нахожденія части такого рода Деисуса, до сихъ поръ они встрѣчались лишь въ золотѣ съ эмалью. (Иконка поступила въ собраніе Н. П. Чернева).

—

На „Марьиной горѣ“, смежной съ Княжей, въ той части ея, гдѣ гора переходитъ въ поле, недавно открыты слѣды жилища повидимому мастера костяныхъ и роговыхъ издѣлій. Въ прежнее время, да зачастую и теперь, по урочищамъ, расположеннымъ вблизи Княжей горы, во время земляныхъ работъ нерѣдко открывались слѣды землянокъ, относимыхъ къ тому-же времени, что и городище на Княжей горѣ, т. е. XII—XIII в. Такъ напр., нѣсколько землянокъ обнаружено настоящимъ лѣтомъ при спланировкѣ земли на усадьбѣ у подошвы «Малаго Городища», встрѣчались здѣсь и находки кое-какихъ предметовъ. На вышеупомянутомъ мѣстѣ слѣдовъ собственно жилища еще пока не обнаружено, но открытъ слой, состоящій изъ массы костей и главнымъ образомъ роговъ оленя, лося, козы и т. п.

Это почти все отбросы, оставшіеся отъ выдѣлки предметовъ; на многихъ изъ нихъ видны слѣды отпиловъ, нарѣзовъ, сглаживаній. Тутъ же встрѣтились и нѣкоторые изъ инструментовъ: желѣзныя долотца нѣчто въ родѣ ножа, небольшая наковальня. (Все найденное поступило въ наше собраніе).

Музеи и собранія древностей.

Херсонскій Археологическій Музей. Еще не такъ давно, именно 31 мая прошлаго года, послѣдовало открытіе Херсонской губернской архивной комиссіи и археологическаго музея при ней. Незадолго передъ этимъ херсонскій губернаторъ обратился съ циркуляромъ къ различнымъ учрежденіямъ и лицамъ, въ которомъ довольно ярко очерчено положеніе, въ какомъ находились мѣстныя древности и приведены нѣкоторые факты, касающіеся исторіи учрежденія музея и комиссіи. Считаемъ не лишнимъ привести выдержки изъ этого циркуляра.

«Херсонская губернія изобилуетъ древностями всѣхъ эпохъ, начиная отъ каменнаго вѣка и до послѣднихъ временъ иноземнаго здѣсь владычества. Тысячи могильныхъ насыпей, которыми усѣяны южныя степи, охраняютъ останки прежнихъ насельниковъ здѣшняго края вмѣстѣ съ ихъ утварью и нехитрыми орудіями.

«Это драгоцѣнное наслѣдіе старины расхищается невѣжественными кладоискателями, мечтающими о зарытыхъ въ землѣ несмѣтныхъ сокровищахъ. Не находя въ курганахъ желанныхъ денегъ, хищники безжалостно истребляютъ обстановку древняго погребенія вмѣстѣ со скелетами ея обладателей. Привольныя степи херсонскія скрываютъ хищниковъ отъ глазъ полиціи: не подъ-силу администраціи борьба съ грабителями могилъ,—и гибнетъ безслѣдно въ варварскихъ рукахъ достояніе науки.

«Еще задолго до Рождества Христова по морскому побережью въ предѣлахъ нынѣшней Херсонской губерніи процвѣтали греческія колоніи: Никоній, Фиска, Пристань Исіаковъ, Пристань Истріанъ, Скопули, Одессъ и Алекторъ; цѣлые ряды неизвѣстныхъ намъ по имени древне-греческихъ поселеній гирляндами окружали устья большихъ и малыхъ рѣкъ; а во главѣ всѣхъ этихъ классическихъ горо-

довъ, поселковъ и факторій стояла богатая Ольвія. Почва этихъ старыхъ пепелищъ переполнена античными древностями.

«Ольвійское кладбище въ конецъ расхищается мѣстными крестьянами, къ которымъ приспособилась группа антикваровъ-промышленниковъ, снабжающихъ ольвійскими находками преимущественно заграничные музеи: румынскій, британскій и берлинскій. Въ послѣднее время подвергся разграбленію морской островокъ Березань, въ могилахъ котораго сокрыты памятники древнѣйшаго періода греческой культуры.

«Беззащитное положеніе памятниковъ мѣстной старины обратило вниманіе мѣстнаго статистическаго комитета, секретарю котораго, В. И. Гошкевичу, удалось въ послѣдніе годы организовать дѣло собиранія мѣстныхъ древностей, при содѣйствіи сельскихъ учителей, священниковъ и другихъ образованныхъ людей. Раскопки кургановъ, предпринятыя тѣмъ-же лицомъ въ различныхъ частяхъ губерніи, доставили не мало интересныхъ предметовъ древности. Добытыя этими раскопками коллекціи поступили, по распоряженію Императорской археологической комиссіи, частью въ Императорскій эрмитажъ, частью въ Московскій историческій музей; въ свою-же очередь Императорская археологическая комиссія снабдила музей статистическаго комитета интересными вещами изъ случайныхъ находокъ въ Херсонской губерніи. Произведенныя тѣмъ же лицомъ систематическія разысканія древностей по дюнамъ лѣваго побережья Днѣпровскаго устья, въ мѣстности геродотовой Гюлеи, дали въ результатѣ обильную коллекцію предметовъ каменнаго вѣка, греко-скиѳскаго періода, такъ называемаго готскаго стиля и временъ послѣдующихъ кочевниковъ, населявшихъ нашу окраину. Въ послѣдніе два года, подъ руководствомъ названнаго лица производятся смотрителемъ тираспольской земской больницы I. Я. Стемпковскимъ систематическія раскопки кургановъ въ окрестностяхъ г. Тирасполя; до сихъ поръ вскрыто уже болѣе 150 кургановъ и всѣ добытыя изъ нихъ вещи, съ согласія Императорской комиссіи, поступили въ тотъ-же музей— при статистическомъ комитетѣ.

«Съ другой стороны, имѣющіеся въ губерніи архивы разныхъ учрежденій до сихъ поръ не разработаны систематически съ научною цѣлью, спеціальное же изслѣдованіе нѣкоторыхъ изъ нихъ, произведенное еще въ 1835 году А. А. Скальковскимъ, хотя и привело къ открытію цѣнныхъ историческихъ документовъ, но при этомъ

остались вовсе неразысканными цѣлые архивы, въ которыхъ когда то хранились дѣла первоначальныхъ дней Новороссіи.

«Лично убѣдившись въ крупномъ научномъ интересѣ коллекцій юнаго херсонскаго музея, я съ удовольствіемъ узналъ, что херсонское городское управленіе отнеслось весьма сочувственно къ мысли объ устройствѣ губернскаго археологическаго музея, и для этого предложило безплатно помѣстить собранныя при статистическомъ комитетѣ коллекціи въ прекрасномъ зданіи городской библіотеки, спеціально приспособивъ въ немъ для музея три комнаты; нѣкоторыя частныя лица предложили въ даръ музею собранныя ими коллекціи древностей; на средства-же города нынѣ устраиваются витрины и шкафы для вещей.

«Видя въ такомъ всеобщемъ сочувствіи къ этому полезному учрежденію залогъ прочнаго его развитія, я призналъ своевременнымъ предложить статистическому комитету выдѣлить изъ его вѣдѣнія археологическій музей и передать таковой въ полное распоряженіе херсонской ученой архивной комиссіи.

«Въ силу Высочайше утвержденнаго 13 апрѣля 1884 года положенія комитета г.г. министровъ о губернскихъ ученыхъ архивныхъ коммиссіяхъ, это учрежденіе имѣетъ цѣлью собраніе, изученіе и изданіе какъ историческихъ документовъ, извлекаемыхъ ею изъ мѣстныхъ архивовъ разныхъ вѣдомствъ, такъ и всякихъ другихъ памятниковъ старины. Широкія полномочія въ распоряженіи архивами дадутъ херсонской ученой коммиссіи полную возможность обогатить мѣстную исторію забытыми фактами изъ прежней жизни этого края, хотя и недавней, но весьма интересной».

Начатое такимъ образомъ дѣло продолжаетъ крѣпнуть, музей пополняется все новыми и новыми пожертвованіями, о чемъ не разъ упоминалось и въ нашей «Лѣтописи», и городъ Херсонъ можетъ гордиться, что обладаетъ такимъ, хотя и скромнымъ, но устроеннымъ съ знаніемъ дѣла учрежденіемъ, не бьющимъ на внѣшній эффектъ, а преслѣдующимъ строго научныя цѣли разработки и сохраненія мѣстной старины.

Музей занимаетъ три комнаты въ новомъ зданіи общественной библіотеки; помѣщеніе вполнѣ приспособлено для музея: высокія окна съ желѣзными рѣшетчатыми ставнями, несгораемыя стѣны, полы и потолки, желѣзныя двери, отопленіе грѣтымъ воздухомъ. Предметы

систематически размѣщены въ удобныхъ 6-ти шкафахъ и 13-ти витринахъ.

Въ первой комнатѣ хранятся древности черодотовой Гилеи: коллекція каменныхъ орудій, керамическихъ фрагментовъ, грузилъ и пряслицъ, издѣлій изъ бронзы и желѣза, бусъ и т. п. Тутъ-же помѣщено небольшое собраніе предметовъ козацкой старины: перначъ, сабля, рушныця, двѣ картины и др. и коллекція монетъ.

Вторую комнату наполняютъ: коллекція вещей изъ раскопокъ І. Я. Стемпковскаго въ окрестностяхъ г. Тирасполя (кургановъ различныхъ эпохъ разрыто до послѣдняго времени болѣе 400), предметы изъ случайныхъ находокъ и отобранныя у кладоискателей вещи изъ кургановъ Александрійскаго, Елисаветградскаго и Херсонскаго уѣздовъ, коллекція ольвійскихъ ручекъ съ штемпелями, каменная баба оригинальнаго типа (съ ребенкомъ) изъ Тираспольск. у., мраморная гробница съ геометрическимъ и растительнымъ орнаментомъ—оттуда-же, мраморное надгробіе Генуэзской эпохи—изъ Херсонск. у. Здѣсь-же, на хорахъ, размѣщены планы и карты различныхъ мѣстностей Херсонской губерніи.

Въ третьей комнатѣ—древности Ольвіи (между ними мраморное надгробіе Каленодота, V—IV в. до Р. Х., глиняная лампа съ головками скифовъ и др.), а также случайныя находки и вырытыя кладоискателями вещи изъ Одесскаго и Ананьевскаго уѣздовъ.

Инициіаторомъ и душой Херсонскаго музея является В. И. Гошкевичъ, начавшій занятія древностями здѣсь, въ Кіевѣ, и вотъ уже цѣлый рядъ лѣтъ работающій на этомъ поприщѣ въ Херсонѣ; мѣстное общество, да и вообще всѣ, кому дорога разработка областной археологіи, должны сказать г. Гошкевичу большое спасибо за безкорыстное служеніе дѣлу.

Разныя извѣстія.

Съ удовольствіемъ отмѣчаемъ передаваемое газетами извѣстіе, что полтавскимъ губернаторомъ представленъ на утвержденіе Министерства внутреннихъ дѣлъ проектъ устава *Общества любителей изученія Полтавской губерніи.* Цѣлью этого общества, учредителями котораго являются мѣстные жители Полтавы, поставлено: научное изученіе, изслѣдованіе и описаніе губерніи въ отношеніяхъ естественно-

историческомъ, *археологическомъ*, историческомъ, этнографическомъ, экономическомъ и т. п. Очень будетъ жаль, если этотъ проектъ постигнетъ судьба аналогичнаго проекта общества изслѣдователей Волынской губерніи, поданнаго уже болѣе трехъ лѣтъ тому назадъ и все еще не получающаго движенія.

—

Намъ приходится еще разъ (и вѣроятно не послѣдній) указать на тотъ печальный фактъ, что даже въ Кіевѣ памятники старины очень мало интересуютъ тѣхъ, кому-бы слѣдовало ими интересоваться. Имѣемъ въ виду мѣсто на Вознесенскомъ спускѣ, гдѣ строится новое зданіе духовной семинаріи. Здѣсь были произведены довольно глубокія выемки для фундаментовъ, причемъ встрѣчались различные культурные остатки. Въ виду того, что лицу, приставленному наблюдать за постройкой, не было дано никакихъ инструкцій, все, что находилось, безжалостно уничтожалось; мы знаемъ, что такимъ образомъ была разбита найденная тамъ большая амфора, разбиты и брошены части шиферной плиты и т. п.

—

Въ іюньскомъ номерѣ Трудовъ Кіевской Духовной Академіи помѣщена очень интересная статья проф. Н. И. Петрова—«*Археологическая находка на хорахъ въ великой церкви Кіево-печерской лавры*», гдѣ подробно указаны обстоятельства находки, перечислены документы, лежавшіе въ сосудахъ съ монетами, и описаны нѣкоторые болѣе замѣчательные экземпляры найденныхъ монетъ и медалей. Статья снабжена 5-ью отлично исполненными фототипіей таблицами снимковъ; здѣсь, между прочимъ, помѣщена и медаль кн. Константина Константиновича Острожскаго.

ществу.... говорю *по-преимуществу,* такъ-какъ предъ этимъ праздникомъ и послѣ него онѣ болѣе имѣютъ свободнаго времени для отработки взятаго, чѣмъ во всякое другое время года и потому что въ это время года особенно *раздается* воскъ на *пивмиткы и на сорочкы* владѣльцами пасѣкъ и зажиточнѣйшими хозяйками, имѣющими прядива много, а рабочихъ рукъ мало, и потому покупающими воскъ и спекулирующими.

Вотъ, мой читатель, важнѣйшіе предметы, на которые хозяйка-украинка обращаетъ особенное вниманіе, приготовляясь къ *Риздвянным святкамъ!* Въ слѣдрющемъ письмѣ побесѣдую съ вами *о Богатой кутьѣ.*

Письмо 2-е. [1]

БАГАТА КУТЯ.

Пойдемте-ка сегодня, друзья мои, на рѣку... да пойдемъ пораньше, очень рано!.. этакъ-вотъ, какъ вторые пѣтухи пропоютъ... Сегодня Бага́та кутя́, сегодня день та̀мъ, на рѣкѣ, начинается,—такъ чтобы чего не прозѣвать! И не на большую какую рѣку пойдемъ, на Днѣпръ, что ли,—нѣтъ! для дѣла, конечно, все равно; но на большихъ рѣкахъ зимою только гладь да гладь снѣжная: скучно тамъ въ это время, особенно ночью—ничего нѣтъ возлѣ, жизни никакой, движенія никакого. Пойдемте лучше на Сулу или Псёлъ, или еще лучше, пойдемте на Удай или на Оржицу какую: тутъ тоже иногда между берегами версты двѣ-три; но посрединѣ не рѣдко виднѣется большой островъ, а на острову—большой лѣсъ: ужь и разнообразіе! Притомъ, часто случается, что вся эта двух-верстная, трехверстная ширина, вплоть отъ берега до берега, очерета́ да лозы, съ узкимъ только, главнымъ, ложемъ рѣки посрединѣ, да съ густою затѣйливою сѣтью дорогъ, дорожекъ, прогалинъ, *ровйвъ ривчакйвъ* (каналовъ, канальчиковъ), *бакайвъ, ковбо́тъ* (ямъ въ болотѣ) и т. д., на остальномъ пространствѣ...

[1]) Основа 1861 г., май, 49—72.

Вотъ мы спустились съ горы, вотъ мы уже углубились въ этотъ лабиринтъ перекрестковъ, поворотовъ, излучинъ, тѣсныхъ проходовъ... Тутъ вотъ очеретъ выровнялся, вдоль тропинки, высокой, темной стѣною, а тутъ нависла цѣлая трущоба кустовъ лозы, курчавыхъ, растопырившихся, перепутанныхъ, словно чортъ туда вскочилъ и метался тамъ, какъ угорѣлый, три дня и три ночи, чтобы добрымъ людямъ и толку нельзя было добраться!.. вотъ *вéрша* темнѣется вдали на снѣговой кучѣ, словно изъ черного мрамора памятникъ на бѣломъ пьедесталѣ... а вотъ озябшей бабой скорчился и надулся на снѣгу стогъ сѣна!... И такъ тихо-тихо кругомъ: заяцъ развѣ, испуганный ходьбою, пырснетъ изъ болотной купы и промчится гдѣ-то мимо... будто легкій вѣтерекъ всколебалъ воздухъ и легкой струйкой пронесся туда-вотъ, дальше и дальше, по верхушкамъ осоки и мягкаго *оситнягу́*... или ледъ гдѣ треснетъ отъ морозу... послышится изъ лѣсу глухой шумъ вѣтвей отъ испуганной птицы и посыпавшагося затѣмъ снѣга... долетитъ оттуда, съ горы, сонное тявканье какого-нибудь Барбоса, которому во снѣ пригрезился волкъ... А вокругъ васъ воздухъ чистый-чистый, легкій, какъ юношескій сонъ предъ разсвѣтомъ, или легкая ноша жизни счастливца... а надъ головами звѣзды надувшіяся [1]), словно красавицы мои землячки, когда отъ Іордани разсыплются домой... Боже, какъ тутъ и въ зимнюю ночь хорошо!...

Но вотъ мы и на рѣкѣ!... Бѣлая, снѣжная полоса вьется въ темнотѣ по-межъ лозъ и очеретовъ, изрѣдка перерѣзываемая поперегъ торчащими, словно зубья гребня, кольями *изки́въ*, да покрытая продольными рядами снѣговыхъ купъ, *духивъ* [2])...

Тихо; еще никого нѣтъ на рѣчкѣ! Неужели еще спятъ до сихъ поръ *рыбалки*? А посмотримъ туда, на гору, на село!... Нѣтъ, вы не туда смотрите: это темнѣетъ Никонова *стинка* [3]),

---

[1]) О звѣздахъ, если онѣ не свѣтятъ ярко, украинцы говорятъ, что онѣ *понадувалысь*, *понапухалы*.

[2]) *Ізокъ*—запруда рѣки для ловли рыбы; *духъ*—прорубь, тоже для ловли рыбы. Духъ закрывается обыкновенно конусообразною кучею снѣга.

[3]) Роща, расположенная по отлогости горы.

тамъ ничего не увидите... Смотрите туда, дальше: вонъ ровная полоса, это—*водопійло* (спускъ къ водопою)... дальше, вонъ что-то *буваніе*, это живутъ Коржи... а вотъ, дальше, блеститъ, словно волкъ въ темнотѣ очами *свитытъ*,—это въ Калѐниковой хатѣ *свитытця*... Но—тише!...

Слышится вдали мѣрный скрыпъ чьихъ-то шаговъ по снѣгу, тамъ, по направленію къ селу,—и отъ времени до времени раздаются мѣрные удары чѣмъ-то металлическимъ въ ледъ... О, это, *рыбалка*, непремѣнно рыбалка!... твердый, мѣрный шагъ по льду въ эту пору, и въ то же время проба прочности его ударами *плешни*—только рыбалка въ ночную пору будетъ такъ смѣло ступать по льду этихъ болотъ и только рыбалка бываетъ такъ остороженъ съ ними, что какъ онъ хорошо ихъ ни знаетъ, а все таки отъ времени до времени пробуетъ плешнею напередъ, *не вымерзла* ли гдѣ вода, не *пидпáрыло?* [1]) ли гдѣ, нѣтъ ли гдѣ *óпаря*, или брошеннаго и незамерзшаго *дýха*?...

Да, это рыбалка, дѣйствительно рыбалка! Слышите—собака у него только теперь залаяла? Собака такъ-себѣ какого-нибудь моего земляка, очутившись въ ночную пору въ лозахъ и очеретахъ, то и дѣло, что лаяла бы, — на снѣгу много заячьихъ, лисьихъ и волчьихъ слѣдовъ и ей бы вездѣ видѣлись зайцы, лисицы и волки; притомъ, *посмиттюшокъ* (птички) выгоняла бы изъ болотныхъ купъ, а можетъ, гдѣ-нибудь и въ самомъ дѣлѣ выскочилъ бы заяцъ. Но собака рыбалки идетъ тихо: она собственнымъ и долговременнымъ опытомъ убѣдилась, что лаять на болотѣ на всякій заячій, лисій или волчій слѣдъ, бѣгать и кричать при видѣ посмиттюшки или зайца,—это значило бы напрасно только надрывать себѣ грудь и ноги. Она залаетъ только тогда, когда дѣйствительно почуетъ близко звѣря, или чужого человѣка...

---

[1]) Т. е., не подогрѣло ли гдѣ снизу льду. Подогрѣваніе такое бываетъ особенно на такъ-называемыхъ *прогнояхъ*. Если ледъ подогрѣтъ уже до такой степени, что въ немъ образовывается промоина, болѣе или менѣе замѣтная, то является *опаръ*.

Но вотъ шаги все ближе и ближе, и шагахъ въ десяти отѣ насъ, изъ за ближайшаго куста лозы, вырѣзались, наконецъ, на фонѣ рѣчной полосы, сперва лающая собака а потомъ высокая человѣческая фигура, вся въ сѣромъ въ *шапци-магырци*, въ коротенькой *свытци* поверхъ коротенькой *кожушанки*, въ суконныхъ шараварахъ, длинныхъ сапогахъ, съ *сокырою* за поясомъ, съ *торбою* черезъ плечо, съ лопатою въ лѣвой рукѣ и съ длинною плѣшнею въ правой... Завидѣвши насъ, человѣческая фигура обратилась къ лающему животному и ласково сказала: „мовчы, Мушка, свои“! и по кличкѣ собаки, и по голосу владѣльца, мы узнаемъ Нестора всѣхъ рыбалокъ села Рижкивъ, семидесятилѣтняго Каленика, по отчеству Даниловича, по прозванію Перегрáя.

— Добрыдень, чы добрыдосвитокъ!—привѣтствовалъ насъ старикъ.

„Здорòви булы, Даныловичу“!

— Бýдьте здорòвы зъ Багáтою Кутèю!

„Спасыби, бýдьте й вы здорóви“!

— А що, порà вже прыймàтьця за дило!

„Порà, порà, Даныловичу! порá“!...

— Порà, порá!

И положивши плешню на ледъ, перекрестившись и взявши въ обѣ руки лопату, Даниловичъ принялся за дѣло, и своими семидесятилѣтними руками открылъ на Рожинскихъ болотахъ святой день Багатой Кути—и для села Рожкивъ, и для села Хвощивъ, и для хутора стараго и веселаго Череваня́, и для всхъ селъ и хуторовъ на пятнадцать верстъ въ окружности...

Но оставимъ Колепика, а съ нимъ и всѣхъ земляковъ моихъ рыбалокъ! пусть они открываютъ лопатами *духи́*, вытаскиваютъ изъ воды *кóбзы* и *верши* (рыболовные снаряды изъ тонкихъ прутьевъ), вытрушиваютъ изъ нихъ вьюновъ, карасей, щукъ и т. д.: все это болѣе или менѣе обыденныя вещи зимняго рыболовства и насъ сегодня не касаются. Намъ нужно было только посмотрѣть, какъ и кѣмъ начинается у насъ день Багатой Кути: увидѣли,—домой пойдемъ теперь и соснемъ немного, потому что

начнетъ разсвѣтать еще нескоро, да и всѣ еще спятъ. Сегодняшній день не вчерашній, и сегодняшній *досвитокъ* не вчерашній: вчера всѣ обыкновенныя работы закончены, сегодня можно поспать подолѣе... А пока дойдемъ,—такъ сказать, на сонъ грядущій, я вамъ разскажу вотъ-что...

Въ обыкновенное время, рыбаки наши, потрусивши рыбу, оставляютъ свой рыболовный *посудъ* почти всегда на рѣкѣ, тамъ же у *изкйвъ* и *духивъ*: „У насъ щобъ тее... щобъ хто йноди чужый соби... крый Бигъ"! развѣ иногда, какъ говорится, „панщына́ затѐшетця" (панскіе люди до нихъ доберутся). Но на Багату Кутю они забираютъ его весь домой: наступаютъ праздники—кто же станетъ ловить рыбу въ это время! Къ тому жъ, впереди столько свободнаго времени—можно, что̀ нужно, въ снастяхъ починить, передѣлать; ну, да и то сказать, праздниками по *лёда́хъ* столько шляется парубковъ, дивчатъ и такъ всякаго веселаго народу—*ко́взаются*, *зъ коля́дкамы хо́дять* и т. д., обуяетъ шаль кого, натащитъ вершу на голову, или нацѣпитъ кобзу черезъ плечо,—офицеръ-де онъ въ киверѣ, и къ дивчатамъ, дескать, пришолъ погулять; или бандуристъ или *ри́льныкъ* онъ съ бандурою или *ре́лею* (лирою), компанію пришолъ потѣшить, и—гу, гу! пошла въ догонку вся веселая толпа по очеретамъ и по всѣмъ загогулинамъ за офицеромъ въ киверѣ или за бандуристомъ съ бандурою! и поминай вершу или кобзу, какъ звали!...

Разскажу вамъ еще вотъ-что!

— Рыбалки наши, въ обыкновенное время, оцѣниваютъ достоинства улова, какъ и всякіе другіе рыбаки, т. е. по количеству пойманной рыбы, по качеству ея и по величинѣ; но въ день Багатой Кути для оцѣнки его принимается ими другая мѣрка. Чтобы лучше вы могли понять значеніе ея, этой мѣрки, надобно вамъ сказать, что въ день Багатой Кути, во всей почти Украйнѣ, употребляется въ пищу почти исключительно одна мелкая рыба, т. е. мелкихъ породъ. Какая этому причина, я, можетъ быть, постараюсь объяснить ниже, а здѣсь довольно намъ знать, что у насъ такой обычий, и что этотъ обычай до того у насъ соблюдается, что, не смотря на нашу любовь къ рыбѣ вообще

и къ рыбѣ большой въ особенности, не смотря на то, что мы и при всякомъ удобномъ случаѣ стараемся запастись любимымъ нашимъ лакомствомъ, а тѣмъ болѣе для дорогихъ намъ почему-либо дней, не смотря, говорю, на все это, даже тѣ изъ насъ, которые побогаче и имѣли бы полную возможность достать, напримѣръ, хоть свѣжаго осетра, даже и тѣ, у которыхъ стародавніе обычаи начали ужъ понемногу ослабѣвать, все мы ѣдимъ на Багату Кутю рыбу мелкихъ породъ, и именно ѣдимъ больше всего щуку и карася, особенно первую, такъ-что безъ щуки и кутя бываетъ у насъ *гырява* (остриженная, окарнанная), и хозяйка безъ щуки не можетъ выступить во всемъ блескѣ своего умѣнья снаряжать для Багатой Кути *вечѐрю.* Послѣ щуки и карася больше всего годится у насъ для Багатой Кути—*лынъ*, за линомъ слѣдуютъ окунь и плотва, и только совершенный недостатокъ такой рыбы принудитъ моего земляка обратиться къ другимъ породамъ, или же крайняя его бѣдность заставитъ его ограничиться одними вьюнами. Послѣ этого, понятно, я думаю, для васъ, какою мѣркою оцѣниваютъ мои земляки-рыбалки свой уловъ!—„А що, Даныловичу, спрашиваетъ Каленика Переграя Федоръ Ополбнка, когда рыбалки возвращаются домой послѣ своей ловли:—яковб (каково? т. е. какой уловъ у тебя? Земляки мои вообше не любятъ разглагольствовать широковѣщательно, любятъ выражаться сжато, покороче, лишь бы ихъ поняли)?“—„Та слàва Ббгу! ничбго! *сёгбднишнёи* такы впàло чымàло (сегоднешней, т. е. нужной для сегоднешняго дня, поймалось таки довольно).“—„А въ мéне—замѣчаетъ со вздохомъ Федоръ Ополонка:—тилькы пáра щупелятъ, ато все одинъ уюнъ наголо“!

Скажу еще вамъ въ заключенье, что рыбаки наши, возвращаются въ обыкновенное время съ рѣки домой врозь, когда кто дѣло свое кончитъ, не поджидая другъ друга,—въ день Багатой Кути отступаютъ отъ общаго правила и возвращаются кучами, съ своими сосѣдями, близкими и далекими: до разсвѣта еще не скоро, и время теперь свободное, можно погуторить, можно разспросить, кому и сколько *впало сёгбднишнёи.* Это и ин-

тересно для рыбалки, и необходимо, чтобы знать, какъ распорядиться съ излишкомъ пойманной имъ рыбы. Тутъ же пересказываютъ рыбалки другъ другу разныя свои рыболовныя *прыведѣнціи*, тутъ же преподаются, молодымъ и неопытнымъ, испытанные долголѣтнею практикою разные пріемы рыбной ловли, и разсказываются несвѣдущимъ такія *прыведѣнціи*, слухи о которыхъ разносятся молвою, также стоустою и у насъ какъ и вездѣ, иногда на далекія-далекія пространства, и память о которыхъ сохраняется иногда мѣстнымъ рыболовнымъ преданіемъ до внуковъ и правнуковъ. Разсказывается, напримѣръ, какъ въ одномъ мѣстѣ появилось зимою что́-то; что это *что́-то* черное и живетъ въ рѣкѣ; что рыбалкамъ не разъ случалось видѣть издали, какъ оно вынырнетъ изъ ополонки и ѣстъ на льду рыбу, а приблизится рыбалка—*что́-то* въ воду..... Къ этимъ дѣйствительнымъ происшествіямъ, бабы начали приплетать и созданія своей трусливой фантазіи: что, дескать, и посудъ рыболовный оно воруетъ, и дѣлаетъ добрымъ людямъ разныя пакости, что и перекида́ется оно въ рыбалку и заводитъ заблудившихся путниковъ въ промоины и т. д. Просто, чортъ, да и только! только какой-то особенный чортъ, изъ чертей чортъ, „ма́будь чы не самъ чо̂ртивъ ба́тько“, потому что и холоду не боится и для зимовли выбралъ, *бу́сивъ сынъ*, мѣсто подъ льдомъ, тогда какъ всякому доброму человѣку извѣстно, что черти,—обыкновенные, т. е. черти, вотъ что́ вездѣ водятся у крещенаго люду,—тѣ холоду боятся и на зиму изъ рѣкъ и болотъ выбираются [1].... словомъ, въ болотѣ черти *литують* только (слово *литують*, въ переводѣ на петербургскій языкъ, значитъ, что для чертей болото только—дача).... Ну, такъ такимъ-вотъ способомъ весь околотокъ началъ бояться этого *что́-то*, и рыбалки порѣшили, во что бы то не стало изгнать его изъ своихъ владѣній, чтобы оно рыбы не портило и не пугало бы жинокъ и дивчатъ,—изгнать

---

[1]) Какъ гражданинъ *пекла* (ада), по понятіямъ народнымъ, чортъ необходимо долженъ не любить холоду. Впрочемъ, не сидитъ онъ зимою въ рѣкахъ и болотахъ еще и по другой причинѣ,—о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ, когда будетъ идти рѣчь объ *Орда́ни*.

хоть бы ради этого нужно было *нанять* молебенъ и отслужить надъ ополонкою водосвятіе, если только на это согласится отецъ Прохоръ. Пока рыбалки рàдились и обдумывали средства, кàкъ привести свое намѣреніе въ исполненіе, какой-то охотникъ, въ одно прекрасное до-разсвѣта, засѣлъ на *чтó-то*, выждалъ его и... застрѣлилъ!... Оказалось, *чтó-то* была невиданная теперь въ нашихъ мѣстахъ куница.—Или же разсказывается, напримѣръ, при такомъ возвращеніи рыбалокъ домой на Багату Кутю,—кàкъ надъ Днѣпромъ, у Переяславля, появился какой-то невиданный у насъ звѣрь: роговъ у него какъ на *перекотыполи* колѣньевъ, быстрый—лошади быстрѣе, зовется—олень; что кто-то погнался за этимъ звѣремъ, онъ птицей понесся, рѣки незамѣтилъ передъ собою и полетѣлъ по Днѣпру, какъ по *степу*... что на срединѣ Днѣпра онъ ослабилъ свой бѣгъ, и началъ *грузнуть* въ воду... что олень только тогда замѣтилъ подъ собою воду, и хотѣлъ снова полетѣть, но поздно! чтó разъ начало погружаться въ воду, то погрузится непремѣнно... что потонулъ бы олень, если бы не бросился къ нему на своей *душогýбци* (легенькая лодка изъ липы), краса всѣхъ приднѣпровскихъ рыбалокъ окрестностей Переяславля, преславный, рыбалка Бóва... что налетѣлъ Бóва на оленя, схватилъ его рогатого за рога и такъ его на берегъ, а оттуда домой... что олень достался Бòвѣ, а рога его принесены Бóвою въ даръ какой-то церквѣ, чтобы, на концахъ и излучинахъ ихъ, люди могли много-много прилѣплять восковыхъ свѣчей Богу и поминать добрымъ словомъ память Бòвы, когда дерзкая его отвага сложитъ наконецъ легкія его кости на вѣчно волнующемся днѣ Днѣпровскомъ.

— — —

Вотъ дѣло близко уже къ разсвѣту; вотъ показался и свѣтъ въ окнахъ, сперва у *дида* Опàнаса, потомъ у старой Мóтри, и затѣмъ и въ другихъ хатахъ. Вотъ и народъ началъ *ворушыться* по дворамъ и огородамъ: выпускаютъ изъ хлѣвовъ овецъ въ кошары и даютъ имъ болотнаго или лугового сѣна, носятъ *гулящому* (нерабочему) скоту и гулящимъ лошадямъ

яшныцю, пшеныпшныцю, просяныцю, овсяныцю (ячменную или пшеничную и т. д. солому), подкладываютъ рабочимъ воламъ, дойнымъ коровамъ и *изжáлымъ* лошадямъ сѣна степного, а послѣднихъ, пожалуй, и овсомъ кормятъ.

Но вотъ и разсвѣтать начало, и изъ мрака ночного начали выдвигаться мало-помалу, и тянущаяся предъ вами далеко-далеко вдоль гладкая зимняя дорога, и подобравшіяся къ ней, справа, отъ восхода солнца, хаты селенія Рижкивъ съ обсѣвшими ихъ хлѣвами, коморами, кошарами и торчащими коегдѣ вытянувшимися къ небу колодезными журавлями... а слѣва, поворотившимися къ дорогѣ вѣтряными мельницами... Вотъ и солнце взошло и позолотило верхушки колодезныхъ журавлей справа, и крылья вѣтряныхъ мельницъ слѣва: стоятъ себѣ, выставивши лбы и разметавъ позолоченныя крылья во всѣ стороны,—словно какіе *шляхетно-урожоные* на Іордань, а крещенскій зефиръ, продѣлавши проробы на ихъ высокихъ чолахъ, разметалъ шановныя чуприны на право и на лѣво, внизъ и на затылокъ. А за ними, за млинами этими, гладь и гладь бѣлая съ золотымъ отливомъ, снѣжная степь, съ темнѣющими кое-гдѣ скирдами и стогами сѣна, съ степными *грушкáмы* (грушевыми деревьями), съ степными хаткàми и *хливчикамы*, и съ вырѣзающимися на горизонтѣ бѣлыми, блестящими на солнцѣ, могилами, сѣрыми гаями и какими-то движущимися черными точками,—обитателями степныхъ сосѣднихъ селеній и хуторовъ, поспѣшающими за чѣмъ-то въ селеніе Рижки и другія сосѣднія селенія и хутора приrѣчные....

Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ это такъ пустились наши степняки? Да и *рижкивци* (жители селенія Рижкивъ)—что это они засуетились, бѣгаютъ изъ хаты въ хату, а иные запрягли лошадей и тоже куда-то ѣдутъ? И не топится ни гдѣ!... Вчера въ эту пору надъ всѣми хатами стояли уже столбы дыма, а теперь хоть бы одна пыхнула изъ трубы, хоть бы для того, чтобы попробовать, куда вѣтеръ дуетъ и не будетъ ли назавтра оттепели!....

Де всё по той же причинѣ, что сегодня Багата Кутя.

Сегодня Багата Кутя,—такъ хозяйка-украинка утромъ сегодня топить и варить ѣсть не будетъ. Все утро она провозится за разными мелочами обыденной сельской жизни, и, приводя въ порядокъ то, что приготовлено прежде для праздника: она накормитъ свиней, птицу; она вымажетъ саломъ и жиромъ, а пожалуй и добрымъ дегтемъ, сапоги себѣ, мужу, семьѣ; можетъ быть, осталась невыкатанною какая рубаха—выкатаетъ ее; если есть у нея *запика́нка*, она наполнитъ ею *пляшку*, чтобъ была готова, а за неимѣніемъ *запика́нки*, наточитъ изъ бочонка или *барыльця*, или нальетъ изъ *тыквы*, просто *биле́нькои*; она пришьетъ къ новому *очипку* ленты, поможетъ дочкѣ напизать новое монисто, она *насуче* восковыхъ свѣчей для сегодняшняго вечера и для завтрашняго утра и т. д. и т. д. Топить же и ѣсть варить она начнетъ только около пулудня; потому что сегодня обѣдаютъ у насъ только вечеромъ, или лучше сказать, у насъ не обѣдаютъ и не ужинаютъ, какъ обыкновенно обѣдаютъ и ужинаютъ, а только *идя́ть* кутю и *стрича́ють* или *идять вече́рю*, а въ обѣденную пору только немного закусываютъ, кому что Богъ послалъ, но большею частію—пироги съ капустою и жаренную рыбу.

По той причинѣ, что сегодня Багата Кутя, спѣшатъ такъ въ Рижки и въ другія селенія и хутора приречные жители нашихъ селъ и хуторовъ степныхъ, и по той же причинѣ суетятся такъ, бѣгаютъ изъ хаты въ хату и тоже куда-то ѣдутъ и сами *рижкивци*: всѣмъ нужна сегодня свѣжая *сёгоднишня* рыба, и всѣ потому стараются достать ее во что бы то ни стало. Степняки поэтому спѣшатъ въ Рижки; рижкивци, не занимающіеся по какимъ-нибудь причинамъ рыболовствомъ, или же, хотя и занимающіеся имъ, но имѣвшіе сегодня неудачный уловъ, спѣшатъ къ своимъ сосѣдямъ-рыбалкамъ или же и въ другія селенія. Для сегодняшняго дня мы даже вотъ-что придумали! Въ селеніяхъ, которыя покрупнѣе и порыболовнѣе, мы открыли у себя на Багату Кутю, помимо вѣдѣнія предержащихъ становыхъ приставовъ и помимо вѣдѣнія всякаго рода статистическихъ таблицъ, базары для продажи и

покупки *сегоднишнеи*: сбѣгутся со всѣхъ сторонъ на легенькихъ *саночкахъ*, купятъ, продадутъ и разбѣгутся... остается только въ двухъ-трехъ мѣстахъ на снѣгу немного сору отъ соломы, и нѣсколько конскихъ слѣдовъ! добывай тутъ становой приставъ изъ такихъ данныхъ статистическія свѣдѣнія, какъ знаешь! по неволѣ добрый человѣкъ напишетъ, что таковыхъ, во ввѣренномъ ему станѣ не оказалось... А между тѣмъ, *сегоднешней* мы себѣ припасли!... а пожалуй, припасли и еще кой-чего, что намъ нужно и чѣмъ мы не успѣли запастись почему-либо въ свое время и въ своемъ мѣстѣ, напр. купили на грошъ ладану, на два круглого перцу, чтобы истолочь его и „иноди, знаете, тее, въ чарку... жывитъ заболыть, або що!“ а пожалуй, на три на четыре гроша, купили, по порученію любимой дочки, серьги-польки...

Закончу сказаніе свое о заготовленіи у насъ рыбы для Багатой кути замѣчаніемъ: что всѣ мы запасаемся главнымъ образомъ въ день Багатой же Кути, и способомъ, о которомъ я сейчасъ разсказалъ. Только жители степныхъ селъ и хуторовъ, слишкомъ удаленныхъ отъ рѣкъ, а равно жители мѣстностей, страдающихъ *безрыбьямъ*, только тѣ запасаются ею заблаговременно, въ городахъ, въ рыболовныхъ селахъ и т. п., и тутъ, конечно, часто случается, что на безрыбьи и ракъ становится рыбою.

Но вотъ мы рыбою уже запаслись—и домой!... „Ну жена“, говоритъ хозяинъ дома, входя въ хату: „а я рыбы досталъ!“—„А щука есть?“—„Есть!“—„Ну слава тебѣ, Господи!“ и жена съ радостію смотритъ на дѣтей, а дѣти, кто съ *прыпичка*, кто съ *полу*,—побросали и очеретяныя трубы, и кота *рудого*, которому собирались было привязать къ хвосту *куныцю* вмѣсто кисти,—и всѣ *до-долу* къ мѣшку съ рыбою: выпотрошили его, переворачиваютъ съ боку на бокъ зубастую щуку, тормошатъ красноглазаго карася... гвалтъ, крикъ, веселіе!... даже маленькій Петрусь высунулся изъ высящей надъ поломъ люльки, и вцѣпившись своими ручонками за *бильця*, хохочетъ и дергаетъ ее, будто собирается выскочить и себѣ туда, въ общую кучу, къ щукѣ и карасямъ, къ общей семейной радости...

Погрѣвшись въ хатѣ, *хозяинъ* уходитъ и возвращается къ семьѣ не прежде, какъ около полудня, да и то на самое короткое время, чтобы только немного закусить; потому что въ хатѣ сейчасъ поднимается на весь день такая возня около рыбы и разныхъ разностей, что и угла свободнаго не найдешь! Ну, да и ему самому нужно кое-чѣмъ заняться, тамъ, на дворѣ. Во первыхъ, ему надобно напоить скотъ, овецъ и проч., и дать имъ утреннюю порцію корму; потомъ, надобно расчистить снѣгъ возлѣ хаты, коморъ, чтобы встрѣтить праздникъ поприличнѣе; далѣе надо осмотрѣть сани и упряжь, можетъ что надо починить, не изорвалось бы что, не изломалось бы во время праздниковъ, не насмѣшить бы людей; ну, и топлива женѣ на праздники нужно припасти, чтобы всего тогда было вдоволь и все было подъ рукою: если дрова есть—дровъ наколоть и сложить подъ коморою или въ *повитци* (навѣсъ), не то—очерету натаскать съ берега, соломы наносить и т. д. Словомъ, пока позовутъ закусить, довольно наберется разной работы!

Послѣ закуски хозяинъ идетъ къ какому-нибудь куму или свату, у котораго есть хата *черезъ сіны*,—вообще, у котораго есть свободный уголъ,—идетъ бриться *(голытця)*,—*голи́ть бороду* и *пидгблювать чуба*.... Туда же приходятъ еще человѣкъ пять-шесть, а иногда десять и пятнадцать, и вотъ начинается зрѣлище, повторяющееся всякій разъ, когда мои земляки принимаются бриться... зрѣлище грустное и вмѣстѣ исполненное того неподражаемаго юмора, который рѣдко, очень рѣдко, оставляетъ ихъ, и передать который было бы въ состояніи только такое мастерское перо, какъ перо покойника Гоголя.

Грустно видѣть, что изъ этихъ десяти-пятнадцати *хазяинйвъ*, имѣющихъ по парѣ, а можетъ быть и по двѣ пары воловъ, и собравшихся теперь *причипурытьця*, ни у одного не имѣется зеркальца, въ которое можно было бы смотрѣться, подбривая свой подбородокъ и свой чубъ... и что замѣнять его имъ приходится *зеркальною поверхностію* чистой воды, налитой въ миску (вода вѣдь у насъ даровая, и на зеркальцо нужны деньги!...).

Грустно видѣть, что у этихъ десяти-пятнадцати *хазяинйвъ* ни у одного нѣтъ бритвенныхъ снарядовъ,—мыльницъ, кистей, бритвъ,—а только у двухъ-трехъ по крошечному кусочку мыла величиною въ грецкій орѣхъ, да у двухъ-трехъ по *косй*—отрубку старой косы, наостренному и оправленному въ доморощенный черенокъ!... Грустно и даже тяжело видѣть, какъ эти десять-пятнадцать хозяевъ, поочередно одинъ за другимъ, отдаютъ въ распоряженіе свои лица, исполненныя ума и сердечной теплоты, какому-нибудь мѣстному докѣ въ бритвенномъ дѣлѣ, и тотъ принимается теплою водою и орѣхообразными кусочками мыла ихъ намыливать и безжалостно тиранить варварскими *косарями!...* и тѣмъ болѣе грустно и тяжело, что какъ ни хорошо знаешь бытъ этихъ бѣдняковъ, и какъ ни осязательно чувствуется, если не разумность, то по крайней мѣрѣ печальная необходимость и связь всѣхъ явленій ихъ жизни, невольно иногда подумаешь, что изъ милліоновъ, вносимыхъ ими куда слѣдуетъ, за винныя акцизныя статьи, право, кажется, они могли бы ежегодно отдѣлять извѣстную долю серебрянныхъ рублей для покупки, на первый разъ, хоть пятикопѣечныхъ кистей и мыльницъ и тридцатикопѣечныхъ бритвъ.

Но какъ ни грустно смотрѣть на все это, какія бы мысли вамъ въ это время не приходили, но если только у васъ осталась какая-нибудь возможность сходить съ вашей точки зрѣнія и придвигаться сердцемъ къ точкѣ зрѣнія этихъ добряковъ, и если при этомъ у васъ имѣется способность видѣть всю глубину внутренняго смѣха за этими серьезно-произносимыми соболѣзнованіями къ участи брѣемаго, за этими, на половину притворными, болѣзненными его стонами, за этими восклицаніями его: *мотузка́, мотузка́* (снурка, снурка т. е. дайте)!... и т. п. восклицаніями, по-видимому не имѣющими никакого смысла, но тѣмъ не менѣе имъ всѣмъ понятными, и—вы будете хохотать, мой добрый читатель!

Остатокъ дня, послѣ бритья, до вечера, употребляется моими земляками на разныя заботы о скотѣ, овцахъ и т. п.; но главнымъ образомъ, на приготовленіе для нихъ корма къ зав-

трешнему дню, чтобы завтра ни о чемъ уже не заботиться, а просто, взять только готовое, подложить и дѣлу конецъ!

Но оставимъ *хазяиниві*! воротимся лучше въ нашу дорогую хату, къ нашимъ дорогимъ хозяйкамъ, и посмотримъ, что тамъ у нихъ дѣлается! и чтобы не помѣшать имъ *лѣпить* пироги и возиться съ печкою, войдемъ къ нимъ тогда, когда со всѣмъ этимъ онѣ уже покончили и переносятъ кутю... а еще лучше—послушаемъ, чтò разсказываетъ объ этомъ въ своей автобіографіи Василій Петровичъ Бѣлокопытенко.

„Надобно вамъ сказать“, говоритъ Василій Петровичъ, „что до сихъ поръ я не зналъ, въ чемъ собственно заключается *ставляння* кути на *покуття*: самъ я кути на покуття еще никогда не ставилъ, а какъ ставили ее другіе мои братья, — никогда не былъ свидѣтелемъ, потому что въ то время, по крайней мѣрѣ въ нашемъ семействѣ, отъ присутствованія при исполненіи этого обряда всѣ мужчины, за исключеніемъ конечно участвующаго въ немъ, были устраняемы. Я зналъ только, что кутю ставятъ на покуття,—зналъ, что ставленіе это окружаютъ какою-то таинственностію,—слышалъ отъ сверстниковъ своихъ гордое и вмѣстѣ какое-то многозначительное: „что мы-де ставили уже кутю, а вы (т. е. я и другіе мнѣ подобные) еще нѣтъ!“ видѣлъ, что допущеніемъ къ ставлянню кути на покуття дается дитяти какой-то патентъ на извѣстную возрастность, и вмѣстѣ на извѣстное право гражданства въ томъ очаровательномъ для насъ мірѣ разныхъ исполненныхъ поэзіи обычаевъ и вѣрованій, которыми такъ богата жизнь нашего народа, и которыя такими пахучими цвѣтами увиваютъ тяжелую ношу нашей жизни, сплетенной изъ волчцовъ и терній и горечи заботъ о хлѣбѣ насущномъ... Все это я зналъ, слышалъ и видѣлъ; но болѣе—не зналъ, не видѣлъ и не слышалъ ничего! Дѣтскому моему сердцу и дѣтской моей фантазіи представлялось поэтому обширное поприще окружать актъ ставляння кути на покуття чудесами:—фантазія окружала его какимъ-то ореоломъ святости, какою-то таинственною многозначительностію,

какимъ-то неуловимымъ въ формы величіемъ, а сердцу—какою-то трепетно-благоговѣйною теплотою чувства любви и стремленія къ неизвѣстному, таинственному, великому, святому...

— — — — — —

— —„ну, такъ вотъ я вожусь съ Антономъ и другими мальчиками, моими сверстниками, у коморы, снаряжая *дренджóлята* (извѣстнаго устройства маленькіе сани) и *грымакú* (куски льда, извѣстнымъ образомъ приготовленные), чтобы было на чемъ спускаться съ горы во время праздниковъ. Но не успѣли мы кончить своихъ приготовленій, какъ на *рундуци* (крыльцѣ) показалась быстроглазая Васька и начала звать меня въ хату. Я, конечно, отвѣтилъ ей, что мнѣ некогда; но она повторила свое требованіе настоятельнѣе, намѣкая, что мнѣ дадутъ какой-то гостинецъ... Я пошелъ...

„На порогѣ *пекáрни* встрѣтила меня мать... не узнать ея, такая въ ней перемѣна! На вѣчно-блѣдныхъ щекахъ—легкій румянецъ, въ вѣчно-грустномъ взглядѣ—счастіе. А сколько нѣжности въ движеніи, съ которымъ она положила мнѣ на голову свои руки и наклонила ее назадъ, чтобы глядѣть мнѣ прямо въ лицо!.. Пусть хоть разъ во всю свою жизнь встрѣтятъ столько нѣжности въ своихъ матеряхъ дѣти нашихъ дѣтей!

„— Ну, Васюню, постáвъ намъ кутю на пóкуття! говоритъ... и улыбнулась....

„— Кутю на покуття?!.. и я вздрогнулъ отъ какого-то невѣдомаго мнѣ страха, и вмѣстѣ отъ счастья.

„Мать утвердительно кивнула головой и провела ладонями по моимъ щекамъ... потомъ поворотилась и пошла въ пекарню...

„Молча, съ сильно-бьющимся сердцемъ... быстро и съ трепетнымъ любопытствомъ оглядывая все вокругъ, вошолъ я робкими шагами въ святилище....

„Вечерній полусвѣтъ едва освѣщаетъ пекарню сквозь замерзнувшія окна; печка уже не топится... въ комнатѣ тихо, никакой работы и суеты, какъ-будто только-что совершился тутъ какой-то великій актъ, и все, счастливое благополучною

его развязкою, переводитъ дыханіе, учащенное прежде мучительнымъ ожиданіемъ, и радостно улыбается предстоящему будущему... Дивчата и молодыци стоятъ вокругъ хаты у лавокъ; скрестивъ на груди руки... смотрятъ на меня и тихо улыбаются, у печки сидитъ на лавкѣ *куховарка* Оришка, тоже скрестивъ на груди руки... смотритъ на меня и тихо и нѣсколько гордо улыбается мнѣ; возлѣ нея, на припечку, какъ пара новорожденныхъ близнецовъ,—пара горшковъ, одинъ съ узваромъ, другой съ кутею... у покуття, какъ жрица у олтаря, стоитъ предметъ благоговѣйнаго уваженія всѣхъ отъ старого до малого, сѣдоволосая баба Миниха, и бѣлою тряпкою вытираетъ покуття, и безъ того чистое—чистое....

„Я остановился по срединѣ пекарни, не зная, что мнѣ дѣлать, куда мнѣ направиться....

„— Сюда, сюда йды, Васылько!—вывела меня изъ недоумѣнія баба Миниха.

„Я подошолъ къ покуттю.

— Ну, перекрестысь и ударь тры поклоны!

„Я машинально исполнилъ приказаніе.

„— Теперъ ходимъ зо мною!.. и натянувъ сапоги и надѣвъ кожухъ, пошла изъ хаты.

„Я послѣдовалъ за нею.... Привела меня баба Миниха къ скирдѣ степного сѣна и начала отыскивать такое въ ней мѣсто, гдѣ бы сѣно было почище, не имѣло въ себѣ никакихъ жесткихъ травъ, *бадилля*, и гдѣ бы нога человѣческая или какого животнаго никогда не прикасалась. Выбрала, наконецъ, она такое мѣсто, обдергала верхнее сѣно прочь и велѣла мнѣ *смыкать* изъ средины.... Я насмыкалъ порядочную кучу.

„— Ну, возьмы-жъ и несы его за мною.

„Я забралъ сѣно и пошолъ за бабою Минихою.

„— Положы-жъ его на покутти! сказала она, когда мы снова очутились въ пекарнѣ.

„Я положилъ.

„— Розстелы его гарненько.

„Я разостлалъ.... Затѣмъ, баба Миниха заставила меня,

собственноручно и безъ всякой посторонней помощи, перенести съ припечка на покуття горшки съ кутею и узваромъ, уставить ихъ тамъ хорошенько въ сѣно[1]), чтобы не опрокинулись, взять пару хлѣбовъ и накрыть ими эти горшки; потомъ пойти въ свѣтлицу, взять оттуда миску съ сотами и тоже уставить на покутти: баба Миниха только командовала мнѣ и въ сѣромъ полу свѣтѣ тихо ходила предо мною, какъ какой-то таинственный церемоніймейстеръ въ какой-то таинственной церемоніи....

„Когда были уставлены и соты, баба Миниха велѣла мнѣ снова перекреститься и ударить три поклона, и когда я и это исполнилъ, велѣла мнѣ итти прочь, къ моимъ гренжолятамъ и тигримакамъ.... Сопровождаемый нѣжною улыбкою матери и тихими улыбками дивчатъ и молодыцъ, я пошелъ изъ хаты, съ поникшею головою, полною какихъ-то таинственныхъ образовъ, гдѣ въ сѣромъ полу-мракѣ все какія-то тихія и нѣжныя улыбки женщинъ.... И когда я сошелъ съ рундука и медленными шагами направился къ коморѣ, я нѣсколько разъ останавливался въ раздумьи и оглядывался назадъ, какъ-будто тамъ, въ пекарнѣ, я что́-то забылъ, или чего-то не разглядѣлъ, или чего-то не разслышалъ...“.

Вотъ-какъ у насъ, мой читатель, ставили когда-то и ставятъ еще и теперь кутю на покуття въ семействахъ, сохраняющихъ обычаи предковъ! Вамъ, можетъ быть, тутъ не понятно, почему кутю долженъ ставить непремѣнно мальчикъ? Не берусь разъяснять вамъ этого, потому что хотѣлось бы мнѣ, чтобы разъясненіемъ такимъ, а равно и разъясненіемъ еще многого другого, остающагося у насъ неразъясненнымъ, за-

1) Мальчикъ, неся кутю на покуття, долженъ при этомъ *квоктать*, какъ *квóкчеть квочка*, насѣдка, когда созываетъ своихъ дѣтей. Квоктать должны также и другіе мальчики, если они при этомъ случатся; но женщины и дивчата ни подъ какимъ видомъ не должны квоктать. Въ семействѣ Василія Петровича, обычай квоктать, какъ видно, не соблюдался, или Василій Петровичъ объ этомъ забылъ.

нялся кто-нибудь болѣе свѣдущій меня въ объясненіи внутренняго смысла нашихъ вѣрованій, или по крайней мѣрѣ, значенія обрядовой оболочки, въ которой они проявляются. Я только скажу съ своей стороны, что обычай этотъ,—ставить кутю на покуття руками неженатаго мужчины, и именно—невозрастнаго дитяти, у насъ повсемѣстный.

Время послѣ ставляння кути на покуття, пока совершенно стемнѣетъ, употребляется хозяйками на окончательное приготовленіе печки къ завтрешнему дню (т. е. на бѣленіе мѣломъ или бѣлою глиною наружной ея стороны, закоптившейся отъ топки послѣ предварительнаго бѣленія, а равно и на бѣленіе припечковъ, на мазаніе *рудóю* глиною челюстей и *зáпичкивъ*), на снаряженіе стола къ предстоящей трапезѣ, а также и для того, чтобы покупать и вымыть дѣтей, если только эти послѣднія должны къ кому-нибудь нести или везти *вечéрю*.

Но послушаемъ снова Василія Петровича, его разсказъ о томъ, какъ садятся у насъ за *вечéрю* на Багату Кутю, или кáкъ у насъ *встрѣчаютъ кутю*.

„....Какъ живо выдвигается въ моей памяти эта картина моего дѣтства!... и этотъ полумракъ-полусвѣтъ, и эти невыразимая прелесть какого-то таинственнаго смѣшенія всего во едино: чада вмѣстѣ съ домочадцами; праздничная чистота хаты и всего ея убранства—а люди свои, домашніе, въ одеждѣ домашней, буднишней; торжественное выраженіе лицъ и движеній —и, повидимому, обыденная жизнь, ужинъ, столъ съ пищею и ложками; курящій ладанъ—и семейный очагъ; глава семьи—и вмѣстѣ какой-то жрецъ; хата—и вмѣстѣ храмъ; семья—и вмѣстѣ общество вѣрующихъ....

„Въ пекарнѣ два длинныхъ стола, одинъ у покуття, другой въ сторонѣ, уставленные приборами[1]), съ горами пироговъ въ мискахъ и кучею рюмокъ и графинчиковъ съ настойками... надъ столомъ у покуття вколоченъ въ стѣну гвоздь, и къ

[1]) Во время Багатой Кути болѣе чѣмъ когда-либо соблюдается у насъ обычай ставить лишній приборъ для нежданнаго гостя.

гвоздю прилѣплена зажженая восковая свѣчка—больше свѣту въ хатѣ нѣтъ... предъ этимъ столомъ, противъ свѣчки и окруженный дымомъ ладану, стоитъ, будто въ сіяніи и на облакѣ, сѣдой какъ лунь старикъ, мой отецъ, въ бѣлой рубахѣ и въ бѣлыхъ въ сапоги шароварахъ... въ лѣвой рукѣ у него курильница, онъ поднялъ ее вверхъ и тихо поводитъ ею, и кадитъ ладаномъ... позади отца мы всѣ, кучею: домочадцы, наймиты и наймычки, душъ двѣнадцать, и вся семья—мать, сыновей четверо, пять дочерей, двое зятьевъ и душъ семь внуковъ и внучекъ отца....

„Стали всѣ, стихли....

„Старикъ поднялъ правую руку, перекрестился и тихимъ, торжественнымъ голосомъ началъ: „Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй!... Богородице Диво, радуйся, благодатная Маріе!“

„За отцомъ крестились и мы, и мысленно произносили за нимъ слова молитвы....

„Послѣ „Богородице“ старикъ прочиталъ „Отче нашъ“, и когда закончилъ словомъ „отъ лукаваго“ [1]), перекрестился снова, отдалъ курильницу матери и молча сѣлъ за столъ передъ покуттямъ. Мы тоже всѣ перекрестились и молча сѣли за столы, семья у покуття, домочадцы—у другого стола.

„Снова глубокое, торжественное молчаніе воцарилось въ хатѣ....

„Отецъ взялъ графинчикъ съ любимою своею настойкою, налилъ большую рюмку, перекрестился, взялъ рюмку въ правую руку, поднялъ ее вверхъ и тихо произнесъ—„Нехáй же легèнько згадáетця сынови моèму Ивáнови, де винъ здорôвъ повертáетця!...“ и слезы брызнули изъ его старыхъ очей.... За старикомъ заплакало все, что было въ хатѣ, за обоими столами, отъ моей доброй матери, до сѣдоусаго и твердаго, какъ загартованная сталь, старого *дида* Мины....

---

[1]) Обращаю вниманіе читателя, что молитва здѣсь читается не до конца, а только до слова *отъ лукаваго*.

„А отецъ сквозь слезы продолжалъ:—„Нехай легенько згадаетця й дочци мои Гáли, де вонà здорôвенька повертаетця!“ „Мать, сестры и всѣ женщины за обоими столами поврыдъ заплакали....—„Нехай легенько згадаетця й моему нàймытови Петрôви, де винъ здоровъ повертаетця!“... и старикъ поставилъ рюмку на столъ и закрылъ лицо обѣими руками... а сирота Федóра, сестра наймыта Петра, зарыдала и выбѣжала изъ пекарни въ прихожую...“.

Вы, можетъ быть, думаете, мой читатель, что представленная здѣсь Василіемъ Петровичемъ картина всеобщаго плача семьи и домочадцовъ, при воспоминаніи объ отсутствующихъ за первою чаркою, есть какое-нибудь явленіе случайное, или что для большаго эффекта Василій Петровичъ употребилъ тутъ краски слишкомъ яркія... Нѣтъ, нисколько: тутъ все вѣрно съ дѣйствительностію до самой малѣйшей черты, и всѣ это наша общая и постоянная принадлежность. Все, чтó онъ тутъ сказалъ, вы и теперь можете встрѣтить во всѣхъ нашихъ семействахъ, держащихся предковскихъ обычаевъ, и всякая такая семья, за первою чаркою на Багату Кутю, непремѣнно прольетъ слезы въ память тѣхъ членовъ своихъ, которые живы и которые почему-либо не могли насладиться счастіемъ встрѣтить кутю у себя, въ семьѣ, за общимъ семейнымъ столомъ. Украинцы, особенно женщины, любятъ всегда вспоминать за чаркою отсутствующихъ членовъ семьи, но плакать при этомъ—не плачутъ, а если и плачутъ, то или вслѣдствіе какихъ-либо особенныхъ случайностей, или потому, что ужъ, кáкъ у насъ говорится, они *пидъ чáрочкою*; но на Богату Кутю плачутъ они непремѣнно, и всѣ, и просто только потому, что отсутствующіе —въ отсутствіи, а не у себя, не съ ними. По понятію украинцевъ, большое для человѣка несчастіе жить вдали отъ семьи, большое несчастіе не быть или не поспѣть вô-время на такую семейную радость, какъ, напр., женитьба брата или выходъ замужъ сестры; но самое большое, по ихъ понятію, несчастіе— не быть или не поспѣть вó-время на Багату Кутю; и вслѣдствіе такого отсутствія, на Багату Кутю заплачетъ вся ваша

семья, заплачутъ домочадцы, заплачетъ и вашъ сѣдоволосый отецъ, хоть будь у него не одинъ, а десять желѣзныхъ характеровъ.... И не обрядъ только онъ будетъ исполнять, обливая слезами свое старческое лицо,—нѣтъ! Онъ плачетъ потому, что онъ уязвленъ въ самое чувствительное мѣсто своего сердца: у него, по преимуществу семьянина, въ праздникъ *семьи*, отнятъ одинъ членъ семьи....

Считаю нужнымъ сказать еще нѣсколько объяснительныхъ словъ къ выписанному мною отрывку изъ автобіографіи Василія Петровича.

Во первыхъ, членами семьи, съ точки зрѣнія Багатоѣ Кути, считаются у насъ всѣ тѣ, которые, если не живутъ въ одной хатѣ, покрайней мѣрѣ работаютъ на одно хозяйство и живутъ изъ одного хозяйства, а слѣдовательно: глава семьи, мать, всѣ неженатые сыновья и незамужнія дочери, не отдѣленные женатые сыновья съ семействами, зятья, живущіе въ *прыймахъ*, съ семействами, и наконецъ домочадцы, конечно тамъ, гдѣ они не слуги и рабы, а дѣйствительно *домочадцы, чѐлядь*. Къ этимъ членамъ семьи, хотя и не въ такой уже степени, причисляются, во время Багатой Кути и замужнія дочери съ своими мужьями, если у нихъ нѣтъ еще дѣтей,—вообще, если у нихъ нѣтъ своей семьи,—и отдѣленные женатые сыновья, находящіеся въ такихъ же условіяхъ, какъ и замужнія дочери: они тоже должны бы быть на Багату Кутю за общимъ семейнымъ столомъ. Имѣющіе же свои семейства сыновья и дочери—хорошо если бы были, а нельзя имъ—они покрайней мѣрѣ должны послать своихъ дѣтей сегодня, или послѣ, *съ вечерею,* къ дѣду и бабкѣ, и къ болѣе чтимымъ дядямъ и теткамъ.

Потомъ, я еще долженъ сказать, что на отдѣленіе у Василія Петровича домочадцевъ за особый столъ не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на отдѣленіе господъ отъ лакеевъ и горничныхъ, и хозяевъ отъ прислуги,—нѣтъ! Если бы у Василія Петровича смотрѣли такъ на домочадцевъ въ день Багатой Кути, то вѣрно бы не сѣли встрѣчать ее въ пекарнѣ, а помѣстились бы въ свѣтлицѣ, что̀ ли, какъ и дѣлаютъ иные между моими земля-

ками: но тутъ на нихъ смотрѣли такъ, какъ смотритъ во время Багатой Кути, на своихъ домочадцевъ и вся масса украинскаго населенія, т. е. какъ на членовъ же семьи, и ихъ не посадили за общій столъ только потому, что тамъ негдѣ было имъ помѣститься, и отдѣлили ихъ за особый столъ, какъ отдѣляютъ у насъ иногда за особый столъ молодежъ или дѣтей, когда количество обѣдающихъ слишкомъ уже велико. Изъ разсказа Василія Петровича видно, что отецъ его былъ то, что̀ называется *старосвицькый чоловикъ*, а старосвѣтскій человѣкъ почелъ бы съ своей стороны большою неделикатностію, даже дѣломъ богопротивнымъ—не посадить на Багату Кутю своихъ домочадцевъ за одинъ съ собою столъ.

Наконецъ, скажу еще, что если у семьи выберется такая счастливая Кутя, что всѣ члены ея на лицо, слезъ вы тутъ не увидите, и предъ первою чаркою глава семьи только говоритъ: „Ца̀рство жъ небе́сне на̀шимъ батька̀мъ и матеря̀мъ“ (или „нашимъ родытелямъ“. Нашимъ—т. е. его самого и его жены), нашому Ива́севи“ и т. д.

Но будемъ слѣдить далѣе за ходомъ Багатой Кути!

Отдавши должную дань сожалѣнія объ отсутствующихъ, хозяинъ дома отираетъ себѣ слезы.... Но онъ долженъ отереть ихъ и другимъ, потому что онъ глава семьи;—и вотъ онъ съ сердитымъ и удивленнымъ видомъ (какъ будто онъ) въ хатѣ и не былъ и не плакалъ, а такъ себѣ, только что вошелъ, и видитъ, что всѣ плачутъ—восклицаетъ:—„Э-ге-ге!.. та оцѐ вы бачу̀ пла́чете?!.. А та дурна̀ якъ розрюмалась!... Го̀ди жъ уже́, кажу́, го̀ди!... Иды сюды, Федо̀рко!..“, и семья вся сквозь слезы улыбается, а Федо̀рка входитъ въ пекарню, отирая очи рукавомъ, и садится за столъ.—„Ну, продолжаетъ хозяинъ дома, когда всѣ стихли:—нехай же легенько згадаетця всимъ!.. помершимъ царство небесне, а намъ всимъ на здоро́вья!...“, выпиваетъ чарку и дѣлаетъ извѣстное возліяніе, быстро брызгая изъ нея черезъ голову остатокъ водки въ потолокъ, сопровождая иногда еще словами: „Щобъ выбрыку́валы!“ За главою семьи пьетъ водку хозяйка дома, за хозяйкою дома—старшій сынъ

и т. д. по старшинству семейной іерархіи, до послѣдней наймычки, до самаго малаго ребенка: хоть понемножку, но пейте всѣ—*такъ годытия*[1]).

Обратимся теперь къ яствамъ...

Прежде всего подаются на столъ пироги. Главную роль играютъ тутъ пироги печеные и именно пироги съ макомъ, помазанные сверху медовою патокою, а у людей недостаточныхъ—пироги съ вареныимъ и растертымъ горохомъ, или съ вареною и растертою *квасблею*, помазанные сверху *смдженымъ* съ лукомъ, конопляныимъ, или льнянымъ масломъ. Второе мѣсто занимаютъ пироги, жареные на сковородѣ въ постномъ маслѣ, съ поджареною *шаткбваною* капустою, съ вареныимъ и растертымъ картофелемъ, а у людей, которые подостаточнѣе и которые начали уже знакомиться съ разными кухонными усовершенствованіями,— и съ гречневою крупою, перемѣшанною съ вязигою.—Пирогами закусываютъ водку и, кому нравится, съ пирогами же ѣдятъ и слѣдующія блюда.

За пирогами слѣдуетъ приготовленный на постномъ маслѣ, съ рыбою, борщъ. Борщъ для Багатой Кути приготовляютъ у насъ различный; но большею частію въ это время является у насъ на столѣ любимый нами жидкій, въ который входятъ. квасъ изъ квашеныхъ *буряквъ* (свеклы), одна-двѣ луковицы луку, нѣсколько зеренъ нетертаго круглаго перцу, конечно—соль, и неподжаренные свѣжіе караси, пожалуй съ прибавкою нѣсколькихъ линовъ.

За борщемъ слѣдуютъ наши *товчѐныкы*, уха изъ щуки, приготовляемая на постномъ маслѣ. Щука въ товченыкахъ является и въ естественномъ своемъ видѣ, особенно головка ея и хвостъ; но главнымъ образомъ является она въ клёцкахъ, приготовленныхъ изъ щучьяго мяса и муки, или крошекъ бѣлаго хлѣба, и обернутыхъ въ щучью кожу. Сюда входятъ также лукъ и перецъ, какъ и въ описанномъ выше борщѣ.—Товче-

---

1) Если ребенокъ такъ малъ, что ему нельзя давать водки, ему, по крайней мѣрѣ, намочатъ ею немного темя.

ныки, составляя одно изъ лакомѣйшихъ блюдъ украинской кухни[1]), въ то же время составляетъ необходимую принадлежность *вечѐри* на Багату Кутю особенно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Украины, такъ-что нѣтъ товчениковъ—кутя выходитъ *гырява*. По этой-то причинѣ у меня выше украинская семья и радуется такъ щукѣ.

Послѣ товчениковъ подаютъ жареную на постномъ маслѣ рыбу,—главнымъ образомъ щуку и карася.

Тамъ является на столъ героиня вечери, *кутя́*: круто сваренная, изъ описанныхъ мною въ первомъ письмѣ сортовъ крупы, каша.... Хозяйка дома беретъ тутъ же, съ покуття, миску съ сотами, требуетъ себѣ холодной воды и чистую миску, кладетъ въ послѣднюю сотовъ, вливаетъ воды, раздавливаетъ въ ней ложкою соты и приготовляетъ такимъ образомъ *сыту́*. За тѣмъ, выбравши изъ ситы ложкою всю вощину, накладываетъ въ нее кути.... Кути обыкновенно ѣдятъ мои земляки и землячки, немного, впрочемъ, всего случается!... Народу это не понравилось, и онъ опозорилъ подобныхъ обжоръ анекдотомъ, который онъ часто разсказываетъ, и въ которомъ объѣвшійся глава семьи, метаясь на *полу́*, взываетъ къ женѣ и дѣтямъ: „Жинко моя́, диты мои, кутя́ менѐ зъ свита зженѐ!“ Есть еще и другіе анекдоты на ту же тему, но отъ народа вы ихъ не услышите; онъ ихъ отвергъ, потому что въ анекдотахъ этихъ онъ не нашелъ ничего, что̀ хоть сколько-нибудь и какъ-нибудь было бы на него похоже, а нашелъ представленными такія послѣдствія обжорства кутею, какихъ онъ за собою не чувствуетъ. Анекдоты, поэтому, остались только средствомъ для услажденія бесѣдъ пановъ и семинаристовъ, т. е. сохраняются въ памяти только той среды, въ которой они получили свое начало.

За кутею слѣдуетъ послѣднее блюдо, *узва́ръ*—отваръ изъ сушеныхъ фруктовъ, о которыхъ я тоже говорилъ въ первомъ

---

[1]) Въ сѣверныхъ губерніяхъ товченики вкусно приготовлены быть не могутъ, потому что мясо сѣверной щуки жестко и безвкусно.

письмѣ. Его наливаетъ въ миску тоже сама хозяйка, и ѣдятъ его тоже понемногу.

Во время вечери водки пьютъ мало: рюмку, а много-много двѣ-три, да и то только старшіе мужчины; больше *никто* не пьетъ *никогда* и *ни въ какомъ случаѣ*: *не годытця*, *не звычайно*, *грихъ*! Тѣмъ не менѣе, хоть за вечерею этою пьютъ водки и мало и хоть начинается она обыкновенно слезами, весело тутъ бываетъ очень-очень!... такъ весело, какъ ни въ одинъ праздникъ въ году!... Тутъ забывается весь міръ съ его суетою, всѣ печали и горести, всѣ и все... и все, что тутъ есть, отдается прелести настоящаго, празднику, во имя семьи и благъ семейнаго счатья... Тутъ нѣтъ хохоту, нѣтъ шумныхъ выраженій радости, часто снимающихъ съ празднованій оболочку граціи и часто отнимающихъ у нихъ прелесть задушевности: тутъ только тихій смѣхъ, тихія улыбки, тихіе взгляды... Но въ этомъ тихомъ смѣхѣ, въ этихъ тихихъ улыбкахъ и взглядахъ, столько истинной веселости или, лучше сказать, столько истиннаго, по истинѣ, счастливаго счастья, столько теплоты и сердечности, что заброшенный на чужую сторону,—только вспомнитъ—улыбнется, а пожалуй еще и слезу выронитъ... Старикъ—глава семьи—оставляетъ тутъ свою обычную суровость и спускается до женскихъ или дѣтскихъ понятій и интересовъ: онъ говорливъ, шутливъ... женщины и дѣти спѣшатъ къ нему съ роемъ своихъ поэтическихъ грезъ и замысловъ. Тутъ и обычай, чтобы отецъ дарилъ тому, кто изъ дѣтей чихнетъ за вечерею--корову, теленка, ягненка... и хитрости дѣтскія—нюхать перецъ, чтобы чихать... Отецъ понялъ дѣтскую хитрость и, вмѣсто ожидаемаго ягненка, даритъ рудóго кота Брýньку, или рябýю кошку Мáшку... О, если бы мнѣ еще хоть разъ въ жизни прожить такую вечерю!... Народъ нашъ созналъ хорошо, что такое для него Кутя, и сознаніе свое выразилъ въ любимомъ своемъ тонѣ, въ тонѣ, что называется „на догáдъ бурякивъ, щобъ далы капýсты“ и „знай догадáйсь!“,—выразилъ насмѣшкою надъ цыганомъ, который разсуждаетъ, что хорошія, дескать, вещи Велыкдень и Риздвó: сегодня кормятъ хорошо и завтра не дурно; но нѣтъ въ

мірѣ ничего лучше Богатой Кути—сегодня хорошо, а завтра еще лучше!... „А что ужъ заговѣнье“, заключаетъ цыганъ: „то хоть бы его и никогда не было: сегодня ѣшь хоть тресни, а завтра—*зъ хриномъ борщъ, зъ хриномъ борщъ!*“ 1).

Послѣ вечери тотчасъ и отправляютъ дѣтей съ *вечéрею* къ дѣду, бабкѣ, любимымъ и уважаемымъ дядямъ, теткамъ. Кáкъ ихъ снаряжаютъ и кáкъ отправляютъ,—предоставлю объ этомъ разсказать послѣ, болѣе опытному разсказчику, Василію Петровичу; а я буду продолжать свое, замѣтивъ напередъ, что если лица, къ коимъ слѣдуетъ везти кутю, живутъ далеко, то съ кутею къ нимъ отправляютъ и на первый и на второй день праздника,—что кутю привозятъ такъ и замужнія дочери и женатые сыновья, пріѣзжаютъ ли они къ *вечéри*, или послѣ, во время праздниковъ—и что привезшихъ кутю не угощаютъ, а дарятъ деньгами, по крайней мѣрѣ малолѣтнихъ.

Выпроводивъ съ вечерею дѣтей, хозяйка тѣхъ изъ нихъ, которыя остались дома (что впрочемъ бываетъ только въ случаѣ ихъ болѣзни), вымоетъ имъ всѣмъ головы и ноги, дастъ имъ чистое бѣлье и тотчасъ уложитъ всѣхъ спать. Въ это время моютъ себѣ головы и ноги и все мужское населеніе семьи. Очистившись такимъ образомъ и надѣвъ чистое бѣлье, *тотчасъ ложатся спать всѣ безъ исключенія,* и никто изъ нихъ, равно какъ никто изъ женщинъ, послѣ вечери на Багату Кутю, не пойдетъ никуда ни подъ какимъ видомъ, на *дóсвиткы*, на *улыцю*, на какое-нибудь бражничанье, погулянки, въ гости и т. п.; потому что это было бы такимъ нарушеніемъ всякаго приличія, такимъ безстыдствомъ, такимъ неуваженіемъ къ добрымъ нра-

---

1) Въ первый день поста, какъ извѣстно, звонятъ въ маленькіе колокола. На Украинѣ, такіе колокола приводятся въ движеніе обыкновенно посредствомъ извѣстнаго рычага, *коромысла*, и издаютъ мѣрные звуки въ три темпа. Въ этомъ трехтемпномъ звукѣ постового звона моимъ землякамъ послышались слова *зъ хриномъ борщъ*, составляющія три слога и указывающія, какою пищею слѣдуетъ питаться, во время первой недѣли поста, благочестивымъ христіанамъ.

вамъ, къ законамъ Божескимъ и къ сросшими съ нашею плотью и кровію, обычаямъ, что окаяннаго вытолкали бы изъ хаты, и онъ бы сдѣлался предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ и презрѣнія.

Когда всѣ мужчины и дѣти улеглись спать, женщины проворно приносятъ изъ погреба и изъ *хыжъ* и коморъ все, что имъ нужно для завтрешняго стола и убранства, перемываютъ посуду, мажутъ *дилъ* рудою глиною снова, моютъ себѣ головы и ноги, надѣваютъ чистое бѣлье, убираютъ все изъ хаты прочь, чтǒ только есть въ ней грязнаго, и—кто ложится спать, а кто ждетъ возвращенія дѣтей, повезшихъ или понесшихъ вечерю. Воротились дѣти,—поджидавшая уложитъ и ихъ спать, подмететъ на ночь вѣникомъ еще разъ полъ... потому что мы вѣруемъ, что предъ каждымъ праздникомъ по нашимъ хатамъ ходитъ ангелъ, и мы боимся, чтобы онъ не задѣлъ своею святою ножкою за какую-нибудь соломинку и не огорчился бы этимъ онъ, святой небожитель... Послѣ этого, поджидавшая дѣтей и сама ложится спать, зажегши напередъ цѣлую свѣчу или подложивъ побольше масла или сала въ каганець, потому что мы вѣруемъ, что въ этотъ вечеръ огонь долженъ горѣть въ нашихъ хатахъ всю ночь, отъ зари до зари... И онъ дѣйствительно горитъ у насъ во всѣхъ хатахъ отъ зари до зари, и незнающій нашихъ обычаевъ и вѣрованій, если бы ему случилось проѣзжать чрезъ село наше или нашъ хутовъ *въ ночь предъ Рождествомъ*, могъ бы подумать, что мы пьянствуемъ въ это время или чтǒ непотребное дѣлаемъ, или что всѣ наши хаты, „Духъ Святый при нихъ и при нашихъ осéляхъ!“ населены вѣдьмами, да колдунами, и тамъ врагъ добрыхъ людей, чортъ, строитъ съ ними какія-то бѣсовскія проказы...

Вотъ, мой читатель, какова у насъ Багата Кутя, съ той минуты, какъ откроетъ ее на рижкивскихъ болотахъ, съ своею лопатою и плешнею семидесятилѣтній рыбалка, Каленикъ, по отечеству Даниловичъ, по прозванію Переграй, до того момента, какъ закончитъ ее, всыпавъ въ каганець масла или сала поджидавшая дѣтей, возившихъ вечерю, хозяйка нашей хаты, или хозяйкина невѣстка! Иной кути, быть можетъ гдѣ нибудь въ ка-

кой-нибудь повѣсти, кѣмъ-нибудь описанной, вѣрьте, у насъ нѣтъ! Можетъ, я нескладно спѣлъ, но сказалъ правду,—не вкусно, можетъ, спекъ, но горячо!...

И скажу еще вамъ, мой читатель, что какъ бы вы ни объясняли формацію нашей Богатой Кути, какіе элементы вы ни желали бы видѣть въ ея основаніи, до полнаго уразумѣнія ея внутренняго смысла, мнѣ кажется, вы никакъ не дойдете, если не допустите въ ней присутствія, и при томъ въ сильной степени, какого-то изъ сердца идущаго чествованія *своему близкому, родному.* Я говорю это потому, что своимъ, *риднымъ*, какъ-то особенно сильно дышетъ у насъ этотъ день и вся его обстановка, начиная отъ выбора сортовъ рыбы и отъ пироговъ съ макомъ и медомъ, до слезъ за первою чаркою и развозки *кути* по *роднымъ, близкимъ*!... Какія именно стороны нашего прошлаго были мотивомъ для такого чествованія,—не берусь разсуждать; „хто його знáе! про те письмѐнни люди знàють—ихъ роспытáйте!“.

Въ заключеніе послушаемъ, что Василій Петровичъ разсказываетъ о сборахъ въ поѣздкѣ съ вечерею и о самомъ выѣздѣ. Предупреждаю только, что въ достаточныхъ семействахъ, кромѣ кути и узвару, дѣйствительно посылаютъ и еще разныя разности, какъ говоритъ и Василій Петровичъ; но въ семействахъ недостаточныхъ или очень далеко живущихъ отъ дѣда, бабки, отца, матери и т. д., ограничиваются, первые,—только узваромъ и кутею, а вторые—одною кутею.

„...Вотъ“, говоритъ Василій Петровичъ, „мать моя уже хлопочетъ около вечери! Горщечки, баночки, *макитерки*, тарелки,—съ кутею, узваромъ и разными разностями—уставлены въ безмѣрной величины бѣлую миску, въ которой обыкновенно святятъ паску... Вотъ миска эта завязана въ безмѣрной величины скатерти снѣжной бѣлизны; терпѣливо поджидаетъ насъ и обливается отъ варёного, какъ обливается пòтомъ, красавица-невѣстка, въ бѣломъ съ усами новенькомъ нагольномъ тулупѣ, уже собравшаяся въ Рождество ѣхать къ матери, но еще поджидающая своего мѣшкотнаго сибарита-мужа.

„Вотъ на насъ, дѣтяхъ, уже *билéньки сорочечки*, а тамъ и остальное убранство; по обычаю, мать убрала насъ всѣхъ

лентами... На насъ верхняя теплая одежда; на мнѣ шубка на бѣломъ кроличьемъ мѣху, предметъ зависти моихъ сестеръ и разныхъ ихъ женскихъ ухищреній!...

„Вотъ уже и нянька моя собралась—смотрѣть за дѣтьми въ дорогѣ; и сѣдоволосая баба Миниха явилась, съ своимъ ангельски-добрымъ лицомъ, смотрѣть за *вечéрею* во время пути, представить такой же сѣдоволосой, какъ и она сама, бабушкѣ нашей ея внуковъ, поздравленіе ихъ съ святъ-вечеромъ и самую вечерю; по мнѣнію всѣхъ только одна Миниха могла занять мѣсто моей матери въ такомъ торжественномъ случаѣ!

„Вотъ, лучшія сани, устланныя лучшими коврами изъ материныхъ сундуковъ и запряженные лучшими жеребцами изъ отцовской конюшни, свиснули мимо оконъ и со скрипомъ остановились у крыльца,—а на козлахъ, между двухъ кониковъ, сидитъ самъ дидъ Мина, никогда обыкновенно не исполняющій обязанностей возницы, но на этотъ разъ взявшійся за прочносдѣланныя возжи, какъ болѣе достойный править такими крутошеими жеребцами и какъ болѣе сообщающій торжественности такому торжественному событію, какъ поѣздка къ бабушкѣ съ вечерею!...

„Вотъ дивчата понесли на крыльцо кучу нагольныхъ тулуповъ и великана-миску съ вечерею, а заними и мы на крыльцо!... Огромный тулупъ растянулся поперегъ саней въ ногахъ; мы, дѣти, закутаны всѣ, каждое въ отдѣльный тулупъ, распустивъ свои рукава и полы, охватилъ насъ въ свои теплыя мохнатыя объятія... Нанька помѣстилась возлѣ насъ съ одной стороны, баба Миниха съ другой...

„—Зъ Богомъ!—говоритъ мать и осѣняетъ крестомъ весь нашъ поѣздъ.

„Дидъ Мина тряхнулъ возжами, Павло, державшій лошадей подъ уздцы, отскочилъ въ сторону, и сани скрипнули и понеслись стрѣлою, свистя полозьями и изрѣдка подпрыгивая на попадавшихся кочкахъ.

„Вотъ мы уже за дворомъ, вотъ несемся вдоль хутора, поворотили на *взвизъ*, уже мы на рѣкѣ... Поворачиваемъ головки:—

на горѣ, на крыльцѣ, виднѣются всѣ насъ провожавшіе: вотъ и Павло, вѣроятно любуется лоснящеюся на лунномъ свѣтѣ шерстью вычищенныхъ имъ жеребцовъ; вотъ *мирошникъ* стоитъ, конечно разсуждая, что кониковъ-то пристроилъ онъ къ санямъ надежныхъ; и Васька *килимниция* должно быть скрестила руки на груди, ради теплоты, и жмурится быстроокая, не разглядитъ ли яркихъ цвѣтовъ на коврахъ; а вотъ и добрая моя мать!... и безъ сомнѣнія, думаетъ она не о крутошеихъ жеребцахъ, и не о надежныхъ кониковъ, и не о яркихъ цвѣтахъ на коврѣ...".

20 декабря 1858.

ПИСЬМО 3-е. [1]

СВЯТЫЙ ВЕЧИРЪ. [2]

Теперь, мой читатель, не на *Рижкивски* болота, не къ *Рижкивскимъ духáмъ и изкамъ*, а въ самую глубь села *Рижкивъ*, на площадь передъ рижкивскою церковью, а пожалуй и на самую рижкивскую колокольню!.. Да торопитесь, мой читатель: скоро вторые пѣтухи запоютъ, а рижковскому *паламарéви* (пономарю) не то, что Нестору рижкивскихъ рибалокъ [3]). Приметcя Калѐникъ Даниловичъ за свое дѣло немножко раньше, или немножко позже,—ни чьи интересы не потерпятъ, никто за это не осудитъ; но рижкивскій пономарь—зазвони слишкомъ рано—„якѐ вже тамъ и молиння такъ рано!" —слишкомъ поздно—„и вжѐ! якъ такъ и паламарювáть!" Конечно, иному прочему на эти *сýды и пересýды* можно и вниманія не обратить,

---

[1]) Основа, 1861 г,, іюнь, 21—38.

[2]) Первый день Рождества народъ большею частію называетъ *Ризд вóмъ*, *Риздво*. Но какъ *Риздвóмъ* называются и вообще Рождественскіе праздники, то мною и избрано *Святый вечиръ*, какъ названіе съ болѣе тѣснымъ значеніемъ и притомъ употребляемое въ колядкахъ. Впрочемъ, и это послѣднее названіе не вездѣ одинаково употребляется, какъ это читатель увидитъ изъ послѣдующаго въ моемъ разсказѣ.

[3]) См. 2-е Письмо.

и какая-нибудь отчисленная изъ училищнаго въ епархіальное вѣдомство *фáра* или *инфыма*[1]),—словомъ, какая-нибудь вольная птица, которая сегодня здѣсь, а завтра тамъ, такъ бы, въ этомъ случаѣ, и поступила; но теперешній рижкивскій пономарь, *Гарáсько Трохымовичъ*, лицо громáдское и избранное судомъ громàдскимъ, а чтò всего важнѣе, избранное безъ какихъ-либо внушеній или наблюденій:—такъ случилось;—а въ подобномъ случаѣ—„Э, ни! оцюды слýхай!“ Какъ только избрали Гараська Трохымовича въ пономари: „А якá бýде рáда?“ тотчасъ обратился онъ съ рѣчью къ старѣйшимъ и почетнѣйшимъ. *Рáда була—дрýги пивни*,—и съ того времени, вотъ ужъ пятнадцать лѣтъ, а рижкивскіе колокола еще ни въ одну ночь передъ Рождествомъ не потрясали над-рижкивскихъ пространствъ, ни раньше вторыхъ пѣтуховъ, ни позже, каковы бы ни были въ воздушныхъ пространствахъ атмосферическія обстоятельства, и какъ бы иной разъ ни хотѣлось рижкивскимъ колоколамъ подремать, хоть немножко, хоть *чýточку,* хоть *пивчýточки* (существительное, которому въ великорусскомъ языкѣ нѣтъ соотвѣтственнаго,—отъ *чуть*).

Какъ тихо вездѣ! Не будь огоньковъ въ окнахъ—видите, въ той вонъ сторонѣ, какъ весело—два окна? Это у Гаврилèнкивъ,—есть кому и есть изъ чего... А бѣднякъ Лéбедь—*тилькы-тилькы*!.. А какая погода теплая! Не будетъ ли снѣгъ къ утру? Сколько я замѣтилъ, въ эту пору на Рождество почти всегда такая.

Но тише! кажется, гдѣ-то пѣтухъ—крыльями!.. Ухъ, какой голосистый! Должно быть у Дорошыхи, удивительныхъ держитъ пѣтуховъ! А вотъ и другой, третій...

---

[1]) Семь классовъ духовныхъ училищъ и семинарій назывались Фàра, Инфима, Грамматика, Синтаксисъ, Риторика или Поэзія (послѣднее названіе можно теперь услышать только отъ стариковъ-священниковъ), Философія и Богословія. Ученики этихъ классовъ обыкновенно называются: фарыстъ или фарыста, инфымыстъ, граммàтикъ, синтàктикъ, рéторъ, философъ и богословъ, но иногда какъ и у меня: фàра, инфима и т. д.

Вторые пѣтухи на полномъ ходу! Вотъ гдѣ-то, далеко-далеко, на томъ концѣ села, какъ-будто на томъ свѣтѣ... вотъ здѣсь, тамъ, снова здѣсь—экъ разомъ хватили! должно быть съ такту сбились.

Но тише снова: кажись, залаяла собака... А, это Гара́сько Трохимовичъ! Видите, въ томъ углу площади, огонекъ какъ будто колышется: это *зъ лыхтарнею* (съ фонаремъ), должно быть идетъ будить *ба́тюшку*... Нѣтъ, остановился у Гавриленкивъ, стучитъ... Понимаю!

Надобно вамъ сказать, что паробки наши—большіе охотники звонить въ колокола. Нужно, напримѣръ, прозвонить по *вмиру́щому*: „А ну! Пѐтре или Ива́не", и Петро̀ или Иванъ, навѣрное, не откажутся, хоть дождь на дворѣ будетъ, грязь, *лиха́ годына*. Случится, прійдетъ, мѣста заняты—ничего! по-крайней мѣрѣ послушаетъ, какъ оно тамъ—*якъ въ котли кыпыть*. Я знавалъ любителей, что въ дни, когда обыкновенно цѣлый день бываетъ трезвонъ, съ колокольни и не сходили. Придите, въ воскресенье или въ какой праздникъ, въ любое у насъ село, предъ началомъ обѣдни,—паробковъ на колокольню *нашѐвкалось* (налѣзло), какъ говорится, и *ку́рци но̀сомъ нигде клюнуть*! Конечно, не послѣднее въ этомъ случаѣ и то:—будутъ итти дивчата,—*кахыкнуть*, перевѣсившись изъ окна... затарабанить пальцами по *шалёвци*, а пожалуй и *жа́ртомъ* перекинуться, если стариковъ близко нѣтъ (старики близко—*не го̀же, незвыча́йно*): но главное—какъ я сказалъ.

На такой склонности, какъ на нѣкоемъ фундаментѣ, воздвиглось убѣжденіе—и не только въ паробкахъ, и въ дивчатахъ, и даже въ извѣстной степени и въ тѣхъ, которые когда-либо были паробками и дивчатами:—чѣмъ въ большій колоколъ и чѣмъ въ большій праздникъ прозвонить, тѣмъ лучше, *величнише* (тѣмъ больше чести), а прозвонить въ самый большой колоколъ и въ одинъ изъ самыхъ большихъ годовыхъ праздниковъ,—напр. на Рождество, на *великдень, на храмъ*,—это ужь такъ хорошо и *велично*, что просто и сказать нельзя!... А на семъ, и тоже какъ на нѣкоемъ фундаментѣ, воздвигся обычай—*гривни, гривня*—де-

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА 66-го:

ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ. 1899.

Книга первая—іюль.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

Книга вторая—августъ.

ОТДѢЛЪ I

ОТДѢЛЪ II.

Книга третья—сентябрь.

ОТДѢЛЪ I-й.

ОТДѢЛЪ II-й.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

въ 1900 году

(19-ый годъ изданія)

будетъ издаваться по прежней программѣ и при прежнемъ составѣ сотрудниковъ. Журналъ выходитъ книгами, въ 12 и болѣе листовъ, въ началѣ каждаго мѣсяца, заключая въ себѣ статьи, представляющія изслѣдованія по исторіи, литературѣ и этнографіи юга Россіи, а равно цѣнные матеріалы, касающіеся той-же области; сверхъ того, будутъ печататься русскія и малорусскія беллетристическія произведенія, а также библіографическія извѣстія о книгахъ и журнальныхъ статьяхъ, касающихся юга Россіи.

Подписная цѣна *10 руб.* въ годъ съ доставкою и пересылкою, а на мѣстѣ — *8 руб. 50 коп.*; заграницу — *12 руб.* Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціей. Отдѣльныя книги журнала по *1 руб.*

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина" (Тарасовская, № 15), въ книжной торговлѣ редакціи „Кіевская Старина" (Безаковская, № 14), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи и въ книжной торговлѣ „Кіевской Старины".

Издатель **К. М. Гамалѣй.** Редакторъ **В. П. Науменко.**

Дозволено цензурою. Кіевъ, 2 октября 1899 г.